

**ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА КЕННАНА
В РОССИИ**

ВЫПУСК

17

Москва 2010

Научно-публицистическое издание
Выходит два раза в год

Издание осуществлено при финансовой поддержке Института Кеннана

Главный редактор:

Леокадия Дробижева

Редакционная коллегия:

Екатерина Алексеева (ответственный секретарь)

Юрий Батурин

Эмиль Паин

Над номером работали: Павел Королев, Галина Левина, Кэтрин Мур

Верстка: Любовь Алексенко

На обложке: Памятник солдатам стран – участниц антигитлеровской коалиции.
Поклонная гора. Москва. Фото Павла Королева

Адрес редакции:

Москва, ул. Волхонка 14, комн. 527,

РОО «Содействие сотрудничеству Института им. Дж. Кеннана с учеными
в области социальных и гуманитарных наук»

Адрес для корреспонденции:

123001, Москва, а/я 90

Тел./факс: (495) 232-34-96

Электронный адрес:

katya.kennan@gmail.com

ISSN 1998-5800

Мнения, высказанные в опубликованных материалах, могут не совпадать с точкой зрения редакции

При перепечатке материалов

ссылка на «Вестник Института Кеннана в России» обязательна

С о д е р ж а н и е

<i>К читателю</i>	5
Россия и Америка: к пониманию друг друга	
<i>Джордж Ф. Кеннан</i> Весть о Победе...	7
<i>Борис Шпотов</i> Уроки американского «большого бизнеса» для России	9
<i>Олег Реут</i> Антиамериканизм в русскоязычном сегменте блогосферы	20
«Особый путь» России	
<i>Эмиль Паин</i> О циклической природе «особого пути» постсоветской России	27
<i>Владзимеж Марчиняк</i> Понятие «пространство» в российских политических дискуссиях 1990–2000-х годов	43
Украина: единство и многообразие идентичностей	
<i>Сергей Простаков</i> Формирование политической нации в Украине: проблема юго-восточных регионов	57
<i>Ольга Вендина</i> Украина между Россией и Польшей: противоречия трансграничного сотрудничества	65
Этнические меньшинства на постсоветском пространстве	
<i>Веналий Амелин</i> Новые этнические группы в приграничье России: интеграция или сегрегация	87
<i>Владислав Волков</i> Понятие «этническое меньшинство» в латвийской социологии 1991–2009 годов	95

Научная жизнь

<i>Эмиль Паин</i> Идеология «особого пути» в России и Германии	105
<i>Екатерина Алексеева</i> Социально-политические процессы в Украине: национальная и региональные идентичности	109
<i>Ольга Малинова</i> Политическая наука и политические практики: как соединить идеи и принятие решений	115
<i>Ирина Морозова</i> Американские культурные мифы и перспективы восприятия литературы США	118
Календарь событий осени – зимы 2009/2010 года	125
Совет Товарищества	128

Книги

<i>Виктория Журавлева</i> Образы постсоветской России в репрезентациях экспертно-академического сообщества США	129
<i>Summaries</i>	140
<i>Приглашаем авторов к сотрудничеству</i>	144

К читателю

Эти строки написаны под впечатлением страшной трагедии под Смоленском, унесшей жизни президента Польши и значительной части ее элиты. Узнав о случившемся, многие заговорили о почти мистическом характере катастрофы и неминуемом осложнении и без того непростых российско-польских отношений. Но произошло то, чего мало кто ожидал: волна сострадания и сочувствия со стороны русских людей оказалась столь мощной, что появилась и стала крепнуть надежда на лучшее будущее. Мы как бы заново стали узнавать друг друга. Об этом с необычайной искренностью в эфире Первого канала телевидения говорил Чрезвычайный и Полномочный посол Республики Польша в РФ Ежи Бар: «...еще неделю тому назад я мог бы сказать: “Бывает так, что Москва слезам не верит”. А сегодня знаю, что это неправда, потому что я эти слезы видел. ...мы увидели здесь пространство солидарности».

Как показывает история, такие события действительно способны объединять людей и делать особенно явным приоритет общечеловеческих ценностей над политическими интересами и амбициями. Солидарность в борьбе с фашизмом проявляли жители стран с разными политическими системами и культурно-историческим наследием. Наш журнал, выходящий в мае 2010 года, не мог не затронуть темы 65-летия Великой Победы. Мы представляем вниманию читателя небольшой фрагмент воспоминаний основателя Института Кеннана Джорджа Фроста Кеннана, который в мае 1945 года находился в Москве, будучи временным поверенным в делах

США в СССР. Эпизод, о котором рассказывает Кеннан, хорошо передает настроения тех дней как у советских людей, так и у американцев – их общую радость от общей победы над общим врагом. Ныне, когда отношения между Россией и США нельзя назвать теплыми, особенно важно не забывать об этом моменте истории. Если дружеские чувства могли демонстрировать наши отцы и деды, то хочется верить, что на это способны и мы. Надежду дает недавнее подписание Договора о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений – документа, в котором соблюден баланс интересов России и США и который, по выражению президента России Д. Медведева, «изменил общую атмосферу отношений двух государств к лучшему».

Сразу несколько разноплановых сюжетов этого выпуска «Вестника» способствуют более многогранному представлению России и Соединенных Штатов друг о друге. Б. Шпотов обращает внимание наших «дирижеров» экономики на опыт «большого бизнеса» в США. О. Реут, анализируя неблагоприятные установки в русскоязычной блогосфере по отношению к Америке, дает все основания поразмышлять о том, что на болезненной враждебности не построишь собственной позитивной идентичности. В свою очередь В. Журавлева в обширной рецензии на монографию, посвященную образам современной России в США, во многом мифологизированным и стереотипным, ратует за признание многообразия мирового сообщества, права стран на инаковость, на собственный путь развития.

Тому, какая она – российская стезя, посвящены статьи второго раздела номера. Э. Паин продолжает разработку темы «политического маятника» в России. Глубоко продуманно соединяя звенья политических событий, он показывает цикличность происходящих процессов и их типичность для многих стран, которые, как и Россия, переживали периоды отката от демократии. Основной пафос статьи состоит в том, что в России, несомненно, есть своя специфика развития, обусловленная многими факторами, которые и являются предметом исследования автора, но это вовсе не мистический «особый путь», предопределяющий на вечные времена авторитаризм в России. С этим согласен и польский политолог Влодзимеж Марчиняк, обращающий внимание в своей статье о своеобразном использовании в России категории «пространство», на то, что концепция «особого пути» есть ни что иное, как психологическая компенсация утраченного статуса супердержавы. Эти выводы хорошо дополняет обзор Шестых Старовойтовских чтений, на которых усилиями российских и немецких ученых проблема «особого пути» была всесторонне проанализирована на примере двух тоталитарных идеологий – национал-социализма и сталинизма.

Некоторой базой для размышлений о специфике развития не только России, но и постсоветских стран в целом, являются статьи раздела, посвященного многообразию идентичностей в Украине. Совместное исследование проблем идентичности стало общим интересом украинских и российских ученых. Мы многое познаем из разработок, которые в значительной мере используют единые методологические и методические подходы, что было уже продемонстрировано в предыдущих выпусках «Вестника». В этом номере в поле зрения

идентичность в регионах. Этому посвящена статья С. Простакова, в которой рассматривается специфика сочетания политической и региональной идентичности в юго-восточных областях страны. В статье О. Вендиной анализируется еще более сложный «кейс» меняющейся, многослойной идентичности, программируемой положением приграничных регионов, население которых взаимодействует с разными государствами со своим «историческим наследием». С ней с интересом познакомятся и в России, и в Украине, и в Польше. Проблемы соотношения национальной и региональных идентичностей были предметом обсуждения и на российско-украинском круглом столе, обзор которого публикует «Вестник». Нас радует то, что ресурс связанных с Институтом Кеннана ученых расширяет возможности для взаимопонимания и совместного анализа наиболее сложных вопросов развития двух крупнейших постсоветских стран.

И наконец, в этом выпуске мы продолжим обсуждать тему этнических меньшинств в постсоветских странах. В. Амелин показывает, как адаптируются вновь прибывшие иноэтничные мигранты и взаимодействуют с русскими и лицами той же национальности, чувствующими себя уже старожилками. Описываемый опыт интересен тем, что является примером адаптации новых меньшинств при достаточно активном взаимодействии со стороны местной администрации. В статье В. Волкова понятие «этническое меньшинство» анализируется применительно к Латвии. Естественно, особый интерес для нашего читателя вызовут представленные автором данные о динамике идентичности латвийских русских, составляющих значительный массив в населении страны.

Редколлегия

Весть о Победе...

Весть о победе достигла Москвы рано утром 8 мая, и в городе началось праздничное ликование, нарушившее его обычную будничную жизнь. На здании, где находились наша канцелярия и квартиры сотрудников, конечно, всегда был вывешен американский флаг, а на соседнем здании гостиницы «Националь» тогда вывешивали флаги тех союзников, чьи миссии не имели в Москве собственного помещения и ютились в гостиничных номерах.

Около 10 часов утра на улице появилась колонна людей, преимущественно студенческой молодежи, которые маршировали со знаменами и пели песни. Заметив флаги союзных держав на здании «Националя», а также американский флаг на нашем здании, они стали выкрикивать восторженные приветствия и выражать свои дружеские чувства по отношению к нам. На просторную площадь перед нашим зданием все прибывали люди, и к демонстрантам вскоре присоединились тысячи новых участников шествия. Мы были тронуты этими проявлениями дружеских чувств. Наши сотрудники вышли на балконы и махали руками москвичам в знак дружеского приветствия.

В качестве жеста взаимности по отношению к людям, выразившим нам свои симпатии, я послал одного из наших людей в гостиницу «Националь» за советским флагом, который был затем вывешен рядом с американским. Это вызвало в толпе новый взрыв восторга и энтузиазма. Однако как временный поверенный в делах США в СССР (посла тогда в Москве не было) я считал нуж-

*Джордж Фрост Кеннан
(1904–2005),
американский дипломат, политолог и
историк, основатель Института
Кеннана, в 1945 году – временный
поверенный в делах США в СССР*

Москвичи на Манежной площади. 9 мая 1945 года

ным сказать хотя бы пару одобрительных слов, обращаясь к москвичам. Я прокричал им по-русски: «Поздравляю с Днем Победы. Слава советским союзникам!» Это все, что я счел подходящим для приветствия. После этого, в порыве радостного возбуждения, участники манифестации подняли на руках советского солдата так, чтобы он смог до нас дотянуться (мы стояли в это время на цоколе одной из больших колонн, украшавших наше здание). Солдат встал рядом с моим соседом, американским сержантом, обнял его (к изумлению последнего) и стащил вниз. Толпа москвичей тут же начала качать сержанта, и вскоре он исчез из нашего поля зрения (мне рассказывали, будто он вернулся только на следующий день).

Мне самому удалось избежать чего-то подобного и благополучно вернуться в наше здание. Конечно, советские власти не были довольны такой демонстрацией дружеских чувств москвичей по

отношению к представительству страны, которая в Советском Союзе считалась буржуазной. Не трудно вообразить, какое неприятное впечатление все это должно было произвести на партийные власти. Специально, чтобы отвлечь внимание людей от общения с нами, на другой стороне площади вскоре соорудили помост, на котором начал выступать духовой оркестр, однако это не принесло ожидаемых результатов. Люди продолжали нас приветствовать. Бог свидетель, мы не делали практически ничего для привлечения внимания демонстрантов. Нам не хотелось быть причиной каких-то затруднений в день всеобщего торжества. Но мы были еще более бессильны, нежели власти, помешать происходящему.

Джордж Кеннан.

Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР

Джорджа Кеннана.

М.: Центрполиграф, 2002

Уроки американского «большого бизнеса» для России

В 1920–1930-е годы Советский Союз неоднократно обращался к западным предпринимателям за инвестициями в народное хозяйство (в форме концессий), затем оплачивал техническую помощь, приобретая передовые технологии, лицензии, патенты и проекты современных заводов и фабрик для ускоренной индустриализации. Среди стран, куда поступали советские предложения, первенствовали США и Германия. Германия, хотя и приняла активное участие в советских планах, после Первой мировой войны восстанавливала национальную экономику, а пришедший к власти Гитлер подчинил ее военным целям рейха. Американский «большой бизнес» заявил о более широких намерениях. В июне 1929 года Генри Форд дал пространное интервью газете *The New York Times*, в котором заявил, что американским компаниям предстоит великая миссия – прийти на помощь Европе¹. Многие европейские страны были должниками США после Первой мировой войны. Что же имел в виду «автомобильный король»? Отнюдь не новые займы...

Он рассуждал так: Соединенные Штаты – порождение европейской иммиграции, которая дала им заряд энергии и духа, создавший американскую цивилизацию. Теперь США, опередившие весь мир по экономическому и индустриальному развитию, должны поделиться своими достижениями с Европой и вернуть «частицу этого

Борис Михайлович Шпотов,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН,
член Научного совета РАН
по проблемам российской и мировой
экономической истории,
Former Fulbright-Kennan Scholar

¹ Ford's Views on Europe's Needs // *New York Times*. 1929. June 23.

духа». Обучить европейских рабочих и инженеров американским производственным методам, показать их преимущества, внедрить американский менеджмент, поднять заработки и стандарты потребления европейцев до американского уровня. На Форда, несомненно, произвело впечатление обращение русских к его компании за технической помощью и заключение договора с ВСНХ СССР² о создании советского массового автомобиля на автозаводе-гиганте под Нижним Новгородом, который предстояло построить. В техническую помощь входило обучение русских стажеров-автомобилестроителей на заводе в Ривер-Руже, близ Детройта, о чем Форд не преминул сообщить влиятельной газете. Тракторостроители из СССР проходили практику на его тракторном заводе с 1927 года.

Форд признавал помощь людям не в форме благотворительности или пособий, а в виде предоставления работы или практического обучения, чтобы дать им возможность зарабатывать самим. Он распространял свою философию и на страны, отстававшие в индустриальном развитии и зависевшие от импорта. Продвигать национальную промышленность Генри считал единственно верным принципом, о чем говорил постоянно. В данном случае он выступил, и не в первый раз, поборником всемирного индустриального развития, но с американской помощью и под американским (читай: фордовским) руководством.

Интерес у советских инженеров и «красных директоров» вызывали гигантские предприятия США – с точки зрения масштабов и организации производства, техники и технологии, производственного опыта – словом, всего того, что планировалось воспроизвести в СССР. Особенно присматривались посланцы страны Советов к определявшим технический прогресс автомобильным, тракторным, машиностро-

ительным, нефтеперерабатывающим, химическим заводам и к строительным компаниям.

«Буржуазные» стороны бизнеса – реклама, система продаж, акции и биржи, банковские кредиты – их не интересовали, зато привлекала «научная организация труда», или производственный менеджмент, из которого советским специалистам импонировали учения Ф.У. Тейлора и Г. Форда. Но на первом плане была техника – согласно учению Маркса, нейтральная по отношению к способу производства. Отсюда следовал простой и казавшийся бесспорным вывод: если техника работает на капиталистов, она еще лучше будет служить трудящимся. При социализме нет рыночной стихии, экономических кризисов, частного присвоения прибылей (так называли в СССР выплату дивидендов), безработицы, забастовок. Единственная забота – поскорее построить суперсовременные предприятия американского типа, способные поднять экономику советской страны на небывалую высоту. Лозунг первой пятилетки – техника решает все!

Поставить коробки цехов, заполнить их новейшим оборудованием и научиться работать на нем многим казалось не слишком сложной задачей. Но одни трудности начинались, когда приступали к строительству, другие – когда пускали с огромным трудом смонтированные цеха, и это повторилось на всех гигантских стройках. Инженеры и заводские экономисты старшего поколения получили образование до революции, работали в компаниях Нобеля, Путилова, Морозова и др. и имели полное представление о производственном механизме крупного предприятия, но положение советских служащих вынуждало их принимать «правила игры». В годы форсированной индустриализации главные правила были политические – И.В. Сталин потребовал за десяток лет «пробежать» тот путь, который

² Договор был подписан в компании Форда 31 мая 1929 года сроком на 9 лет.

у капиталистических стран занял полтора столетия. Иначе, утверждал он, «нас сомнут». Именно американский «большой бизнес» с его масштабами производства, передовыми технологиями и организованностью мог пригодиться в такой ситуации.

Как это комментировали специалисты из США? Приехавшие на строительство Нижегородского автозавода американские инженеры сообщили журналистке из США М. Беннетт, что русские одержимы «идеей кнопки». Увидев, что в Америке достаточно нажать кнопку – и все сделано, они хотят иметь такую же у себя. Однако их «кнопка» лишена механизма: чтобы она сработала, нужна, по меньшей мере, волшебная лампа Аладдина. В Америке множество чудесных кнопок, но чтобы они появились, потребовалось не меньше четверти века эффективности и индустриального прогресса³.

Руководитель «Амторга» П.А. Богданов писал в «Правде» от 20 июня 1935 года о необходимости создавать в СССР техническую культуру – систематически накапливать производственный опыт и воспитывать кадры, способные быстро претворять в жизнь новые технические идеи. «Американцы имеют сложившиеся навыки, позволяющие быстро находить наиболее целесообразное и простое решение». К их услугам – ценнейшие архивы чертежей, лаборатории, научно-исследовательские институты, тесно связанные с промышленностью. Метод их работы – широкая специализация, механизация, стандартизация, поточное производство, конвейеры, специальные станки и автоматы⁴.

Хотя техника и технологии играли первостепенную роль в повышении производительности труда, эволюцию ка-

питалистических предприятий определяло и другое: эффективность капиталовложений, качество управления, интеграционные процессы, форма собственности, своевременное обновление основного капитала, квалификация рабочей силы, распределение и снабжение. Прежде чем занять ведущее положение в экономике и придать ей основной, системный признак индустриального капитализма, промышленность прошла длительный и ограниченный путь развития одновременно с развитием кредитно-финансовой сферы, торговли, транспорта, связи и др.

«Большой бизнес» с точки зрения экономики

Хозяйственный механизм «большого бизнеса» был описан в историко-экономической литературе США значительно позже его возникновения в последней трети XIX века. На крупные корпорации, из-за которых резко возросло имущественное неравенство, первыми отреагировали журналисты, публицисты, политики, мелкие товаропроизводители. Но юридическое толкование их деятельности не удалось из-за недостаточности правовой базы, «большой бизнес» создавался явочным порядком. Его фигурантов прозвали «баронами-грабителями» (robber barons). Американские историки давно подытожили доступные журналистам негативные стороны «большого бизнеса»⁵ и пошли дальше, приступив к изучению компаний, которыми эти «бароны» или «магнаты» управляли.

Начав с политизированных оценок, западная историография во второй половине XX столетия пришла к исследованию крупных фирм для объяснения их эволюции и влияния на экономику,

³ Штопов Б.М. «Болезни роста» или «синдром кнопки»: как приживались в СССР американские промышленные технологии в годы первой пятилетки // Русское открытие Америки: сб. статей, посвященных 70-летию акад. Н.Н. Болховитинова / Под ред. акад. А.О. Чубарьяна. М., 2002. С. 319.

⁴ Россия и США: экономические отношения. 1933–1941. Сб. документов / Под ред. акад. Г.Н. Севостьянова и Е.А. Тюриной. М., 2001. С. 107.

⁵ Josephson M. The Robber Barons. The Great American Capitalists, 1861–1901. N.Y., 1934.

рынки и общество. В постсоветской России появилась история предпринимательства (бизнеса) как часть экономической истории, для которой объект изучения – фирма⁶. Ее теоретическая основа – микроэкономика, хотя для историков бизнеса важны социально-культурные и другие факторы, от которых зависит экономический результат, в том числе личные качества и мотивация предпринимателей.

Экономическая цель любого предприятия – при капитализме или социализме – получение прибыли, которое зависит от управления издержками. На крупном предприятии при выпуске однородной продукции может использоваться эффект масштаба (*economu of scale*) – снижение себестоимости товарной единицы от увеличения объема и скорости производства и сбыта большой массы товаров. Этот фактор ограничивали два обстоятельства. Во-первых, характер производства не всегда позволял увеличивать скорость переработки сырья, а наращивание объема выпускаемой продукции могло потребовать новых затрат. Вот почему не все виды производств было выгодно расширять. Во-вторых, имелся предел снижения себестоимости, за которым издержки начинали расти (отрицательный эффект масштаба). Эффект многоготоварности (*economu of scope*) мог быть достигнут при сосредоточении выпуска разнородных товаров на одном предприятии вместо нескольких⁷.

Прибыль как гибкая составляющая конечной цены товара закладывается в нее наряду с себестоимостью, налогами и накладными расходами, но с таким расчетом, чтобы произведенную массу продукции можно было продать массе

покупателей, а продукцию промышленного назначения – крупным корпоративным заказчиком, отнюдь не заинтересованным в переплате и заключившим договоры с поставщиками. Завышение цен как чисто торговый прием, как и продажи ниже себестоимости с целью заставить конкурента работать в убыток и, возможно, обанкротиться («ценовые войны»), со временем стало считаться не только неэтичной, но и криминальной практикой.

Новая производственная организация создавалась ради повышения конкурентоспособности фирмы. Централизованное управление снабжением, производством и сбытом понижало трансакционные издержки по сравнению с временами «свободной конкуренции», когда эти процессы были рассредоточены по малым предприятиям. На крупнейшем сталелитейном заводе Э. Карнеги в США удалось уменьшить себестоимость изготовления рельсовой стали со 100 долл. за тонну в начале 1870-х годов до 12 долл. в конце 1890-х. Концентрация производства керосина на трех больших нефтеперегонных заводах вместо нескольких десятков мелких позволила рокфеллеровской Standard Oil в 1880-е годы снизить издержки на выпуск галлона керосина с 1,5 центов до 0,45 центов. Внедрение машин для набивки сигарет понизило издержки на табачных фабриках в США и Англии с одного доллара до 6 центов за тысячу штук. Три германские химические фирмы по производству ализарина (химический краситель) снизили затраты на килограмм этого продукта с 200 марок в 1870-е годы до 9 марок в 1886 году. Новейшая технология получения алюминия во Франции помогла снизить цены

⁶ Поткина И.В. На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых, 1797–1917. М., 2004; Шнотов Б.М. Организация большого бизнеса в США на рубеже XIX – XX веков // Американский ежегодник. 1998. М., 1999. С. 33–58; *он же*. Генри Форд: жизнь и бизнес. М., 2003; *он же*. Большой бизнес в США: экономические, организационные и социальные характеристики в последней трети XIX – начале XX века // 200 лет российско-американских отношений: наука и образование. М., 2007. С. 103–118; Business History around the World / Ed. by F. Amatori and G. Jones. Cambridge (MA), 2003; Chandler A.D. The Visible Hand. The Managerial Revolution in American Business. Cambridge (MA), 1977; *idem*. Scale and Scope. The Dynamics of Industrial Capitalism. Cambridge (MA), 1990.

⁷ Экономическая теория / Под ред. В.Д. Камаева. М., 1999. С. 245–247.

на него с 87,5 франков за килограмм в 1888 году до 3,75 франков в 1895 году. Американский индекс розничных цен опустился со 100 до 82 за 1880–1890 годы. В основном это результаты внедрения новых технологий, но важную роль играли транспорт, связь, система сбыта и др.⁸

Малый бизнес состоял из предприятий, не достигавших эффекта масштаба и, как правило, не имевших собственных каналов сбыта. Их товар нередко проходил через торговых посредников. Однако такие фирмы стояли ближе к потребителю, могли гибко реагировать на изменение спроса, потому что вкладывали небольшие средства и доля основного (постоянного) капитала была низкой. К ним относилось подавляющее большинство хозяйствующих субъектов: достаточно заглянуть в промышленные переписи (цензы) США. Небольшие специализированные фирмы – инженерно-конструкторские, аудиторские, адвокатские и др. – выполняли заказы крупных, а продавцы фирменного товара (дилеры) являлись индивидуальными предпринимателями. Основная часть малого и среднего бизнеса не лишилась перспектив, и его положение, как показала история, не стало безвыходным.

Начало «американизации» Европы

Европейские и американские историки-экономисты издали ряд трудов об «американизации» (не заключая это слово в кавычки) как о процессе международного масштаба, который начался еще в конце XIX столетия⁹. Речь идет не

о распространении закусочных «Макдоналдс» или голливудских фильмов, а об экономике. Это создание дочерних предприятий, наглядная демонстрация возможностей массового производства, продажа станочного оборудования, распространение американского менеджмента, технологий и предоставление патентов. Что важно отметить – по запросам европейских промышленников, испытывавших все большее давление качественных, но значительно более дешевых товаров из США на мировых рынках и в своих странах.

Нечто подобное наблюдалось, пока «мастерской мира» была Англия, где произошла первая промышленная революция, а другие страны, включая США, использовали ее технологии и технику, а также паровые двигатели¹⁰. Но британское индустриальное лидерство бесповоротно закончилось в 1880-е годы и перешло к Соединенным Штатам. Произошло это уже на этапе второй промышленной революции конца XIX – начала XX века, когда к успехам механики добавились достижения естественных наук. Появились новые энергоносители – получаемые из нефти керосин, бензин и дизельное топливо, новые виды транспорта – автомобиль и самолет, а массовое производство выросло до промышленного масштаба.

«Американизация» начиналась с выхода крупных американских фирм на мировой и национальные рынки Европы. Так, производители считавшихся лучшими в мире швейцарских часов столкнулись в 1880-е годы с конкуренцией аналогичной продукции, сделанной в США. Массовое производство

⁸ *Розенберг Н., Бирдцелл Л.Е.* Как Запад стал богатым. Экономическое преобразование индустриального мира. Пер. с англ. Новосибирск, 1995. С. 221.

⁹ *American Firms in Europe, 1880–1980. Strategy, Identity, Perception and Performance* / Ed. by H. Bonin and F. de Goey. Geneve, 2009; *Americanisation in 20th Century Europe: Economics, Culture, Politics*. Vol. 1, 2 / Ed. by D. Barjot et al. Lille 3 (France), 2002; *Ford, 1903–2003: The European History* / Ed. by H. Bonin et al. Vol. 1, 2, P., 2003; *Schroeter H.G.* Americanization of the European Economy. A compact survey of American economic influence in Europe since the 1880s. Springer publ., 2005; *Wilkins M.* The Emergence of Multinational Enterprise: American Business Abroad from the Colonial Era to 1914. Cambridge (MA), 1970; *idem.* The Maturing of Multinational Enterprise: American Business Abroad from 1914 to 1970. Cambridge (MA), 1975; *Wilkins M., Hill F.E.* American Business Abroad: Ford on Six Continents. Detroit, 1964.

¹⁰ *Allen R.C.* The British Industrial Revolution in Global Perspective. Cambridge Univ. Press (UK), 2009.

надежных, но менее дорогих американских часов ограничило сбыт производимых ремесленным способом швейцарских, и тогда их изготовители выписали американское оборудование, научились работать на нем и сумели удержать позиции. То же самое произошло с обувной промышленностью Великобритании и с выпуском велосипедов: переход на американские технологии спас эти отрасли от вытеснения с рынка. Германскую электротехническую и химическую промышленность вывели на мировой рынок не только собственные высококлассные специалисты, но и достижения однопрофильных американских компаний, входивших в группу «большого бизнеса»¹¹.

Конкурентная борьба способствовала заимствованию заокеанских технологий и отказу от пережитков цехового строя и картельных форм кооперации промышленников. Разумеется, США не были родиной конкуренции, она происходила всюду, но в Европе ее ограничивали то цеховая регламентация, то выдаваемые государством тем или иным предпринимателям льготы и привилегии (вплоть до монопольных прав), то создание картелей, которые были своего рода коллективными монополистами.

Американская индустрия работала на громадный внутренний рынок. Прямые инвестиции за рубежом с целью создания дочерних предприятий были до Первой мировой войны небольшими, хотя, по подсчетам М. Уилкинс, в 1914 году 41 американская фирма имела интегрированные предприятия в Канаде, Латинской Америке, Западной Европе и России (в последней их было два). Исследовательница считала побудительным мотивом вывоза американского капитала за границу не только поиск новых рынков и более дешевой рабочей силы, но и нераспространение антимонопольного законодательства США на зарубежную деятельность компаний, широкою возможность вступать в аль-

янсы и комбинации с национальными фирмами. Известны факты поглощения в 1925 году корпорацией General Motors британской автомобильной компании Vauxhall и приобретения в 1929 году 80% акций крупнейшего германского производителя – компании Adam Opel. Не делая прямых инвестиций в строительство автозаводов, GM завладела ее дилерской сетью, продолжив выпуск популярных в Германии и других странах Европы автомашин «Опель» и не производя там своих марок, поскольку многие немцы не были поклонниками американских автомобилей, а улучшенные дороги – автобаны – стали строиться много позже.

Теория фирмы дает критерии ее развития в разных странах в зависимости от трех взаимосвязанных капиталовложений – в производство, сбытовую сеть и менеджмент. Эталонном историко-экономического сопоставления считается американский вариант создания крупной фирмы, который стал определять мировую тенденцию развития бизнеса индустриальной эпохи. Американский и европейский пути развития промышленности заметно разошлись на начальной стадии индустриального капитализма. По объемам производства и капиталовложениям крупная промышленность США вырвалась вперед. Догнать американских конкурентов предпринимателям Европы мешали недостаточные размеры предприятий, узость внутреннего рынка, легализация картелей, запрещенных в США. Однако картелизация промышленности сменилась оживлением конкуренции. Европейские промышленники заимствовали технику и технологии, приемы управления у дочерних заокеанских компаний, и это сопровождалось определенной конвергенцией и взаимодействием американского и европейского бизнеса в Старом Свете.

Процесс «американизации» европейской индустрии ускорился после Вто-

¹¹ Schroeter H.G. Op. cit. P. 19–20.

рой мировой войны. Крупные предприятия, осуществлявшие распределение постоянных издержек на огромный объем производимой продукции, доказали свою устойчивость и широко распространились в мире.

Норвежский историк-экономист Х.Г. Шрётер (Бергенский университет) систематизировал признаки «американизации» Европы (кроме России) и интерпретировал ее как своеобразный экономико-культурный феномен. Это не просто импорт машин, товаров или предоставление займов, а перенос американских институтов, организаций, технологий и др. в другие страны с долговременными, укоренившимися результатами в виде адаптации к их экономическим и социально-политическим институтам. Объектом «американизации» стала Западная Европа – в силу большего, чем у остального мира, генетического родства их национальных экономик с американской, что облегчало «адаптируемый трансферт», хотя степень «американизации» разных стран была неравномерной. Шрётер упомянул и о недолговечности экономической «советизации» Восточной Европы, которая поддерживалась военно-политическими средствами. Когда они исчезли, закончилась и «советизация».

Первая волна «американизации» охватывала, по Шрётеру, 1870–1945 годы, причем пик пришелся на 1920-е годы, связанные с распространением производственной рационализации Ф.У. Тейлора и Г. Форда. 1930-е годы явились периодом «пробуксовки» (backlog) и движения вспять, когда экономика США временно утратила привлекательность для европейцев из-за «великой депрессии», а правительство Ф.Д. Рузвельта почерпнуло из европейского опыта и экономической мысли идеи государственного регулирования и социальной политики¹². Вторая и третья вол-

на и общее усиление «американизации» пришлось на вторую половину прошлого столетия, но мы их не рассматриваем.

Различая две модели поведения иностранного предпринимательского капитала в начале XX века, В.И. Бовыкин подчеркнул, что американские прямые инвестиции, несмотря на их величину, как бы растворялись в национальной экономике, становясь ее органической частью; другая модель инвестиционного поведения была присуща капиталу стран-метрополий в колониях и зависимых странах. Там создавались замкнутые производственные анклавные для обслуживания хозяйства метрополии. Имелись и переходные варианты, определявшиеся уровнем социально-экономического развития страны, куда поступали инвестиции, ее политическим статусом и местом в мировой системе¹³. Экономически развитая Европа усваивала американские инвестиции, а «банановая республика» или африканская колония оставались неразвитыми, несмотря на присутствие в них элементов капиталистической цивилизации в виде шахт, железных дорог, банков, заводов по переработке сырья.

Более восприимчивыми к системам Тейлора и Форда оказались страны, проигравшие Первую мировую войну, особенно Германия. Ее экономику при Веймарской республике и даже при Гитлере поднимало около 20 крупнейших американских компаний, среди которых были General Electric, General Motors, Ford Motor, IBM, Coca-Cola, International Telephone and Telegraph, DuPont, Standard Oil of New Jersey и др. Германия была заинтересована в притоке инвестиций. Дочерние компании не вывозили прибыль, а инвестировали в расширение производства, уплачивая материнской компании небольшие отчисления – royalties. Капитал не утекал из Германии, а работал на ее экономику¹⁴.

¹² Schroeter H.G. Op. cit. P. 4–5.

¹³ Бовыкин В.И. и др. Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России: очерки. М., 1997. С. 9.

¹⁴ Pauwels J.P. The Myth of the Good War: America in the Second World War. Toronto (Canada), 2002. P. 29–34.

Шрётер показал неравномерность процесса «американизации». Его триумфальное шествие в течение десяти лет после Второй мировой войны ознаменовалось созданием международных финансовых организаций, ООН, осуществлением плана Маршалла, превращением доллара в мировую валюту, но имело место и сопротивление ему, порожденное различными причинами.

Очагами этого сопротивления в 1920-е годы и в послевоенный период были европейские предприятия, перестраиваемые на непривычный и не всеми понимаемый американский лад. Внедрение системы Тейлора или Форда вызвало протесты и даже забастовки рабочих и части служащих. Традиционная система отношений между рабочими и мастерами цехов и участков заменялась более жестким административным контролем, темп работ ускорялся, а система Тейлора, теоретически позволявшая поднять заработки и предпринимателей, и рабочих, на практике часто не срабатывала из-за присвоения доплат, причитавшихся рабочим¹⁵. До Второй мировой войны были и другие причины, препятствовавшие «американизации»: например, нежелание европейских покупателей садиться за руль американского автомобиля. Корпорация General Motors проявила дальновидность, продлив жизнь «Опелю», тогда как Генри Форд, упрямо придерживавшийся собственных стандартов, выпускал на германский и британский рынки «Форды» американского образца – с автозаводов в Кёльне и Дагенхэме (близ Лондона). Прошло несколько лет, прежде чем Британская компания Форда стала выпускать приемлемую для англичан среднего достатка малолитражку Baby Ford, облагавшуюся меньшим налогом и при-

способленную для узких и извилистых дорог.

«Американизация» СССР – вымысел или реальность?

В сборнике статей под редакцией французского историка-экономиста Д. Баржо я уже касался этой проблемы. Вывод был таков – при наличии ряда признаков «американизации» она являлась временным сотрудничеством советского государства с частным капиталом из США¹⁶. Это можно считать историческим проявлением так называемого государственно-частного партнерства¹⁷. К нему относятся совместные предприятия, а также договорные отношения – концессии, лизинг, подряды, платная техническая помощь. При всей разнице экономических систем и социально-политического строя у СССР и Запада, включая США, имелись общие критерии народнохозяйственного развития, присущие индустриальному обществу. Это рост и диверсификация материального производства, научно-техническое обеспечение производственных процессов, укрепление экономической основы безопасности и обороноспособности, вера в силу технического прогресса¹⁸.

В советско-американских отношениях участвовали известные фирмы США – Ford Motor Company, General Electric, Standard Oil of New York, Cooper Engineering Company, Freyn Company, Albert Kahn, Inc., Arthur McKee, Austin, Winkler-Koch и др. СССР посетили руководители или представители этих компаний. Сотни американских и советских специалистов и рабочих побывали в деловых поездках по обе стороны океана. Организаторами и участниками контактов с американцами стали такие крупные политические и хозяйственные деятели,

¹⁵ *Schroeter H.G.* Op. cit. P. 13–14, 193–203, 220–221.

¹⁶ *Shpotov B.M.* Russia and the Americanisation Process (1900–1930s) // *Americanisation in 20th Century Europe...* Vol. 1. P. 303–314.

¹⁷ *Приватизация: глобальные тенденции и национальные особенности* / Отв. ред. акад. В.А. Виноградов. М., 2006. С. 830–854.

¹⁸ *Бокарев Ю.П.* СССР и становление постиндустриального общества на Западе, 1970–1980 годы. М., 2007. С. 375.

Советско-американская комиссия для осмотра места строительства Нижегородского автозавода, 1929 год

как Ф.Э. Дзержинский, Л.Д. Троцкий, В.В. Куйбышев, Г.В. Чичерин, П.А. Богданов, В.И. Межлаук, А.П. Серебровский, И.Н. Стрижов, И.А. Лихачев и др. Из этого неполного перечня пятеро последних побывали с конкретными целями или работали в США, и все они, как и советские вожди В.И. Ленин и И.В. Сталин, были в своей стране не меньшими поборниками индустриального пути развития, чем в США Г. Форд или Э. Карнеги.

«Американская промышленность работает главным образом на потребителя, и в этом залог ее мощи», – писал в конце 1928 года из Нью-Йорка начальник Автотреста М.Л. Сорокин Г.К. (Серго) Орджоникидзе. «Массовые автомобили, массовые радиоприемники», баснословное развитие 5- и 10-центовых магазинчиков Вулворта (где можно было потратить мелочь), популяризация аэроплана как нового средства передвижения (прогулки по воздуху за

пару долларов) не прошли мимо его внимания. «Америка скоро пересядет с автомобиля на самолет». Один «красный директор» убеждал другого развернуть в СССР массовый выпуск автомобилей, велосипедов, фотоаппаратов Kodak, наручных часов (часы от компании Ingersoll, восторгался Сорокин, продаются в США за 1–1,5 долл.)¹⁹. Но это так и осталось на бумаге.

Один из самых убежденных сторонников «американизации» – председатель объединения «Азнефть» А.П. Серебровский, прозванный в США «красным Рокфеллером», пытался перенести в СССР не только технику, но и организационные принципы Standard Oil²⁰. Но в стране социализма даже в период нэпа не утвердилась такая фундаментальная черта американской промышленности, как интеграция производства и сбыта. Разделение производящих и торгующих организаций было нацелено на государственное уп-

¹⁹ Сорокин М. – Орджоникидзе С. 15.12.1928 // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 85. Оп. 27. Д. 471. Л. 7–15.

²⁰ Штопов Б.М. Использование опыта США в реконструкции советской нефтяной промышленности в 1920–30-е гг. // Российский журнал менеджмента. 2006. Т. 4. № 1. С. 164–172.

правление экономикой и подконтрольность потребления. Как отмечали исследователи, «желаемое достижение технико-технологической независимости Советской России оборачивалось консервацией отсталости, ибо порождало хозяйственные механизмы, ориентированные прежде всего на количественный рост и отторгавшие всякие радикальные новшества»²¹.

В СССР, как и в Европе, имело место не только сотрудничество с американскими фирмами, но и противодействие им на местах. Это несогласие советских инженеров с выполненными в США проектами заводов и фабрик, ориентированными на американский практический опыт и технические возможности, неподготовленность советской экономики к радикальной модернизации, небеспеченность строек необходимыми материалами, нехватка наличной валюты и др.

В совокупности вырисовывается довольно противоречивая картина. Если признать факт американского влияния на экономику Европы на протяжении XX века, то на основе критериев, предложенных Шрётером, я попытаюсь подробнее описать и сопоставить доводы «за» и «против» «американизации» советской экономики.

Доводы в пользу «американизации»:

- выдача концессий и заказы на техническую помощь, опираясь на которую, СССР получил материально-технические возможности для развития новейших отраслей, определявших в первой половине XX века экономический прогресс: автомобильную, тракторную, нефтяную, химическую, электротехническую, строительную и ряд других;

- в первой пятилетке – лозунг «учиться у американцев», пропаганда амери-

канских научно-технических достижений на промышленных выставках и в печати;

- издание (с сокращениями) на русском языке книг основоположников научного менеджмента, а также автобиографий представителей «большого бизнеса» Дж.Д. Рокфеллера, Э. Карнеги, Г. Форда в качестве пособий по экономике и организации крупных предприятий²²;

- прием делегаций бизнесменов, организация их поездок по стране, командировки в США советских специалистов и рабочих, создание в 1927 году комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по техническим и научным связям с Америкой;

- прагматизм и деидеологизация деловых отношений;

- выпуск в СССР как лицензированной, так и контрафактной продукции, скопированной с американских образцов. Последнее говорило о желании поскорее получить аналогичную американской продукцию.

Доводы против «американизации»:

- различие социально-экономических и политических систем, институтов и организаций СССР и США;

- недолговечность сотрудничества с американскими и другими иностранными компаниями, досрочная ликвидация концессий и ограничение зарубежной технической помощи из-за нехватки валюты и разногласий с инофирмами;

- жесткие ограничения предпринимательской деятельности иностранных концессионеров, безвластие приглашенных технических советников и нарушение их указаний;

- смешанное происхождение концессий и технической помощи, участие компаний не только из США, но и из большинства европейских стран;

²¹ Алексеев В.В., Сапоговская Л.В. Исторический опыт промышленной политики в России. Екатеринбург, 2000. С. 51.

²² В годы перестройки и позже их переиздали массовым тиражом в несколько сот тысяч экземпляров – в качестве примеров того, как американский «большой бизнес» добивался успехов на ниве реальной экономики и обслуживания потребителей.

- отсутствие в СССР филиальных отделений и дочерних зарубежных компаний;
- существенная разница в подготовке инженерно-технических и рабочих кадров в США и СССР;
- невозможность адаптации американцев к советским условиям труда и быта;
- почти полное забвение былых контактов с американцами за годы холодной войны.

Сказанное, на мой взгляд, подтверждает сделанный мною ранее вывод о временном характере сотрудничества с американцами, не превратившегося в «американизацию». Но уроки «большого бизнеса», давшего промышленности СССР образцы массовой продукции и производственной организации, не прошли даром. Помогло прагматичное отношение к крупным фирмам. В.И. Ленин требовал перенимать у капитализма все лучшее, что может служить социализму, – деловитость, организацию, технику.

Крупные корпорации, выросшие в России на развалинах социалистической экономики, своими «родовыми чертами» могут напоминать поколение «баронов-грабителей» в США. Это быстрота создания, огромный размах деятельности, баснословное богатство. Но прямые аналогии тут едва ли уместны – настолько различны условия их возникновения. По иронии судьбы,

в конце XX века не капиталистические монополии явились материальной подготовкой социализма, а крупные советские предприятия стали, благодаря приватизации, материальной основой возрождения индустриального капитализма. Они сохранили экспортно-сырьевую ориентацию, тогда как американские «олигархи» работали в основном на быстро растущий потребительский рынок. Огромную роль в трансформации российской экономики сыграл предприимчивый слой партийно-государственной элиты, контролировавшей национальные и местные ресурсы, и так называемые либеральные реформы, проводимые государством. Ничего похожего не было в США, где возникновение крупных компаний являлось естественным, органическим продолжением эволюции предпринимательства.

Американский опыт свидетельствует о том, что «большому бизнесу» постепенно удалось интегрироваться в общество, преодолеть «полосу непризнания»²³. Он наглядно демонстрировал свои не только негативные, но и позитивные, общественно полезные черты, в частности, необходимые материальные возможности для перевода экономики на инновационный путь, предоставление множества рабочих мест, удовлетворение массового спроса. Не пора ли под этим углом зрения оценивать деятельность крупных компаний в обеих странах?

²³ Galambos L. The Public Image of Big Business in America, 1880–1940. A Quantitative Study in Social Change. Baltimore, 1975; Tedlow R.S. Keeping the Corporate Image: Public Relations and Business, 1900–1950. Greenwich, Conn., 1979.

Олег Чеславович Реут,
кандидат технических наук,
докторант, старший преподаватель
кафедры истории стран Северной
Европы Петрозаводского
государственного университета,
Former Kennan Institute Short Term
Scholar

Антиамериканизм в русскоязычном сегменте блогосферы

Сегодня интернет-пользователями в России являются 43 млн человек. По оценкам автора, каждый седьмой из них – блогер (автор, комментатор или читатель блога, выступающего индивидуальным массмедиа.) Российский и русскоязычные сегменты блогосферы вообще и наиболее популярная блог-хостинговая площадка «Живой журнал» в частности превратились в одни из важнейших медиа-ресурсов.

Блоги – пространство новых социальных и политических коммуникаций. В условиях внутренне противоречивого усложнения информационно-коммуникационных процессов политическая активность все больше реализуется с помощью новых медиа. Блогосфера выступает частью информационного обмена между политическими акторами в ходе их формальных и неформальных взаимодействий.

Индивидуальные массмедиа предлагают акторам политического обмена свою собственную философию поведения, свое видение эффективности действий на политико-коммуникационном рынке. Концепт обмена является стержневым в информационно-коммуникационных процессах. Его содержательное наполнение применительно к инновационным политическим практикам качественно расширяется¹.

Изучение объектов и каналов продвижения политики замещается изуче-

¹ См.: *Реут О.* Представление интересов США на евразийском пространстве: информационно-коммуникационные подходы. 19 августа 2009 года [www.eurasianhome.org/xml/t/print.xml?lang=ru&nic=expert&pid=2131].

нием поведения получателей благ в процессе обмена (транзакций). Продвижение политики превращается в создание политики. В основу собственно технологического цикла помещаются не интересы кураторов, а интересы потребителей. Тактический обмен ценностями эволюционирует в направлении стратегического обмена отношениями. Это означает, что политические транзакции из сферы управления продажами вырастают в управление отношениями.

Антиамериканизм российский и глобальный

В спектре прикладных направлений изучения политической коммуникации в блогосфере особое место занимает проблематика осторожного или даже отрицательного отношения к политике так называемого Значимого Другого. Данный термин был введен в 30-х годах XX века американским исследователем Г. Салливаном. Впоследствии была разработана трехфакторная модель, выявляющая взаимосвязанные формы репрезентации Значимого Другого: власть (действительные пределы властных полномочий), авторитет (референтность) и эмоциональная привлекательность (аттракция).

Память о старых угрозах холодной войны, неприязнь к внешней политике Белого дома во время правления Дж. Буша-мл., наряду с заметным и чувствительным ограничением Кремля при решении вопросов современного мироустройства, способствовали назначению Соединенных Штатов на роль Значимого Другого. Действия США в мире и по отношению к России во многом являлись источником роста антиамериканских настроений. Поводов было более чем достаточно. От бомбардировки Югославии и оккупации Ирака до несогласия с действиями миротворцев и военных в ходе российско-грузинского конфликта в августе 2008 года.

В своих наблюдениях вполне прав историк И. Курилла, который пишет: «Безусловно, колебания общественного мнения доказывают, что конкретные события действительно влияют на непосредственное отношение к другой стране. Можно заметить, что в России Соединенные Штаты рисовались как положительный Другой, как страна, на которую стоит ориентироваться, как страна, с которой мы дружим в те периоды, когда Россия претерпевает эпохи реформ... Реформы актуализировали интерес к Другому, и российская элита особенно внимательно приглядывалась к Америке... Но она (Америка. – *О.Р.*) воспринималась как недруг, даже враг, потенциальный противник России – в периоды стабилизации. Это касается времени Александра III и Николая II, времени позднего правления Сталина и периода брежневского застоя, наконец, периода президентства Владимира Путина»².

В последнее десятилетие Москва различными способами пыталась добиться от Вашингтона внимания и уважения к себе, признания равенства двух великих держав. Она стремилась выстроить модель сотрудничества на основе равенства и взаимного признания интересов друг друга. Эти усилия принесли лишь ограниченные результаты. Для того чтобы Россия могла сформировать удовлетворительную стратегию на американском направлении, необходимо извлекать уроки из недавнего прошлого. Российско-американские отношения достигали успехов там, где у сторон было фундаментальное согласие о том, «что хорошо и что плохо», общие интересы, непротиворечивые цели, договоренность относительно правил игры и распределения ролей, а также реалистические ожидания последующих действий. На этой основе совместными усилиями удавалось решать вопросы сокращения ядерных потенциалов, относительно успешно взаимодействовать

² Курилла И.И. Выступление в дискуссии. Материалы конференции «Россия и США: как мы видим друг друга». 9 апреля 2009 года [www.gorby.ru/rubrs.asp?rubr_id=819&art_id=27068].

по ядерным проблемам Северной Кореи и Ирана.

Противоположный опыт богаче, но и поучительнее. Д. Тренин предельно корректно фиксирует: «Между Россией и Америкой сейчас отсутствует не столько общность ценностей, сколько понимание, в чем, собственно, состоит проблема. В США при оценке современной России применяют высокие критерии демократии, прав человека, правового государства и т.д. Очевидно, что нынешняя Россия этим критериям не отвечает. Это ведет к тому, что в глазах американской элиты она не воспринимается “равной” США не только по количественным, но, что существенно, и по качественным показателям. Классификация нынешнего российского политического режима как недемократического имеет важные последствия. Такой режим рассматривается как не вполне легитимный, что, в свою очередь, предполагает ограниченную трактовку того, что можно считать “законными” интересами России за пределами ее границ. До сих пор подобный подход – и соответствующая реакция на него в Кремле – серьезно осложнял Вашингтону ведение дел с Москвой. В России американскую демократическую риторику считают уловкой, нацеленной на продвижение эгоистических интересов США, а интервенционистскую практику администраций Билла Клинтона и Джорджа Буша – опасным пренебрежением нормами международного права. Резкое неприятие Москвой политики “продвижения демократии” и “гуманитарных интервенций” возродило в сознании российской элиты образ “американского империализма”, являющегося якобы злейшим и “вечным” врагом России – неважно, коммунистической или нынешней. В результате российская внешнеполитическая риторика и символика выглядят на-

рочито антиамериканскими, что не дает Москве каких-либо реальных преимуществ, но, раздражая Вашингтон, осложняет уже российскую политику в отношении США»³.

Конечно, не стоит рассматривать антиамериканизм как явление, внутренне присущее только российскому обществу и сознанию. Как считает большинство отечественных исследователей, феномен российских антиамериканских настроений есть лишь частный, хотя и во многом специфический случай глобального антиамериканизма, усиливающегося в последнее десятилетие.

По мнению А. Кубышкина, антиамериканизм представляет собой «сложный комплекс поведенческих, мировоззренческих установок, норм, неприятие фундаментальных принципов иной (в данном случае североамериканской) культуры, причудливая смесь национальной ксенофобии, уязвленного самолюбия, зависти и травмированного имперского сознания, вызванного общественно-политическими катаклизмами в стране и одновременно влиянием еще не изжитой психологии идеологического и политического противодействия»⁴.

Как и антиамериканские настроения в мире в целом, российский антиамериканизм достаточно многообразен и противоречив. При этом в качестве универсалии важно выделять исключительность как хорошо известную характеристику Соединенных Штатов. Начиная с первых лет борьбы за независимость, колонисты воспринимались европейцами как отличные от жителей Старого Света. Причем поклонники Америки рассматривали исключительность в положительном значении – «лучше, чем другие». Критики, напротив, подчеркивали негативный компонент: исключительность значит «хуже, чем другие».

³ Тренин Д. О российско-американских отношениях в преддверии встречи Медведева и Обамы. 25 марта 2009 года [www.carnegie.ru/ru/pubs/media/81026.html].

⁴ Кубышкин А.И. Фактор Востока в российском антиамериканизме // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы VI Международной конференции. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. С. 111.

Как справедливо замечает М. Рыхтик, в XVIII веке в Европе Америка действительно воспринималась многими интеллектуалами как «исключительно странная земля», где «нет певчих птиц, не водятся такие известные всем европейцам животные, как слоны, лошади, нет коров, овец, собак, абсолютно необходимых для организации и ведения хозяйства; климатические условия на восточном побережье Северной Америки трудно назвать благоприятными ... в этих обстоятельствах, чтобы выжить, требовалась очень сильная мотивация»⁵. Простые искатели богатств и легкой наживы в таких условиях долго не задерживались. Только люди, движимые некими идеалистическими мотивами, могли остаться здесь. Так в сознании многих устоялся термин «американская мечта», а не «американский кошмар». Хотя последнее, как считают даже сами американские историки, лучше подходило для описания жизни в США, и не только в XVIII, но и в начале XX века.

Четыре фактора эволюционно влияли на процесс формирования основных ценностей американского общества: географическое положение, идеология индивидуализма, протестантская этика, иммиграция. Все вместе это определило главное направление развития национальной культуры (в т.ч. политической), сформировало социальные и моральные установки, оказывающие мощное воздействие на процесс принятия решений в сфере внутренней и внешней политики.

Иммиграция выработала стойкую веру в то, что человек может влиять на обстоятельства и порой предопределять их. В итоге население страны отличается высокой степенью предприимчивости. Америка последовательно становилась экспериментальной лабораторией для реализации инновационного потенциала и амбиций просвещенного индивидуализма. Сама идея индивидуализма

и принцип автономности человеческого существования были доведены почти до аксиоматического постулата: где больше творческих индивидуалистов, там они и богаче.

Но индивидуализм не означает пренебрежения корнями. Осознание происхождения очень сильно среди американцев, оно рассматривается скорее как ступень, с которой начинается движение социальных лифтов вверх, а не как непроходимая преграда на пути. Система образования и патриотического воспитания выплавляет индивидуализм и этническое своеобразие каждого в общий «американизм».

Именно это давало основание автору фундаментальной работы о феномене современного антиамериканизма П. Холландеру определять его «как национализм, как антикапитализм и как протест против современности». По его мнению, эти три формы «могут проявляться совместно или, что встречается реже, в отдельности»⁶.

Блогосферный дискурс антиамериканизма: методологические уточнения

Дискурс антиамериканизма целесообразно анализировать как совокупность текстов, создаваемых для коммуникации в сфере политической деятельности, направленной на уточнение пределов американской исключительности во внутренней и внешней политике государства. Представляется правильным говорить не об одном, неделимом и монолитном дискурсе, а о совокупности дискурсов. Не претендуя на завершенность и универсальность классификации, автором данной статьи выделяются медиа- (в том числе блогосферный), политический, экспертный (академический) и художественный дискурсы. В системе координат российского политического развития они в значительной степени отличаются

⁵ Рыхтик М.И. Американская исключительность и «проблема антиамериканизма» // *Americana*. 2004. Вып. 6. С. 337.

⁶ См.: Холландер П. Антиамериканизм рациональный и иррациональный. СПб., 2000.

друг от друга и имеют, как это ни странно, ограниченное количество «точек пересечения».

Собственно антиамериканизм рассматривается как бытовой и политический. Выделяются этапы формирования, развития и проявления современных дискурсивных практик, которые, в свою очередь, представляют собой гетерогенные множества детерминированных во времени и пространстве правил, определяющих «условия осуществления функции высказывания».

Казалось бы, изучать то, что происходит с антиамериканизмом, можно самым разным образом. Один из подходов – прослушать-прочитать, как люди употребляют это слово.

Однако попытка рассмотрения бытового (и политического) антиамериканизма через фиксацию наблюдения его употребления оказывается несостоятельной. Подобный подход предполагает выделение трех последовательных функций, принципиально важных для проводимого анализа дискурсивных практик: (1) собственно процесс употребления понятия, (2) определение условий его употребления, (3) обнаружение тех, кто выступает «употребителями». Казалось бы, указанные функции помогают представить медийный процесс как де- и реконструируемую политическую коммуникацию, и применительно к ней уже было бы можно говорить о «совокупности высказываний, подчиняющихся одной и той же системе формирования». В этом бы и заключался момент соотнесения медиалингвистически и политически ориентированных методов исследования.

«Что американцы тупые, считает, кажется, большинство русских, независимо от места жительства. Так считает и большинство тех, кто уехал или всеми правдами и неправдами стремится свалить в США. Не буду заострять внимание на мнение тех, кто в Америке никогда не был, да и живого американца видел только в кино. Хотя,

безусловно, именно эта категория людей является самыми яркими сторонниками теории “тупые американцы”. Но их мнения ничем не подкреплены и вызваны, как мне кажется, лишь собственной узостью мышления»⁷.

Именно в случае с блогowymi записями мы сталкиваемся с новой реальностью – устно-письменной речью. Дневниковые сообщения и комментарии, формирующие совокупность текстов, т.е. фактически разговоров, которые ведут между собой блогеры, как бы замораживаются, и застывшие эти слова могут быть найдены и идентифицированы. На следующем этапе выделенные слова, в принципе, можно было бы препарировать и пытаться понять, почему они были написаны-сказаны и что означали. Однако существует ли возможность сделать исследование как можно более воспроизводимым?

При изучении наблюдения употребления слова «антиамериканизм» в блогосфере исследователь относительно предсказуемо сталкивается с естественными ограничениями, при которых: (а) респондент попадает в специфичную речевую ситуацию, провоцирующую его на клишированные высказывания, – обычно ему предоставлены клише, между которыми он может выбирать, но не может конструировать их сам, (б) словоупотребление как политический или политологический термин фактически отрывается от описания событий в разговоре. Можно даже заключить, что маркер «антиамериканизм» перешел в язык политической науки, перестав быть словом быденного языка, что-то определенное обозначающим.

Другими словами, категория «антиамериканизм» перестала быть осмысленным и ценностно-глубоким термином, а превратилась в некий ярлык, коммуникативного смысла в котором нет и он означен в основном контекстом. Понятия, имеющие коммуникативный смысл, – это те, которые вносят

⁷ 19 января 2010 года [www.pisali.ru/espina/32900].

в предложение, их использующее, собственный смысл. А понятия-знаки – без смысла – те, которые в основном определяются контекстом и используются не более чем в экспрессивных целях.

«Антиамериканизм» практически никогда не встречается в блогах – в устно-письменной речи это слово вытеснено. Причем не каким-то своим аналогом или синонимом, оно вытеснено именно в силу ограниченности и даже табуированности всего слоя такой лексики.

Примером, иллюстрирующим данный тезис, может служить следующая анекдотичная по форме изложения запись в блоге:

«Идет мужик по берегу озера, видит: какой-то парень черпает рукой воду из озера и пьет. Мужик кричит:

– Зачем ты пьешь эту грязную воду, сюда все мусор бросают, заводы отходы сливают, со всей деревни говносток сюда выходит!

– What did you say?

– Да я говорю: двумя руками черпай!»⁸

Хотя политический, политизированный и политологический сегменты блогосферы представляют несомненный интерес с позиций «перетекания» реальных политических событий в блогосферное пространство (и обратно: из блогосферы в «реал») и, следовательно, с позиций формирования блогосферного дискурса, именно применительно к рассмотрению антиамериканизма собственно наблюдение употребления не является методологически верным.

Тем не менее при проведении сравнения с другими медийными средами мера активности-пассивности пользователей (авторов, комментаторов и читателей) блогов определяется прежде всего флуктуацией общеполитического пространства. В этой связи принципиально важным выступает вопрос, как именно политическое «перетекает» из традиционных «мест обитания» в блогосферу? Возникает ли ситуация, при которой об-

ласть антиамериканских идей и идеологий одновременно уменьшается-увеличивается в количестве и качестве и в традиционных, и в новых медиа?

Антиамериканизм в блогосфере

Для целей проводимого исследования, таким образом, представляет интерес не российский антиамериканизм вообще, а его актуальные «преломления» в блогосферном поле смыслов. Следовательно, смысл «антиамериканизма» в значительной мере определяется теми устойчивыми тематическими конструкциями, в которые это слово входит как составная часть.

Указанные конструкции во многом предопределяются особенностями эпохи транзита в условиях эволюции постсоветской политической системы при возрастающем влиянии глобализации и привносимых ей противоречий и издержек. В то же время очевиден кризис российского академического регионоведения и фундаментальной науки в целом, резкое сокращение спроса на американистику со стороны государства и общества, падение статуса этой когда-то очень престижной отрасли знаний, острейший кадровый кризис. Медийное пространство заполняется низкопробными, в лучшем случае – дилетантскими, комментариями и псевдоаналитикой на американские темы, авторы которых, как правило, столь же невежественны, сколь и безапелляционны в своих суждениях о политике, экономике и культуре США, меняющихся ценностях американского политического класса и самих американцев.

Естественным образом в обстановке, когда в общественном мнении преобладает критическое отношение к Америке, упор делается на негатив: страх и злорадство причудливо сочетаются с упрямой верой в американскую эффективность и безошибочность. США или изображаются всемогущей «империей зла», кото-

⁸ 10 сентября 2008 года [www.liveinternet.ru/users/151151/post84556227].

рая всегда знает, что делает, или рисуются «прогнившей империей», разьедаемой изнутри смешением рас, политкорректностью и гедонизмом. Этим же стереотипам следует и подавляющее большинство политиков-блогеров. Нападать на Америку патриотично и безопасно, а защищать – рискованно. Создается порочный круг: мода на антиамериканизм порождает растущее предложение, которое в свою очередь подпитывает соответствующий спрос. Новая «маркетинговая» постсоветской политики в данном случае работает против Америки.

Не менее важна и та проекция на США, которая характеризует блогосферные представления о демократии, выборности, либерализме и рынке, навеянные горьким опытом действительности последних лет. В. Печатнов отмечает: «Лицемерие неприглядной технологии отечественной политики с ее продажностью, цинизмом и манипулируемостью приводит россиян (особенно – молодое поколение, не знающее другой политики) к стойкому убеждению в том, что и в Америке политическая игра ведется по тем же правилам, только, пожалуй, более профессионально и эффективно. Убедить людей в существовании там реальной системы “сдержек и противовесов”, независимой судебной власти и средств массовой информации бывает очень трудно, как знаю из собственного опыта»⁹.

Характерно, что наиболее яркие проявления антиамериканизма наблюдаются в крупных индустриальных и культурных центрах России. Самые «антиамериканские» города – Москва и Санкт-Петербург, где враждебность по отношению США выражают более 50% населения¹⁰. Именно городское население добилось наибольших успехов в годы политико-экономических реформ и стало социальной основой новой национальной иден-

тичности. И именно здесь американская политика вызывает самый сильный, чаще всего негативный, отклик.

По мнению А. Кубышкина, «наиболее рьяно провозглашают свои антиамериканские взгляды достаточно благополучные в экономическом отношении молодые люди, зачастую студенты или специалисты с высшим образованием»¹¹.

Городскому населению – можно интерполировать, что и блогерам – непонятны многие стороны жизни американцев. Им не близок «новый глобальный контракт» не-, вне- и наднациональных жителей глобализирующихся локусов. Им трудно осознать и принимать как «свои» естественные условия проживания в мегаполисах: мобильность, быстроту в принятии решений, вовлеченность в игру и постоянный конфликт интересов и возможностей.

Пытаясь подражать Значимому Другому, жители постсоветских городов перенимают внешние стороны жизни американцев, воспринимают свою городскую культуру в чем-то похожей на американскую. Они не стремятся к глубокому пониманию и критическому освоению жизни американских городов. Обращают внимание в первую очередь на яркость, изобилие, простоту, особенно интеллектуальную. Однако при этом и все самое худшее воспринимается как пришедшее «оттуда».

Предельно значимо и то, что, находя проявления американской городской культуры в Европе и Азии, жители постсоветских городов начинают опасаться потерять своеобразие своей культуры. Неустойчивость и непрочность традиций стали одними из основных причин роста и распространения антиамериканизма и в динамичной городской культуре, и в русскоязычном сегменте блогосферы.

⁹ Печатнов В. «Любовь-горечь» к Америке // Международные процессы. 2006. Т. 4. № 1. С. 10.

¹⁰ См.: Gerber Th., Mendelson S. Young, Educated, Urban – and Anti-American. Recent Survey Data from Russia // Ponars Policy Memo. 2002. No. 267.

¹¹ Кубышкин А.И. Указ. соч. С. 114.

О циклической природе «особого пути» постсоветской России

Циклические процессы сравнительно недавно стали предметом изучения в мировой социологии и политической науке, и, возможно, поэтому всякий откат от демократии в любой стране у одних вызывает почти мистический ужас, а у других – представления о будто бы предопределенной невосприимчивости к демократии тех или иных народов. То, что откат от демократии закономерен, что не исключает ее последовательное распространение в мире, одним из первых обосновал С. Хантингтон. Его концепция о трех волнах демократизации опровергла господствовавшее еще в 1980-х годах упрощенное представление о демократизации как процессе однонаправленном, прямолинейно поступательном и сразу же побеждающем¹. Хантингтон предложил более сложную, но и более адекватную модель этого процесса, используя образ приливов и отливов демократизации. Именно он ввел понятие «обратной волны» (reverse wave) демократизации, обосновав почти неизбежные, но временные отступления ранней демократии под напором более архаичных и, следовательно, более укоренных недемократических режимов².

¹ Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003.

² При всем разнообразии толкований понятия «демократия» его сущность и главные признаки в большинстве случаев трактуются одинаково. *Демократия* – власть народа. Форма правления, верховной властью в которой реально облечен народ (граждане государства), осуществляющий свои полномочия прямым или непрямым способом (через систему представителей, избираемых в ходе свободных, конкурентных и равноправных выборов).

*Эмиль Абрамович Паин,
доктор политических наук,
профессор Государственного
университета – Высшей школы
экономики, научный руководитель
московского офиса Института
Кеннана, Former Woodrow Wilson Center
Guest Scholar, Former Kennan Institute
Galina Starovoitova Fellow*

Итак, согласно С. Хантингтону, существовало три волны (или этапа) глобальной демократизации, которые привели к росту на планете числа стран с демократической формой правления. Первая волна, охватывающая, по Хантингтону, 1828–1926 годы, привела к становлению в мире 29 демократий. Вторая волна (1943–1962) увеличила число демократических стран до 32. Третья волна (1970–1990-е годы) обеспечила самый массовый приток стран в зону демократии. По данным Development Alternatives Inc., к началу 2000-х годов из 193 независимых и признанных государств мира 70% декларировали себя как демократические³. Однако на каждом этапе обратная волна вымывала значительную часть новообращенных стран из зоны демократии и вновь уносила их к традиционному авторитаризму. В каком-то смысле волны демократизации и откаты укладываются в схему «два шага вперед – шаг назад».

Наиболее характерной чертой третьей волны стал принципиально глобальный характер процесса демократизации, охватившего практически все континенты. Само стремление подавляющего большинства государств мира, включая авторитарные, хотя бы называться демократиями, свидетельствует, что демократические режимы стали к концу XX века наиболее влиятельной политической силой в глобальном масштабе. Вместе с тем и на этом этапе сохранилась высокая вероятность попятных движений к авторитаризму.

В данной статье автор обосновывает свою гипотезу о том, что Россия с начала 2000-х годов демонстрирует вполне типичный для многих стран мира про-

цесс временного отката от демократии. Разумеется, этот универсальный волнообразный процесс имеет свою специфику в России, как и в любой стране, но это вовсе не «особый путь», трактуемый его идеологами как мистическая предопределенность российского авторитаризма.

«Обратная волна»

Политический режим первого президента постсоветской России Б. Ельцина можно определить как «минимально демократический», учитывая использование им легитимных электоральных процедур⁴. В то же время этот режим демонстрировал и заметные недемократические признаки. Так, сильнейшее влияние на политику оказывали закулисные манипуляции крупнейших финансово-промышленных групп. Первый президент России не очень обижался на газетчиков, именовавших его «царь Борис», он любил демонстрацию своей власти⁵. И. Клямкин определил такой политический режим как «выборное самодержавие». По его мнению, «этот термин довольно адекватно передает искусственность российской политической системы, несовместимость способа легитимации высшего должностного лица, характерного для демократической политической парадигмы, с традиционным способом функционирования власти, характерным для парадигмы имперско-державной»⁶.

Программа передачи власти наследнику, которого Ельцин отбирал в течение нескольких лет среди своих приближенных, тоже не свидетельствует о последовательности его демократических убеждений.

³ *Сигл Дж.* Демократия и процветание [http://usinfo.state.gov/dd/ru_democracy_dialogues/ru_prosperity/ru_prosperity_essay.html].

⁴ Современная политическая теория проводит принципиальное различие между *минимальной демократией*, ограничивающей участие населения в политике лишь его электоральной активностью, и полноценной *либеральной демократией*, обеспечивающей повседневную активность граждан, а также эффективную защиту гражданских прав и политических свобод. См., напр.: *Даймонд Л.* Прошла ли «третья волна» демократизации? // Полис. 1999. № 1. С. 1–25.

⁵ Отмечу, что практически все ранние формы демократии были полуавторитарными и представляли собой режимы с высоким влиянием олигархических группировок.

⁶ *Клямкин И.* Российская власть на рубеже тысячелетия // Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 2. С. 57.

Известные российские обществоведы оценивают режим Ельцина не столько как созидающий демократию, сколько как устраняющий последствия тоталитаризма⁷. Разумеется, многие ожидали, что после расчистки завалов тоталитаризма на российской почве начнут прорастать зерна демократии, однако эти надежды оказались иллюзорными. Россия 2000-х годов, времен В. Путина и Д. Медведева, показала, что под истончающимся и уже почти полностью облупившимся слоем тоталитаризма все яснее проступают признаки другого недемократического режима – авторитарного.

Чем отличается он от тоталитаризма? Из многочисленных попыток дифференциации указанных режимов мне ближе всего подход, предложенный Х. Линцем. Он определил авторитаризм как политическую систему, при которой власть ограничивает участие народа в политической жизни, опираясь на традиционализм и политическую апатию населения. Именно опорой на традиционные институты (церковь, патриархальные семьи, клановые группы и др.) и на политическую пассивность населения авторитаризм прежде всего отличается от тоталитаризма – политического режима, при котором правители государства не заинтересованы в пассивности населения. Напротив, они политически мобилизуют его, идеологически подчиняют себе, манипулируя массовым сознанием и стремясь к тотальному контролю над всеми сферами жизни общества⁸. Только тоталитаризм во всех его локальных проявлениях пытался заменить традиционные формы легитимации власти совершенно новыми, искусственно созданными идеологическими системами, в основе которых лежала идея создания «нового мира», «нового

общества» и «нового человека». Советский большевизм, немецкий нацизм, китайский маоизм, северокорейская идеология чужде во многом похожи на религию и могут быть названы новыми политическими религиями. В каких-то случаях тоталитарные вожди могли использовать в актуальной политике фрагменты, символы действительно традиционных этнических и религиозных культур, но всегда такие попытки сводились лишь к декорированию культурными традициями новых искусственно созданных идеологических систем.

За пределами различий в политических стратегиях (мобилизационной и демобилизационной) и в методах подавления реальной политической субъектности населения (авторитаризм опирается на традиционные институты, а тоталитаризм – на искусственно созданные) трудно найти информативные признаки для разграничения тоталитаризма и авторитаризма. Эти режимы плохо различимы потому, что и тот и другой принципиально антидемократичны и автократичны. Режимы личной власти могут быть чрезвычайно многоликими и различаться вариациями репрессивности и мягкости, отчужденности от населения и популизма, уровнем и формами имитации демократических процедур. Они могут быть представлены как режимами персональной диктатуры (вождями, лидерами наций), так и групповыми формами правления, олигархиями (властью клик, хунт, корпораций и т.п.)⁹. Во всех случаях они остаются антидемократичными, исключаяющими реальное участие населения в государственном управлении, а также реальный плюрализм и конкуренцию политических сил, представляющих разнообразие социальных интересов.

⁷ См., напр.: *Левада Ю.* Ищем человека. Социологические очерки. 2000–2005. М.: Новое издательство, 2006; *Гудков Л.* Негативная идентичность. Статьи. 1997–2002. М.: Новое литературное обозрение, 2004.

⁸ *Linz J.* Totalitarian and Authoritarian Regimes // *Handbook of Political Science*, Vol. 3: Macropolitical Theory. Ed. by Fred I. Greenstein and Nelson W. Polsby. Reading, MA, 1975. P. 175–411.

⁹ *Ворожейкина Т.* Авторитарные режимы XX века и современная Россия: сходства и отличия. Тезисы выступления на конференции «Российские альтернативы» (Пятые Ходорковские чтения) 8 декабря 2009 года.

Принципиальный антидемократизм как искусственных тоталитарных, так и традиционалистских авторитарных режимов делает их взаимозаменяемыми. Тоталитаризм легче всего и сравнительно надолго утверждался в странах с давними авторитарными традициями. Он же в определенных исторических условиях легко уступает место вовсе не демократиям, а другим формам антидемократизма, кажущимся более мягкими и более «естественными». Так произошло вначале в Китае после правления Мао, затем в большинстве стран, возникших после распада СССР.

Непосредственный переход от тоталитаризма к демократии наблюдался лишь в тех странах, где в дототалитарный период уже существовал, сравнительно длительно, республиканский и «минимально демократический» строй. В России до прихода к власти коммунистов такой строй продержался всего несколько месяцев – с февраля по ноябрь 1917 года. Однако даже в тех странах, где подобный политический режим просуществовал более десятилетия перед установлением тоталитаризма, возврат к демократии был непростым и обычно сопровождался некими чрезвычайными историческими обстоятельствами. Так, становление демократии в Германии на развалинах тоталитарного нацистского режима стало возможным лишь после поражения этой страны в войне, после трагедии, которую национальное сознание связало именно с тоталитаризмом. К тому же все это происходило под влиянием жесткого внешнего контроля над процессом денацификации страны. Тоталитарные режимы в странах Центральной и Восточной Европы возникли как инородные явления вследствие оккупации Советским Союзом. Устойчивость таких режимов во многом зависела от меры принуждения со стороны СССР. После смерти Сталина эти режимы эволюционировали в сторону авторитаризма. Частичная реанимация ка-

ких-то сторон тоталитаризма в бывших социалистических странах почти всегда являлась следствием либо прямых военных интервенций, как это было в 1956 году в Венгрии и в 1968 году в Чехословакии, либо принуждения местных вооруженных сил к введению военного положения (Польша, декабрь 1981 года). По мере ослабления внешнего давления в этих странах стали развиваться процессы, приведшие к демократическим «бархатным революциям» конца 1980-х годов. К этому времени в большинстве стран Варшавского договора уже не было тоталитарных режимов.

Мало что сохранилось от такого режима и в современной России. Л. Гудков дает подробную картину различий между тоталитарными режимами и современным российским, который он называет «путинизмом»¹⁰. Приведу лишь некоторые признаки этих различий, связанные с тем, что в современной России:

- нет прежней монополии партии, сросшейся с государством, органами управления и системой государственного идеологического контроля, пронизывающего все сферы общественной жизни;
- нет единой идеологии, называемой в советское время «единственно верным учением» и являвшейся по сути «политической религией»;
- нет специфического для тоталитаризма соединения террора, массовых репрессий и тотальной пропаганды, создающих в обществе атмосферу парализующего страха;
- нет огосударственной, централизованной, планомерно-распределительной экономики, подчиненной целям режима и направленной прежде всего на проведение форсированной милитаристской модернизации.

Нынешний режим в России, конечно же, нельзя назвать тоталитарным: он утратил свой тотально репрессивный характер; к нему совершенно не применим термин «мобилизационный»; напротив, это режим политической демобилиза-

¹⁰ Гудков Л. Природа «путинизма» // Вестник общественного мнения. 2009. № 3 (101). С. 6–21.

ции, «режим разобщения», как его назвал Б. Дубин¹¹. Напомню, что политическая демобилизация и разобщение народа, наряду с опорой на традиционализм, являются важнейшими характеристиками именно авторитарной разновидности антидемократических режимов. При этом такое социальное разобщение и политическая апатия вместо политического подъема, царившего в начале 1990-х годов, обращение людей к прошлому вместо надежд на лучшее будущее не были лишь следствием каких-то особых политических манипуляций, применяемых властями. Напротив, нынешние российские власти оседлали настроения и подстегнули процессы, зародившиеся еще во времена Б. Ельцина.

«Зачем искать врагов»

Распад многонациональных государств, таких как СССР, неизбежно вызывает «кризис идентичности», выходом из которого в посттоталитарных обществах чаще всего является усиление так называемой «аскриптивной идентичности», при которой человек обычно ассоциирует себя с общностями, которые Э. Шилз назвал *primordial* (естественными), – семейными, родовыми, земляческими, этническими, религиозными и другими. Процессы такого рода наблюдались во всех постсоветских государствах, и Россия в этом смысле не исключение.

Естественным следствием усиления роли аскриптивной идентификации стал и рост традиционализма, повышенный интерес к прошлому, обращение к истории, к национальным традициям как канону нравственных оценок. Самооценки жителей России в стиле «я русский, принадлежу к государству с тысячелетней историей» заметно усилились за 20 лет (1989–2009), тогда как значение такой формы самоопределения, как принад-

лежность к «советским людям», уменьшилось за тот же период с 31 до 12%¹².

Замечу, что рост традиционализма, особенно таких его разновидностей, как этнический национализм, наблюдался во всех постсоветских государствах, включая страны Балтии. Если что и разделяет Россию, так это запаздывание интереса к этническому традиционализму у большей части населения России по сравнению с жителями других новых государств. В начале 1990-х, когда национальные фронты пришли к власти во многих постсоветских странах, когда десятки национальных движений, партий и группировок появились в автономиях Российской Федерации, уровень этнического самосознания русских все еще оставался таким же низким, каким он предстает по материалам этносоциологических исследований в СССР в 1980-е годы. Более 90% русских демонстрировали этнический нигилизм, безразличие («я никогда не задумывался, какой они национальности»), и менее 10% подчеркивали: «Я никогда не забываю, что я русский». За период 1994–1999 годов доля лиц с ярко выраженными признаками этнической озабоченности («я никогда не забываю, что я...», далее перечислялись национальности) выросла у всех обследованных в России этнических групп, но особенно заметным этот рост стал у русских, только в этой группе он удвоился. При этом быстрее всего выросли наиболее эмоционально выраженные формы этнического самосознания. Если в 1994 году не более 8% русских в республиках РФ отвечали, что «любые средства хороши для отстаивания благополучия моего народа», то в 1999 году не только в республиках, но впервые и в русских областях такую ориентацию проявили в опросах более четверти русских респондентов¹³. Рост

¹¹ Дубин Б. Режим разобщения // Pro et Contra. 2009. № 1. Январь – февраль.

¹² Там же. С. 7.

¹³ По материалам исследовательских проектов, выполненных под руководством Л.М. Дробизевой: «Посткоммунистический национализм, этническая идентичность и регулирование конфликтов» (1993–1996) и «Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в Российской Федерации» (1999–2001).

этнического самосознания русских в значительной мере стал ответом на предшествовавшее ему возбуждение этнических меньшинств. Буквально взрыв этнической озабоченности и откровенной ксенофобии у русского населения фиксировался после «первой чеченской войны» (1994–1996).

Параллельно развивался традиционализм как противопоставление «плохому» (в социально-экономическом и политическом отношении) настоящему некоего «золотого века» в прошлом. Понятно, что такие настроения явились результатом прежде всего усталости от либеральных реформ 1990-х годов и усиливающегося восприятия их как провалившихся. Такие настроения стали в российском обществе почти тотальными после финансового кризиса 1998 года. В усилении социально-политического традиционализма этот кризис сыграл ту же роль, какую «чеченская война» сыграла во взвинчивании традиционализма этнического.

С середины 1990-х годов российское общественное мнение демонстрирует инверсивные перемены в отношении к большинству фундаментальных политических явлений. Радикально изменилась оценка советской системы. В 1991 году свыше половины (57%) опрошенных ВЦИОМ соглашались с тем, что в результате коммунистической революции «страна оказалась на обочине истории и принесла людям лишь нищету», а в 1995 году точно такая же доля россиян поддерживала совершенно иное мнение: «Советская система была не так уж плоха, однако не годными были ее правители». Еще через два года в общественном мнении началась и реабилитация советских лидеров. По данным ВЦИОМ, к 1997 году советская власть характеризовалась сравнительно наи-

большей частью опрошенных (36%) как «близкая народу, своя», а новая российская («власть Ельцина и демократов») – как «далекая от народа, чужая» (41%)¹⁴.

В этих оценках проявилась одна из особенностей русского национального сознания, отличающих его от коллективных представлений в большинстве других посткоммунистических стран¹⁵. Русское население, хоть и понесло самые значительные потери (человеческие жертвы и разрушения национальной культуры) в результате небывало длительного, более чем 70-летнего тоталитарного правления, не воспринимало этот режим как внешне навязанный. Для россиян он оставался «своим» и даже «близким народу». При этом если немецкое общество, также самостоятельно на своей культурной почве породившее германский тоталитаризм, связывало с ним национальную катастрофу, поражение в войне, то русское общество, при некоторых внешних пропагандистских усилиях со стороны истеблишмента, оказалось способным связать с тоталитарным режимом Великую победу над фашизмом.

В период, когда в элитарном и массовом сознании преобладало критическое отношение к советскому прошлому, большинство россиян смотрело на Запад как на эталон движения в будущее. В 1989 году 60% опрошенных оценивали западный образ жизни как образцовый¹⁶. В середине 90-х начался демонтаж этого эталона, а к 2000 году оценки конца 80-х поменялись на противоположные. В это время 67% опрошенных определили западный вариант общественного устройства как «противоречивый уклад жизни русского народа»¹⁷. Отказ от иллюзий перестройки с ее прозападными настроениями сопровождался усилением утешительной веры в то,

¹⁴ Гудков Л. Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. М.: ИФ – ИЭА РАН, 2002. С. 132–133.

¹⁵ Этнические русские в этих опросах составляли 85%.

¹⁶ Дубин Б. Запад для внутреннего потребления // Космополис. 2003. № 1 (3). С. 137.

¹⁷ Там же. С. 150.

что «у России свой особый путь». При этом образ «особого пути» в массовом сознании чрезвычайно размыт, лишен какой-либо конкретности и в основном связан с идеализацией традиционно русских норм поведения, которые противопоставляются западным. «Есть опыт наших дедов, и мы должны держаться за него», – с этим суждением в конце 1990-х годов были согласны 65% опрошенных¹⁸.

Прочность и масштабы российских антизападных настроений также демонстрируют особенности российского варианта разложения тоталитаризма. Процесс усталости от политических и экономических реформ наблюдался и в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы. В некоторых из них также проявились ретроградные политические процессы. Например, в Польше и Румынии в 1990–2000-е годы на какое-то время к власти пришли левые партии и вернулись на политическую сцену персоны, сделавшие политическую карьеру в годы коммунистического правления¹⁹. Однако движение европейских посткоммунистических обществ на Запад не прервалось, поскольку с ним было связано долгосрочное и фундаментальное стремление «вырваться из империи». В России же такой «автоматики» не было. Советская империя рухнула, но элементы имперского сознания остались. С ними связан и такой феномен общественной жизни России, как «имперский национализм», противоречащий принятым канонам теории национализма, рассматривающей его только как противоположность имперскому сознанию.

В 1991 году большинство опрошенных в России (49%) полагало: «Зачем искать врагов, если корень наших бед

в нас самих?» – и лишь 12% были уверены, что источником проблем русских являются их враги. В 1994 году уже 41% опрошенных видели во врагах главный источник своих бед, но почти столько же придерживались противоположного мнения. Понадобилось еще пять лет, чтобы образ «врага» прочно утвердился в сознании россиян, и в 1999 году уже подавляющее большинство опрошенных (65%) стало объяснять свои проблемы поисками врагов²⁰. Вряд ли кого-нибудь удивит тот факт, что привычная, стереотипная и удобная идея переноса ответственности за проблемы русского народа на «врагов» приобретала все новых сторонников по мере роста негативного восприятия жизни в России. Понятно, что возвращение к старому всегда требует меньших усилий, чем освоение новых ценностей. Поражает другое – сравнительно прочная устойчивость новой для посттоталитарного мышления идеи – «корень наших бед в нас самих». Позволю себе выдвинуть предположение о том, что за девять лет с начала перестройки и до середины 90-х годов в российском обществе начала формироваться новая, либеральная по своей сути традиция, основанная на идеях индивидуальной свободы и персональной ответственности, которая оказалась способной, на какое-то время, сопротивляться возвращению советских стереотипов.

Либеральная идеология в постсоветской России оказывала влияние на массовое сознание до тех пор, пока у россиян сохранялась надежда на перемены к лучшему в результате реформ. Влияние же традиционализма стало прогрессировать по мере роста разочарования в них. При этом традиционализм начал быстро окрашиваться в тона этнической

¹⁸ Гудков Л. Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам. С. 133.

¹⁹ С 1995 по 2005 год президентом Польши дважды избирался А. Квасневский, член ПОРП с 1977 по 1990 год, член прокремлевского правительства (министр по делам молодежи) Польши с 1985 по 1990 год. В 2000 году после периода правления правых партий в Румынии президентом этой республики избирается И. Илиеску, который был руководителем идеологического отдела ЦК РКП во времена диктатуры Н. Чаушеску.

²⁰ Гудков Л. Русский неотрадиционализм // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1997. № 2. С. 25–33.

ненависти: «чужой» – это непременно «враг» и обязательно этнически не русский. Для усиления образа демократической власти как «чужой» российская националистическая оппозиция в своей пропагандистской деятельности использовала антисемитизм, приписывая некоторым видным деятелям администрации Б. Ельцина несвойственное им еврейское происхождение.

Таким образом, этнический традиционализм и социально-политический многократно пересекались, дополняя и усиливая друг друга. Такие процессы можно назвать «естественным ростом» традиционализма, поскольку они, как правило, почти неизбежно сопровождают распад империй и разложение тоталитаризма. Похожие процессы наблюдались и в других постсоветских странах, хотя и с некоторым своеобразием, обусловленным особенностями исторического опыта разных народов. Однако как только такой традиционализм проявляется, он тут же становится ходким товаром на политическом рынке и сырьем для политических технологий, конструирующих новый искусственный традиционализм. Воспроизводство такого традиционализма становится подлинной индустрией, особенно в тех случаях, когда его разработку ведут влиятельные средства массовой информации, контролируемые государством.

Интерес к традиционализму проявляла уже администрация первого президента России. В эпоху Б. Ельцина вернулись в качестве государственных символов и имперский двуглавый орел на государственном гербе, и имперский триколор в качестве государственного флага. В это время были идентифицированы и захоронены по православному обряду останки последней царской семьи России. Постоянные публичные манифестации религиозности новой власти и многочисленные фотографии

президента вместе с патриархом Русской православной церкви даже дали повод шутникам того времени сложить анекдот о том, что в постсоветской России место коммунистического политбюро заняло «метрополитбюро». И все же, на мой взгляд, Ельцин не столько стремился повысить свой рейтинг опорой на набирающий популярность традиционализм, сколько хотел противопоставить исторически традиционные царские символы искусственным коммунистическим. Возрождение Православной церкви, разрушенной большевиками, также должно было, по мысли Ельцина, символизировать его стратегическую линию возврата России в естественную историю, прерванную коммунистическим переворотом; а также возврата ее в семью цивилизованных европейских народов, из которой страна была вырвана большевиками. Получение администрацией Б. Ельцина согласия членом британской королевской семьи участвовать в генетической экспертизе останков царской семьи Романовых преследовало не только утилитарные цели, оно должно было подчеркнуть историческое кровное родство русской и европейской элиты²¹.

Второй президент России В. Путин воспринял от предшественника не только пышность ритуала инаугурации президента России, больше напоминающей коронацию русских царей, но и небывалый объем полномочий, сосредоточенных в руках президента России, тех полномочий, которые при Ельцине были внесены в Конституцию страны. Он перенял и технологию исторической легитимации президентской власти, но в отличие от своего предшественника легитимировал советский режим.

Ельцин проводил политику «возвращения России в Европу», Путин возродил сталинскую политику «осажденной крепости», антизападническую риторику холодной войны и шпионо-

²¹ См. подробнее: Императорский том. Следственный комитет идентифицировал детей Николая II // Время новостей. № 127. 2008. 17 июля [http://www.vremya.ru/2008/127/51/208516.html].

манию. Ельцин символизировал разрыв России с тоталитаризмом; при Путине же российские власти рассылали ноты протеста тем европейским странам, которые признали сталинизм и гитлеризм равно не допустимыми формами тоталитаризма.

Одним из главных политических достижений Ельцина было становление федерализма в России. Пусть это был еще не полноценный федерализм, поскольку возросшими при нем политическими правами российских автономий воспользовалась лишь их элита, но политика Ельцина, основанная на переговорном процессе и достижении компромиссов между федеральной властью и элитами национальных республик, давала надежду на становление федеративных отношений в России. Политика же Путина и его преемника исходит из радикально противоположной цели – обеспечения беспрекословного подчинения регионов федеральному центру. Для этого процедура прямого избрания глав регионов была заменена их назначением из Москвы. По сути, Россия возвратилась к имперскому принципу управления национальными территориями через своих наместников.

Ельцин подчеркивал антиимперский характер своей политики. При Путине доминирующей линией политики России стало «великодержавие», то есть фактически культ империи. Для этой цели возрождается, в том числе и публицистами, близкими администрации Путина (М. Леонтьевым, В. Третьяковым), культ Сталина. Для «державников» Сталин стал «новым собирателем империи, новым Петром Великим, новым супергосударственником, которому процалося народом многое»²².

Кстати, второе пришествие культа Сталина – это образец сугубо искусственной, «изобретенной традиции». Да-

же в период, когда значительная часть населения России отказала в доверии власти «демократов» и предпочла им власть советскую, это совсем не означало возрождение любви к Сталину. Еще в 2002 году не время правления Сталина рассматривается общественным мнением как эталон «хороших советских времен». Наибольшая часть опрошенных (39%) предпочла бы жить во времена Л. Брежнева, и лишь 3% выбрали в качестве предпочтительного сталинский период, и при этом мирные годы первых пятилеток²³. Выбор брежневского времени во многом был продиктован восприятием его как стабильного, сытого, без репрессий и потрясений, поэтому особенно привлекательного для людей, уставших от 15-летнего периода бурных политических трансформаций. Российским политическим технологам путинского призыва нужно было очень сильно постараться, чтобы наперекор таким настроениям превратить Сталина в один из символов современной России.

Ныне образ Сталина «раскручен» и популярен настолько, что эту золотую жилу активно разрабатывают представители разных политических сил, например бывшие либералы, ныне политические перебежчики, обосновавшиеся в стане «державников». В рядах левых сил, подлинных наследников Сталина, который безжалостно разрушал и русские национальные традиции, и церковь, гноил в лагерях как русских националистов, так и видных представителей русского клира, создаются движения с невероятной идеологической начинкой из смеси сталинизма, национализма и православия²⁴. Однако все разновидности такого изобретенного традиционализма недолговечны – это скорее мода, чем традиция.

²² Бондаренко В. Народ вседержитель // Завтра. № 1 (318). 2000. 4 января.

²³ Общественное мнение – 2002. По материалам исследований 1989–2002 годов. М.: ВЦИОМ, 2002. С. 20.

²⁴ Квачков В. Сталин сегодня: русский православный социализм // Народное ополчение. Официальный сайт В. Квачкова [http://www.kvachkov.org/narod.php?narod=social_sphere/182-vladimir-kvachkov-stalin-segodnya-russkij.html].

Традиционализм без традиций

Традиционализм как политический интерес к опоре на традиции в России, безусловно, есть, а вот в какой мере сохранились сами традиции – т.е. накопленный культурный опыт, передающийся из поколения в поколение и воспроизводящий своеобразие форм, норм и ценностей культуры? Понятие «традиция» генетически восходит к *traditio* и к глаголу *tradere*, означающему «передавать». Воспроизводство традиций возможно лишь при наличии особых социальных каналов для диахронной, межпоколенной передачи (трансляции) ценностей и норм культуры, а также механизмов социального контроля, поддерживающих устойчивость традиционных норм.

Многие народы бывшего Советского Союза сохранили и то и другое вопреки тоталитарной политике борьбы с «традиционными пережитками». Что касается русского общества, то в нем практически не сохранились те партикуляристские институты, которые все еще выполняют важные социокультурные функции у народов Средней Азии и Кавказа. Намного ниже в России, чем, например, в христианских странах Латинской Америки или в Южной Европе (не говоря уже об исламских странах мира), социальная и политическая роль церкви. Ф. Фукуяма полагает, что уровень проявлений семейно-родственных отношений и передаваемых по этим каналам традиций в России ниже в сравнении не только с такими откровенно традиционными обществами, как китайское, но и со многими европейскими, например французским и итальянским. По его мнению, «фамилистические» общества, «то есть те, в которых наиглавнейшим путем реализации общественного инстинкта является семья или более широкие родственные структуры: кланы и племена», обладают более вы-

соким уровнем социализированности, чем современная Россия; члены российского общества «не умеют объединяться друг с другом»²⁵.

Действительно, на большей части территории России почти полностью демонтированы механизмы традиционного социального контроля вместе с институтами, которые их хранили. О сельской общине прочно забыли уже в середине прошлого века. Религиозные общины, православные церковные приходы были разрушены в советское время, и их роль, скорее всего, не восстановится ныне, учитывая, что свыше 97% православных верующих не считают себя частью какого-либо одного прихода и посещают церковь эпизодически, по случаю и какую придется. Еще недавно были дворы, в которых пенсионеры, играя в домино, все же приглядывали за соседями, а бабушки, сидевшие на лавочках перед парадным, судачили о нравственности тех или иных семей. Это хоть как-то восполняло отсутствие полноценного механизма социального контроля, действующего по принципу: «Что люди скажут?» Сегодня и этого нет. А родственные отношения? Их разрушение в российской и прежде всего в русской среде, доведение некогда плотных родственных контактов до уровня эпизодического общения – общепризнанный факт. Об ослаблении семейных и родственных связей в русской среде свидетельствует почти полное забвение основных терминов родства, обозначающих родственников за пределами малой нуклеарной семьи.

Соседские связи в городах наполнены реальным содержанием лишь в границах лестничной площадки. Уже в пределах одного подъезда они ограничиваются в лучшем случае эпизодическими приветствиями друг друга. Договориться же о чем-то жителям всего многоквартирного дома обычно очень сложно. Как отмечает И. Шмерлина, в современных российских городах «соседи вос-

²⁵ Фукуяма Ф. Доверие. М.: АСТ, 2004. С. 57.

принимаются отчасти как вынужденный, навязанный элемент окружающей среды»²⁶.

Социологический мониторинг российского общества (Левада-Центр, 1991–2005) указывает на монотонное ослабление всех видов социальных связей и сжатие сферы межличностного общения до уровня своей квартиры. Две трети опрошенных устойчиво ограничивают свои еженедельные контакты во вне рабочее время лишь общением с членами своей семьи и родственниками. Более или менее регулярно во вне рабочее время и за пределами своей квартиры общаются: с коллегами по работе – 20% опрошенных, с членами одной добровольной общественной, политической, культурной организации либо спортивного клуба, секции – 5%, с людьми, принадлежащими к той же церкви, – 2%²⁷.

Не вызывает сомнений тот факт, что представление о российском обществе как коллективистском, соборном и общинном – это миф. Напротив, сегодня это общество одно из наиболее атомизированных в современном мире. Это признает большинство экспертов, по крайней мере в академической среде. Менее освоено следствие из этого факта: атомизация общества существенно ухудшает условия трансляции социокультурных и особенно этнических традиций.

Таким образом, традиционализм в России лишен своих естественных социальных корней, но он и не является в российских условиях основным механизмом поддержания авторитарного режима. Эту функцию в России выполняет разобщенность. «Российский социум, – пишет Б. Дубин, – причем именно в образованной и урбанизиро-

ванной его части – стал более простым и однородным, уплощенным и раздробленным, но тем самым и более податливым для внешних воздействий на всех и каждого из его атомизированных членов»²⁸.

Между традицией и правом

Новое, развившееся уже в постсоветское время состояние социальных связей, их прогрессирующая атомизация наряду с традиционной склонностью к патернализму и отсутствием исторического опыта самоорганизации и самоуправления создают благоприятную почву для воспроизводства в современной России особой разновидности авторитарного политического режима – патримониального. Эта модель была обоснована М. Вебером, подчеркивавшим ее переходный характер, проявляющийся в обществах, находящихся на пути между традиционными и рационально-легальными отношениями. В ее рамках права и обязанности представителей разных страт общества не легитимируются традицией, не опираются на нее. Это уже рациональные отношения, порожденные страхом или выгодой, но они еще не легальные, не опирающиеся на закон. Вся система патримониальных отношений основывается на личной (неправовой) зависимости бюрократии от правителя, народа от бюрократии.

Веберовская модель ныне стала особенно популярной в мировой политологии и часто используется для объяснения как самой специфики политических режимов в посткоммунистических странах, так и причин их устойчивости²⁹. Вебер выделил разные типы личной зависимости бюрократии

²⁶ Шмерлина И. Социальная экология соседства // Социальная реальность. Журнал социологических наблюдений и сообщений. 2006. № 9 [http://socreal.fom.ru/?link=ARTICLE&aid=211&print=yes].

²⁷ См.: Дубин Б. Массмедиа и коммуникативный мир жителей России: пластическая хирургия социальной реальности // Вестник общественного мнения. 2006. № 3 (83). С. 33–46 [http://www.polit.ru/research/2006/09/06/dubin.html].

²⁸ Там же.

²⁹ Наиболее полный обзор этих работ см.: Фисун А. Демократия, неопатримониализм и глобальные трансформации. Харьков, 2006. С. 155–178. См. также: Масловский М. Веберовская концепция патримониализма и ее современные интерпретации // Социологический журнал. 1995. № 2. С. 95–109.

от властителя – от самых жестких, основанных на страхе наказания смертью («султанский тип»), до сравнительно мягких, покоящихся на взаимной экономической выгоде. Все эти разновидности проявляются и сегодня. Скажем, взаимоотношения нынешнего правителя Чечни Р. Кадырова не только с личной гвардией, но и со своим чиновничеством – это образец патримониальных отношений султанского типа. Отказ от подчинения султану карается смертью. При этом изменники при невыясненных обстоятельствах погибают не только в Чечне, но и в Москве и даже в городах Западной Европы.

Султанский тип патримониализма проявляется и в ряде других регионов постсоветского мира, но все же в России, как и в большинстве постсоветских стран, преобладает не деспотия, а более мягкая экономическая зависимость клиентов от патрона. В такой системе патримониальный чиновник служит не из страха, он вознаграждается за верность возможностью использования служебного положения в личных целях.

Представление о двух типах авторитарно-патримониальных режимов совпадает, на мой взгляд, и с концепцией Freedom House, отражаемой в ежегодном докладе этой организации Nations in Transit. Например, в докладе за 2006 год представлены следующие типы постсоветских стран³⁰:

1. Консолидированные авторитарные режимы. Они во многом напоминают султанский тип патримониализма и характеризуются наивысшими показателями авторитарности (Казахстан – 6,39, Беларусь – 6,71, Узбекистан – 6,82, Туркменистан – 6,96).

2. Неконсолидированные авторитарные режимы. Это определение очень близко тому, что Б. Дубин вкладывал в понятие «режим разобщения». Показатели авторитарности у стран с таким режимом несколько ниже, чем в первой

группе (Армения – 5,14, Киргизия – 5,64, Россия – 5,75, Таджикистан – 5,93, Азербайджан – 5,93).

3. «Гибридные» или полуавторитарные режимы. Показатели их авторитарности еще ниже (Украина – 4,21, Грузия – 4,86, Молдова – 4,96).

4. Консолидированные демократии. Они характеризуются самыми низкими показателями авторитарности (Эстония – 1,96, Латвия – 2,07, Литва – 2,21).

Итак, две первые группы можно отнести к патримониальным режимам, которые М. Вебер считал не только переходными, но и принципиально не устойчивыми. Этот вывод в основе своей верен, особенно применительно к неопатримониальным атомизированным обществам, однако жизнь показала, что такие режимы более устойчивы, чем предполагалось в начале XX века.

Прежде всего, с тех пор кардинально изменилась возможность манипуляции общественным мнением, и дело не только в росте могущества информационных технологий, но и в ослаблении традиционной культуры. Атомизированные общества с ослабленными механизмами традиционной саморегуляции становятся более пластичными, податливыми к конструированию квазитрадиций (жизни «по понятиям»), на какое-то время заменяющих полноценные нормы.

В сегодняшних условиях значительно возросли возможности использования так называемого административного ресурса. В современных патримониальных системах шансы на приход к власти политической оппозиции в результате выборов крайне малы, даже если оппозиция не запрещена полностью, как в Туркмении, и не уничтожается физически, как в Чечне. Скажем, в Грузии, где количество легальных партий велико, политические ресурсы оппозиции примерно так же малы, как и в России, где осталась едва ли не единственная оппозиционная партия – КПРФ –

³⁰ См.: Фисун А. Демократия, неопатримониализм и глобальные трансформации. С. 144.

и разрозненные группировки либерально-демократического толка. Да и сами партии трудно отличить от патримониальной власти, поскольку они построены на личных отношениях – это всего лишь группы поддержки популярных личностей.

В неопатримониальных политиях перевернута с ног на голову система взаимоотношений между партиями, представленными в парламенте, и исполнительной властью. Не власть зависит от партий, а партии от исполнительной власти. В таких условиях даже при честных выборах мала вероятность демократического управления страной.

Что особенно важно, при современном могуществе политических технологий и разнообразии административных ресурсов простейшие электоральные демократии обречены на вырождение, на подмену имитационными формами, если они не опираются на свои естественные корни – институты гражданского общества. Но в том и состоит проблема развития постсоветских обществ, что в большинстве из них институты гражданского общества очень слабы и к тому же искусственно подавляются. Именно это делает весьма вероятными ретроградные политические процессы. Хочу подчеркнуть, что элементарные и неустойчивые демократии сносит в сторону авторитаризма почти вне зависимости от личных особенностей и биографии лидера страны или региона, будь то бывший агент специальных служб, партийный функционер или бюрократ новой постсоветской формации. Так, академик А. Акаев пришел к власти в Киргизии на волне перестройки. Поначалу он демонстрировал и свой демократизм, и прозападную ориентацию, но затем его режим выродился в обычный авторитарный патримониализм и был свергнут в ходе «цветной революции». Просвещенный юрист Н. Федоров, член Межрегиональной депутатской группы времен горбачевской

перестройки, демократ из демократов в 1980-е годы, став президентом Чувашии, создал «демократуру», мало отличимую от режима соседней Башкирии, где с советских времен правит М. Рахимов. М. Саакашвили по демократичности фразеологии может быть занесен в книгу рекордов Гиннеса, но ныне грузинская оппозиция добивается его отставки, упрекая, не без оснований, в авторитаризме.

Наряду с общими механизмами сохранения патримониальных режимов в России проявляются и специфические, вытекающие из ее собственного исторического опыта. Так, знаменитую фразу В. Черномырдина: «В России какую партию ни строй – получается КПСС», – можно трактовать не как фатальную предопределенность истории, а как традиционно российский технологический прием сведения новаций к известным шаблонам. По крайней мере последние два века правители на Руси боролись с опасными для них инновациями тем, что противопоставляли им заготовки местного производства, которые похожи на зарубежные новации по форме, но противоположны им по содержанию. Так, термин «нация» стал известен образованному обществу России в самом начале XIX века, почти тогда же, когда он стал обсуждаться в интеллектуальных кругах Франции. Однако сразу же французская идея нации как согражданства, основанного на народном суверенитете, в России была подменена доктриной «официальной народности» или, как ее называет Р. Суни, доктриной «официального национализма». Согласно ей, народ – во все не суверен, это дитя, опекаемое самодержцем как любящим, но строгим отцом. Официальный национализм, по мнению Суни, явился «ответом правящих групп, преимущественно династических и аристократических, на угрозу исключения или маргинализации последних в воображенном сообществе... и был связан с попытками аристократии и монархии сохранить импе-

рию»³¹. После Первой мировой войны на месте мировых империй стали складываться федерации, но российский «особый путь» проявился в создании Союза Советских Социалистических Республик как формы сохранения империи, лишь декорированной некими атрибутами федеративного устройства. Последний по времени пример культурной подмены – это доктрина «суверенной демократии».

«Российская система» не традиционна, но инерционна. Основой этой инерции является господство сырьевой экономики. Как торговала Россия сырьем при Петре I, так и торгует, только вместо леса и пеньки продает нефть и газ. Сырьевые товары составляют 85% российского экспорта и охватывают более 50% российского ВВП, в то время как в развитых странах этот показатель составляет менее 20%. Проблема «ресурсного проклятия» известна давно: множество стран со значительными природными ресурсами получают весьма малую выгоду от их использования. Главное же, что тотально сырьевая экономика уменьшает стимулы к модернизации. Зачем менять отношение к труду, жизненные устои, если можно сносно жить на нефtedоллары? Впрочем, подобные формы самосохранения авторитаризма наблюдались и в других странах. Т. Ворожейкина приводит в качестве примера Мексику в период более чем полувекового правления Институционно-революционной партии, которая обеспечила свое долголетие, осуществляя «обмен политических прав и свобод на перераспределение дохода в пользу средне- и низкодходных групп населения через государствен-

но-корпоративистские механизмы»³². В России используется примерно тот же механизм, но в нашей стране сверхдоходы от ресурсной экономики еще в большей мере облегчают процесс выкупа демократии у населения.

Сложившаяся структура экономики препятствует утверждению собственнических начал среди большей части российского населения. В России, как отмечал В. Розанов, вся собственность выросла из того, что была либо пожалована государем, либо украдена у кого-то. Вот и в постсоветский период нефтяные поля и газовые месторождения не были заработаны новыми российскими бизнесменами или получены ими по наследству. Эта собственность досталась им от государства, поэтому и сохраняет свое значение диагноз Розанова: «Труда в собственности очень мало. И от этого она не крепка и не уважается»³³.

Существует прямая связь между ресурсной экономикой и структурой элит. В России главенствует элита, связанная с ТЭК, в наибольшей мере зависящая от государства, поэтому и наиболее сервильная по отношению к власти. Такая элита в наименьшей мере склонна к опоре на гражданское общество.

Засилье нефтегазовой экономики обусловило избыточную роль государственной власти в жизни России. С. Кардонский назвал такое государство «ресурсным»³⁴. Главным ресурсом всегда была территория, с ее землями и недрами, поэтому ресурсное государство в качестве высшей цели выдвигает удержание, а по возможности и расширение территории. «Имперский тип государственности, – отмечает А. Захаров, – оказывается естественным оформлением режима, построенного на

³¹ Суин Р. Империя как она есть: имперский период в истории России, «национальная» идентичность и теории империи // Национализм в мировой истории / под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. Институт этнологии и антропологии РАН. М.: Наука, 2007. С. 65.

³² Ворожейкина Т. Указ. соч.

³³ Розанов В. Уединенное // Розанов В.В. Сочинения. М.: Советская Россия, 1990. С. 45.

³⁴ Кардонский С. «Патриоты» и космополиты в ресурсном государстве // Российское государство: вчера, сегодня завтра. Ред. И. Клямкин. М.: Новое издательство, 2007. С. 219.

экспорте сырьевых ресурсов»³⁵. В таком государстве не приживается федерализм с его децентрализацией власти и широкими полномочиями региональных центров в сфере самоуправления. Политическая апатия нулевых годов еще в большей мере увеличила вероятность возврата России от декоративной федерации к типу правления, напоминающему имперский, который всегда опирается на власть наместников в провинциях.

Господство природных ресурсов в экономике при дефиците человеческих требовало прикрепления населения к территории, а после отмены крепостного права – прикрепления его к власти. И то и другое было связано с лишением основной части жителей их гражданской и политической субъектности. Используя формулу Дж. Хоскинга, можно сказать, что «строительство государства в России мешало строительству нации»³⁶. Но одновременно происходил и рост безответственности государева человека: «Барин правит – пусть он и отвечает за все». Мало что изменилось с тех пор, и не приходится удивляться тому, что как не было на Руси общества, способного контролировать государственный аппарат и осознавать свою ведущую роль в политической системе, так его и нет. Более того, в этом отношении наблюдается даже регресс, связанный с утратой традиционных институтов социального контроля. Отсюда и гигантские качели инверсии ценностей, о которой я уже говорил.

Неопатримониальные режимы устойчивы, как Матрица³⁷. Они изменяются только в результате внутреннего раскола элиты или революции, которые тоже

чаще всего являются всего лишь формой перераспределения власти между ячейками все той же Матрицы. В ходе революции в Киргизии президента А. Акаева сверг К. Бакиев, бывший его премьер-министр. А кто такие два последних президента Украины В. Ющенко и В. Янукович? Премьер-министры президента Л. Кучмы. А М. Саакашвили? Министр в правительстве свергнутого им президента Э. Шеварднадзе.

Матрица прочна. Но она не вечна. Инерция – не фатум и не вечный двигатель. Инерция, как и традиция, ограничивает возможность произвольного движения, задает некоторую особенность исторического пути народа и страны, однако само понятие инерции предполагает возможность ее преодоления при определенных изменениях условий среды и усилении импульсов внешних воздействий. И такие импульсы ныне проявляются все заметнее в силу большей, чем в прошлом, взаимосвязи стран мира.

Вызовы времени как стимулы к переменам

Сохраняют свое значение выводы М. Вебера о принципиальной неустойчивости патримониальных систем. Она порождается прежде всего хроническим дефицитом легитимности власти. Власть уже не от Бога, но и не от закона, не от выборов. Пока терпят лидера в расчете на то, что он защитит от совсем отвязавшихся бояр, но ресурс личного авторитета быстро портящийся. Отношения внутри элит не легитимированы ни религией, ни законом, ни традицией. Почему московские элиты должны признать верховенство питерских? Почему

³⁵ Захаров А. Унитарная федерация. Пять этюдов о российском федерализме. М.: МШПИ, 2008. С. 41.

³⁶ Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917). Смоленск: Русич, 2000. С. 11.

³⁷ В данном случае термин «Матрица» используется примерно в том же значении, как в знаменитом фильме Э. и Л. Вачовски, имеющем такое название. В фильме Матрица – это рукотворная компьютерная программа, которая при всем ее могуществе подвластна воле людей и в принципе может быть перенастроена или уничтожена. Вот и патримониальная матрица, в моем понимании, – это всего лишь модель легитимации господства, которая поддается изменению, хотя и обладает высокой инерционной устойчивостью. Совершенно иная трактовка исторической матрицы проступает в произведениях многих современных российских квазикультурологов, использующих понятие матрицы в мистическом смысле – как рок, предопределяющий некий «особый» исторический путь.

одним жирные куски, другим объедки? Признать это элитарные группы не могут, к тому же они все в большей мере ощущают, что власть не готова к демонстрации декларированной поначалу «равной удаленности» от всех олигархических групп. В неправовом государстве высока вероятность доминирования неких кланов, отраслевых или региональных групп интересов. В таких условиях высока вероятность того, что элита, которая не может укрыться за традицией и рассчитывать на постоянное благоволение к ней патрона, будет пробиваться к защите закона, будет заинтересована в переходе от власти авторитета к власти нормы, следовательно, рано или поздно станет поддерживать политическую модернизацию.

Системным пороком патримониальных режимов является также вырождение их общественных функций. Еще Вебер отмечал, что неизбежным следствием присвоения служебного положения является утрата чиновничеством своих бюрократических функций. Иными словами, патримониальный чиновник перестает быть государственным служащим, поскольку государственные и общественные интересы подменяются

его личными или корпоративными. Вырождение общественных функций бюрократии приводит к тому, что такие режимы буквально разлагаются от коррупции.

Патримониальные режимы – это всего лишь средство самосохранения сложившегося истеблишмента, они принципиально не пригодны к проведению политики модернизации, во всех ее формах, как мобилизационной, так и тем более инновационной. Отсутствие же модернизационных перемен в условиях включенности России в систему глобальной экономики будет постоянно напоминать о себе растущим отставанием нашей страны в мировой конкуренции. Эти вызовы, скорее всего, будут стимулировать возрастание общественного интереса к политическими переменам, хотя для таких перемен нужны еще и внутренние предпосылки – готовность общества к освоению рационально-легальных форм жизнедеятельности, обычно предшествующих становлению устойчивых демократий. Такие процессы в России проявляются, но крайне противоречиво. Впрочем, анализ этих процессов – тема совсем другой статьи.

Понятие «пространство» в российских политических дискуссиях 1990–2000-х годов

Сравнивая филологический дневник В. Клемперера LTI (*Lingua Tertii Imperii*)¹ с филологическими исследованиями последнего времени, Г. Гусейнов приходит к выводу, что «короткий, прямо-таки крошечный по историческим меркам, период в двенадцать лет оказался источником меняющейся во времени культурно-языковой травмы для нескольких следующих поколений»². Потрясает невероятная скорость, с которой на сознание и поведение людей может воздействовать язык, развивающийся очень медленно. Язык намного старше окружающего нас предметного и общественного мира, но, как пишет Гусейнов, «мельчайший свежий сдвиг в языке, разрешение на новое слово или на незаметное смещение значения, может изменить жизнь целого сообщества всего за несколько месяцев, а иногда и дней. А вот для выхода из такой “горячей” фазы, наоборот, времени может не хватить и у двух-трех последующих поколений»³.

Наблюдая за «мельчайшими сдвигами» в современном русском языке я обратил внимание на роль, которую в политическом дискурсе играет термин «пространство». Термин этот часто относят к явлениям, пространственное измерение которых не очевидно и кото-

Влодзимеж Марчиняк,
доктор политических наук,
руководитель отдела сравнительных
постсоветских исследований
Института политических
исследований Польской академии наук
(Варшава)

¹ Клемперер В. LTI. Язык Третьего рейха: записная книжка филолога / Пер. с нем. А.Б. Григорьева. М.: Прогресс-Традиция, 1998.

² Гусейнов Г. Язык и травма освобождения // Новое литературное обозрение. 2008. № 94. С. 2.
[<http://magazines.ru/nlo/2008/94/gg14.html>]

³ Там же.

рые в других странах (например, в Польше) чаще всего трактуются как «система», «структура» или «общественная логика». Это может говорить о том, что явления, которые в целом воспринимаются как структурные, в России приобретают не существующий в других языках и странах горизонтальный смысл. Причем в России термин «пространство» выступает в двух разных контекстах. Во-первых, как синоним чисто пространственных компонентов советской империи, которые после 1991 года могли играть определенную самостоятельную роль (например, оборонное пространство) или были важной политической сферой (например, таможенное, экономическое, единое правовое пространство). Во-вторых, термин «пространство» используется применительно к иерархической структуре законодательной власти (например, правовое, конституционное пространство).

Пространство и язык

Массовое использование термина «пространство» и в разговорном, и в идеологическом языке, скорее всего, вытекает из тех трудностей, которые в 80-х и 90-х годах пережила большая часть русскоязычных людей в условиях необычайно быстро изменяющегося бытия – начиная с геополитических трансформаций и заканчивая переменами в повседневной жизни. Помимо распада Советского Союза и существенного сокращения территории России, среди геополитических факторов можно назвать массовую и частично вынужденную миграцию населения в 1990-е годы, а также столь же массовую колонизацию земель, расположенных в пригородной зоне, для создания огородов и сопровождавшую это

субурбанизацию. Оба эти фактора по сути означают кардинальное изменение свойственного России с незапамятных времен направления колониальной экспансии. Если когда-то малонаселенные и колонизируемые земли находились на окраинах империи, то в настоящее время колонизация охватывает земли, расположенные поблизости от наиболее крупных городов в европейской части страны⁴. Не меньшее значение в потрясениях 1990-х годов имела необходимость отказа от стереотипов потребления и изменение отношения к деньгам как выразителю сложных социальных взаимосвязей.

Все это, по мнению Г. Гусейнова, привело к тому, что пространство теперь понимается как любое место действий индивида. Часто это слово используется с дополнительным оттенком, особенно если речь идет о чем-то в прошлом неопределенном и незначительном, в то время как в настоящем его стало много или даже слишком много (например, информационное, криминальное пространство). Обобщенно Гусейнов определяет пространство как «место, в котором носитель языка снимает различия между личным опытом переживания исторического периода и любым предметом разговора»⁵. Как написал поэт В. Смирнов, «пространство плачет и болит»⁶. Таким образом, пространство – это место, в котором человек, говорящий по-русски, может преодолеть разрыв между собственным травматическим опытом и произвольным предметом разговора. Соответственно, пространство – ключевое слово не потому, что оно выполняет системообразующую функцию, а потому, что представляет собой *centre d'interet*⁷. Об этом свидетельствует

⁴ См.: Родман Б. Великое приземление // Отечественные записки. 2002. № 6 [http://www.strana-oz.ru/?numid=7&article=322].

⁵ Гусейнов Г.Ч. Пространство // Отечественные записки. 2002. № 6 [http://www.strana-oz.ru/?numid=7&article=287].

⁶ Цит. по: там же.

⁷ См.: Степанов Ю. Пространство и миры – «новый», «воображаемый», «ментальный» и прочие // Руденко Д.И. (ред.) Философия языка: в границах и вне границ. Харьков, 1994. С. 3–4.

⁸ Гусейнов Г.Ч. Пространство...

частотное использование термина «пространство» в произвольных контекстах. Вот лишь некоторые из примеров, которые приводит Гусейнов: *пространство философствования, единое имперское пространство, пространство однопартийное, пространство контролируемое, пространство неустоявшееся, пространство промежуточное, пространство геополитическое, пространство культурное, единое военно-стратегическое пространство, пространство специфической, пространство традиционной культуры, пространство поэтическое, цельное эстетическое пространство, пространство русское, пространство информационное, пространство единое исследовательское, пространство постсоветское, структура языкового пространства, громадное социокультурное мировое пространство* и т.д.⁸

Хорошим примером употребления термина «пространство» для преодоления разрыва между собственным опытом, связанным с распадом Советского Союза, и смыслом политических действий, служит следующее высказывание президента Б. Ельцина: «Само существование в мире огромного российского государства – накладывает на нас особый отпечаток. Мы очень зависимы от этого пространства, этой необъятности, до мозга костей включены в нее. <...> Россия всегда держала вокруг себя контролируемое пространство, все время расширялась. <...> Вокруг нас сейчас промежуточное, неустоявшееся пространство СНГ. <...> Советского Союза нет, Россия никому не угрожает. Но теперь мы вроде как стыдимся того, что такие большие и бестолковые, не знаем, куда себя деть. Нас мучает какое-то ощущение пустоты»⁹. В своем описании предпосылок внешней политики России Ельцин наглядно использует понятие пространства как синоним одновременно империи и руин империи.

В описании Ельцина совместные действия привели к распаду империи, что порождает ощущение пустоты, которое сопровождается трудностями в понимании условий и целей собственных действий. Выражением этого состояния непонимания и является мучительное чувство пустоты.

Чувству пустоты сопутствует и другое важное эмоциональное состояние – чувство облегчения и свободы. Ельцин прекрасно помнит, что «там, в Беловежской пуще, вдруг пришло ощущение какой-то свободы, легкости. Подписывая это соглашение, Россия выбирала иной путь развития. Дело было не в том, что от тела бывшей империи отделялись столетия назад завоеванные и присоединенные части. Культурная, бытовая, экономическая и политическая интеграция рано или поздно сделает свое дело – и эти части все равно останутся в зоне общего сотрудничества. Россия вступала на мирный, демократический, не имперский путь развития. Она выбирала новую глобальную стратегию. Она отказывалась от традиционного образа “властительницы полумира”, от вооруженного противостояния с западной цивилизацией, от роли жандарма в решении национальных проблем. Быть может, я и не мог до конца осознать и осмыслить всю глубину открывшейся мне перспективы. Но я почувствовал сердцем: большие решения надо принимать легко»¹⁰. В тексте Ельцина обращает на себя внимание связь свободы с пространством, что соответствует традиционным представлениям о российской культуре.

Свободу Ельцин, однако, понимает не как устранение всех, в том числе и пространственных, ограничений, а как новый порядок жизни, который можно описать в довольно туманных и научно не проработанных категориях, таких как «продолжатель» и «продолжательство»¹¹. Говоря о провозглашении статуса России

⁹ Ельцин Б.Н. Записки президента. М., 1994. С. 393–394.

¹⁰ Там же. С. 151.

¹¹ См.: Цыбуков В. Проблемы правопреемства в Содружестве Независимых Государств. М.: МГИМО, 1994. С. 9–15.

как продолжателя СССР в декабре 1991 года, Ельцин ссылается на понятие «юридическое пространство»: «В 1991 году Россия объявила себя правопреемницей СССР. Это был абсолютно грамотный, логичный юридический шаг – особенно в области наших международных отношений, где мы были связаны целым рядом серьезнейших обязательств как члены различных международных организаций, конвенций, соглашений. Выйди мы из этого юридического пространства, и возникло бы столько вопросов, такая “головная боль”, к которой в то сложное время мы были явно не готовы»¹².

По всей видимости, понятие «пространство» играет ключевую роль в описании подоплеки русской внешней политики, хотя выбор, сделанный Россией в 1991 году, отнюдь не представляется Ельцину самым лучшим, но по крайней мере долговечным, и поэтому он вызывает мучительное чувство пустоты: «...сейчас я думаю: а что бы было, если бы новая Россия пошла другим путем и восстановила свое правопреемство с другой Россией, прежней, загубленной большевиками в 1917 году? <...> Мы бы жили по совершенно другим законам – не советским законам, построенным на идее классовой борьбы и обязательного диктата социалистического государства, а по законам, уважающим личность. Отдельную личность. Нам бы не пришлось заново создавать условия для возникновения бизнеса, свободы слова, парламента и многого другого, что уже было в России до 1917 года. Кстати, была и частная собственность на землю.

А главное, мы, россияне, совсем по-другому ощущали бы себя – ощущали гражданами заново обретенной родины. Мы бы обязательно гордились этим чувством восстановленной исторической справедливости!»¹³

Состояние пустоты и состояние свободы создают в высказываниях Ельцина творческую напряженность, которая нашла свое развитие в политическом прогнозе, двойственно представленном министром иностранных дел А. Козыревым в декабре 1992 года на конференции в Стокгольме. Козырев выступил тогда с двумя речами: одна из них, стилизованная под Жириновского, имела пародийный характер, а другая была «серьезной». Парадокс ситуации состоял в том, что дальнейшая эволюция российской внешней политики проходила в направлении, очерченном в пародии. В России уже в 1992–1993 годах легко заменили латинский термин «империя» на родной «держава», который хорошо отражает автократический характер власти¹⁴. Замена эта не была случайной. Колоссальный страх перед тем, что Россия повторит судьбу советской империи, вызвал потребность в мифологии и апологии единой державы. Эта потребность очень скоро была преобразована в «идеологию геополитизма», в основе которой как раз и лежит понятие пространства¹⁵. Проблема, однако, состоит в том, что ностальгия по империи стала самостоятельной силой, а в массовом сознании сильное государство чаще всего связывается с большой территорией и единой державой.

¹² Ельцин Б.Н. Президентский марафон. М.: Издательство «АСТ», 2000. С. 157.

¹³ Там же. С. 158.

¹⁴ См.: Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М.: РОССПЭН, 1997. С. 226–227. Об идеологической эволюции режима Ельцина см.: *Marciniak W. Rozgrabione imperium. Upadek Związku Sowieckiego i powstanie Federacji Rosyjskiej*. Krakow, 2001. S. 281–285.

¹⁵ «Идеология геополитизма <...> оказывается поистине универсальной: под ней подписываются, ее в принципе разделяют... практически все... силы внутривнутриполитического спектра России от президента до любой оппозиции. Причем идея эта выходит далеко за рамки рецепта для внешней политики, становится в России конца 90-х годов фактически образом восприятия и постижения внешнего мира и формирования собственного отношения к нему» (*Косолоаной Н.А.* Геополитика как теория и диагноз (метаморфозы геополитики в России) // Бизнес и политика. 1996. № 4. С. 61. Цит. по: Цымбурский В.Л. «Остров Россия» за семь лет (приключения одной геополитической концепции). Ч. 1 [www.politstudies.ru/universum/esse/1zmb.htm].

Пространство как тема общественной коммуникации

Примером приведенного выше понимания термина «пространство» может быть его применение в Федеральном законе «Об образовании». Среди принципов государственной образовательной политики в ст. 2 Закона выделен такой: «единство федерального культурного и образовательного пространства». Причем единство федерального образовательного пространства четко противопоставлено «системе образования», которая должна обеспечить развитие национальных культур в условиях многонационального государства¹⁶. «Пространство», или «единое пространство», является, таким образом, атрибутом многонационального государства, понимаемого как один субъект. Чертой же «системы образования» является сохранение разнородности. Указанная семантическая дихотомия понятий «пространство» и «система» хорошо передает место понятия «пространство» в общественной коммуникации: оно используется затем, чтобы подчеркнуть целостность, связанность, внутреннее единство системы, структуры или иерархии¹⁷.

В подобном значении понятие пространства встречается в политической риторике В. Путина. Например, в послании Федеральному собранию в мае 2003 года президент России в качестве важнейшего своего успеха выделил предотвращение распада государства, восстановление единства страны и усиление

государственной власти, а затем сказал: «Благодаря восстановлению единого правового пространства смогли вплотную заняться разграничением полномочий между центром и регионами»¹⁸. «Правовое пространство», таким образом, является по сути иерархическим и структурным феноменом, а не «пространственным» в узком смысле этого слова. «Единое правовое пространство» было восстановлено благодаря восстановлению иерархической структуры власти, называемой «вертикаль власти»¹⁹. Этот странный термин описывает отношения власти с помощью понятия, заимствованного из астрономии и вызывающего ассоциации скорее с картографией, чем с политикой²⁰. В трактовке Путина «единое правовое пространство» отождествляется не только с унификацией и централизацией, противопоставляемыми разнородности и разнообразию, естественным для федеративного государства, но и с геометрическим устройством пространства.

Вертикаль власти имеет немного общего с реальной проблемой вертикальности как характерной чертой российского географического пространства. «Контрасты между городом и деревней, – пишет Л. Смирнягин, – гораздо сильнее, чем между областями, и контрасты эти воспроизводятся в любой области с таким постоянством, что классическая география, посвящая себя различиям между географическими местами (областями, регионами), кажется неуместной в приложении к нашей стране. Для каждой области отношения

¹⁶ См.: Закон РФ «Об образовании» от 10.07.1992 № 3266-1 [<http://www.consultant.ru/popular/edu/>].

¹⁷ Председатель Совета Федерации С. Миронов на конференции «Мониторинг правового пространства и правоприменительной практики: методология и мировоззрение» доказывал, что мониторинг правового пространства необходим для того, чтобы устранить бессистемность законодательства. См.: Законодатели не смогли разобраться с законодательством // Коммерсантъ. 2003. 24 июня.

¹⁸ Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 2003. 16 мая [www.president.kremlin.ru/text/appears/2003/05/44623.shtml].

¹⁹ О появлении этого термина см.: *Marciniak W. Kryzys diugi jak stulecie.* (w:) J. Felsztynski, W. Pribyowski. Korporacja zabyjcyw. Rosja, KGB i prezydent Putin. Warszawa, 2008. S. 374.

²⁰ Вертикаль – слово латинского происхождения, пришедшее в русский язык в XVII веке и означающее плоскость или линию, перпендикулярную относительно линии горизонта. См.: *Даль В.В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1989. С. 182.

со столицей государства несравнимо важнее, чем отношения с соседями»²¹. Небывало большое значение административных границ обуславливает то, что «российское пространство» отличается от любого другого географического пространства – сеть местных дорог всегда обрывается поблизости от административных границ, а освоение земель носит концентрический характер. Пространство в политическом и иерархическом понимании имеет поэтому немного общего с пространством не только как географическим и общественным феноменом, но и культурным и экономическим.

Стоит обратить внимание на факт, что в своих последующих посланиях Путин отождествлял децентрализацию, дезинтеграцию и распад государства²². В послании 2000 года он заявил, что в России не сформировалось «федеративное государство в полном значении этого слова», а только «децентрализованное государство». Годом позже Путин доказывал, что «дезинтеграция государства была приостановлена». В 2003 году он уже говорил о предотвращении «распада государства». Поскольку «децентрализация», «дезинтеграция» и «распад» связывались Путиным с политической стратегией Б. Ельцина, то единое правовое пространство в этой интерпретации мы можем понимать просто как отрицание ельцинской модели федерации, опирающейся на систему неформальных соглашений и компромиссов²³.

Отождествляя децентрализацию государства с его распадом, Путин совершает чрезвычайно характерную подмену понятий. Стратегическую задачу сохра-

нения единства государства он сводит к тактической и частной проблеме централизации органов государственной власти. В послании 2003 года он четко говорит о «сохранении государства на большом пространстве». А поскольку в его политическом мышлении единство государства отождествляется с единством государственной власти, то для сохранения единства государства достаточно реализовать среднесрочную стратегию централизации власти. Долгосрочная же стратегия сохранения единства государства требует, например, развития транспортной инфраструктуры, телекоммуникационных и информационных сетей, обновления реального сектора экономики и четкого определения национальных интересов. А для реализации тактической цели сохранения единства власти достаточно провести централизацию государства²⁴.

Специфический способ использования политиками категории «пространство» делает невозможным определение стратегии развития. О. Генисаретский считает, что «к работе по разворачиванию стратегической деятельности так называемая вертикаль власти никакого отношения не имеет»²⁵. Вертикаль власти – это не больше чем метафора. Мысль о метафорическом характере идеологии развил А. Зорин в превосходном анализе российской государственной идеологии последней трети XVIII и первой трети XIX века. В предисловии к своей книге он обращает внимание на культурно-символический характер политических баталий, проходивших в России на рубеже 80-х

²¹ Смирнягин Л.В. Культура русского пространства // Космополис. Зима 2002/2003. № 2. [http://cosmopolis.mgimo.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=123].

²² На это обращает внимание Э. Паин. См.: Паин Э.А. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М., 2003. С. 44–45.

²³ Отдельную проблему представляет соответствие политики восстановления «единого правового пространства» с принципами федерализма и Конституцией РФ. По мнению А. Казакова, председателя комитета по региональной политике Совета Федерации, некоторые законы, принятые «после ельцинской эпохи», противоречат Конституции. См.: Законодатели...

²⁴ См.: Туровский Р. Кому мешали губернаторские выборы [http://www.zlev.ru/47_19.htm].

²⁵ Генисаретский О. Проект и традиция в России // Публичные лекции на «Полит.ру» [<http://www.polit.ru/lectures/2004/04/08/gen.html>].

и 90-х годов XX века. Он пишет о причинах «семиотической катастрофы» путчистов в августе 1991 года и о победе президента Б. Ельцина в «битве метафор» в сентябре 1993 года²⁶. В своих рассуждениях Зорин исходит из убеждения, что мобилизация масс невозможна без использования метафор. Метафора соединяет политические символы с эмоциональным и познавательным опытом индивидов – абстрактные понятия с настроениями и опытом обычных людей. По мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, суть метафоры – понимание и восприятие отвлеченных понятий и сложных предметов в терминах другой вещи, более приземленной и доступной²⁷. При таком подходе метафора перестает быть особенностью исключительно поэтического языка, а становится неотъемлемым элементом научного дискурса, языка средств массовой информации и повседневной жизни.

В нынешние времена «метафоры, которыми мы живем» создаются не столько художественной литературой, сколько СМИ. Г. Хазагеров, подчеркивая значение этих средств в создании и преобразовании «карты мира», обращает, однако, внимание на то, что все новые метафоры должны быть подчинены доминирующим в общественном сознании «старым, проверенным веками концептам»²⁸. Они используются не для выражения их исходного значения, а для объяснения новой действительности при помощи известных близких понятий. Неизбежность обращения к «старым концептам» свидетельствует о неспособности средств массовой информации передавать новое содержание, новые смыслы. С. Ушакин указывает

ет, что значение символических форм прошлого не может ограничиваться только их оригинальным (первичным) контекстом, значением и происхождением. Старая форма применяется не для того, чтобы выразить ее исходное значение. Она скорее показывает бессилье существующих форм выразить соответствующее содержание. Ушакин рассматривает постсоветские реинкарнации прошлого как визуальные (pictorial), а не перформативные проекты. Переноса центр тяжести на сами формы, он утверждает, что культурная логика этих реинкарнаций имеет больше общего с актом механического дополнения (retrofitting), чем с процессом политической реставрации²⁹.

По мнению А. Филиппова, который считает, что имперское пространство России/СССР определяет смысл – в веберовском понимании – общественной коммуникации и действий, такая языковая практика свидетельствует о постоянном присутствии в общественном сознании понятия империи как наиважнейшего горизонта познания. В России общество всегда существовало в определенных пространственных и политических границах. И поэтому общественные теории должны, по мысли Филиппова, исследовать империю, и в первую очередь процесс имперского освоения и подчинения больших пространств³⁰. В конце существования Советского Союза отношения обмена, административного торга, черный рынок, массовая культура начали вытеснять имперский смысл пространства. В то же время местные пространства власти периферийных элит продолжали воспринимать имперское пространство как

²⁶ См.: Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001. С. 20–25.

²⁷ См.: Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago, 1980.

²⁸ Хазагеров Г.Г. Что слышит слушающий? // Отечественные записки. 2002. № 6 [http://www.strana-oz.ru/?numid=7&article=330].

²⁹ См.: Oushakine S. «We're nostalgic but we're not crazy»: Retrofitting the Past in Russia // *The Russian Review*. Vol. 66. 2007. № 3.

³⁰ См.: Филиппов А.Ф. Наблюдатель империи (империя как социологическая категория и социальная проблема) // Вопросы социологии. 1991. № 1. С. 99–106.

естественный контекст для сотрудничества и соперничества. Имперское властвование создает многоуровневую структуру, на вершине которой находится идея универсальной империи (мессианской, космической). Распад империи означает суверенизацию отдельных уровней имперского властвования, как правило, в форме абсолютизма. И иерархическая структура новой государственной власти также уходит корнями в имперские отношения. Империи как институциональной структуры уже нет, но империя или ее отсутствие в качестве смысла политических действий продолжает существовать.

Самое важное значение, по мнению Филиппова, имеет тот факт, что суверенность государств, возникших в результате распада империи, первоначально определяется «так, как может и должна определяться имперская суверенность»³¹. Из этого же вытекает ключевое значение отношений «центр – периферия», то есть пространственного измерения в политике. В результате распада империи возникла сложная структура постсоветского пространства в качестве нового предмета геополитических исследований³². И путинскую политику централизации власти можно понимать как попытку установления на «большом пространстве» централизованного государства, представляющего собой империю петербургской региональной элиты³³.

Пространство и общественная интеграция

Проблема роли пространства в процессе общественной коммуникации обладает, однако же, более широким измерением. В начале 1990-х годов существовало об-

щее убеждение, что после распада Советского Союза быстро возникнет гражданское общество, которое как бы заменит империю. Но опыт Западной Европы показывает, что это нереально. Гражданские общества в Европе складывались в рамках суверенных государств, чаще всего абсолютных монархий, которые в свою очередь формировались в результате длительного противостояния универсальной империи. В России же, как считает А. Ахиезер, общество возникало в результате экстраполяции культуры локальных обществ, базирующихся на эмоциональных и личных связях. Поэтому большую роль играли традиционные «общественные интеграторы», служащие сохранению неизменности, монолога и унификации, и именно поэтому после распада советской империи с огромным трудом возникают либеральные «общественные интеграторы» (модернизация, демократия, диалог), а общество все время стоит на пороге дезинтеграции³⁴.

В этой ситуации категория пространства в общественной коммуникации и может удовлетворить эмоциональную потребность в общественной интеграции, понимаемой как сглаживание оппозиции между традицией и модернизацией. Поскольку понятие «пространство» устраняет из поля зрения процесс, изменение, структуру и иерархию, оно позволяет психологически дистанцироваться от переломного опыта 1991–1993 годов. Проблема состоит в том, что сегодняшнее российское общество больше напоминает «сообщество жертв» тоталитаризма и модернизации, чем «сообщество граждан». Глубокое потрясение от модернизации

³¹ Филиппов А.Ф. Смысл империи: к социологии политического пространства // Чернышев С.Б. (ред.) Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. Т. 3. М., 1995. С. 474.

³² См.: Каганский В.Л. Советское пространство: конструкция и деструкция // Чернышев С.Б. (ред.) Иное... Т. 1. С. 89–129.

³³ См.: Туровский Р. Кому мешали... С. 7–8.

³⁴ См.: Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. 2. Теория и методология. Словарь. Новосибирск, 1998. С. 88, 201.

преодолевается путем компенсации и дистанцирования от источника болезненных переживаний, то есть Запада, а в особенности «внутреннего Запада». «Конкретной формой компенсации, — пишет А. Зудин, — становится широкое распространение в обществе убежденности в национально-государственном своеобразии и идеологемы “особого пути”. В то же время травматический опыт модернизации принес и новые когнитивные приобретения. В их числе — резко возросшая ценность идентичности и самостоятельности (обостренное ощущение своего лица, своего места, своих интересов) и всего производного от них (включая историческое прошлое, территорию и границы)»³⁵.

Изменение общественных интересов, отмеченное политологами и социологами, становится еще более заметным при сравнении с атмосферой «открытости» первой половины 90-х годов. «Открытость» государства рассматривается уже не как «свобода», но как «угроза». По данным Фонда «Общественное мнение» (ФОМ) от ноября 2000 года, 85% опрошенных одобрили усиление охраны государственной границы. Однако требование это касалось только «въезда», а не «выезда». Россия и дальше должна быть открыта для ее граждан, выезжающих за рубеж. Усиленная охрана границ должна служить защите от внешней угрозы, имеющей в первую очередь социально-экономический характер (контрабанда, нелегальная миграция, преступность, торговля наркотиками). Именно на фоне этого слабо осознаваемого ощущения угрозы общественной безопасности начали возрож-

даться старые советские фобии «враждебных происков»³⁶.

Принятые в 2002 году законы о гражданстве и иностранцах означали превращение России в страну, закрытую для иммиграции, а также прекращение политики постепенной адаптации общества к постсоветским условиям. Официальной целью этих законодательных изменений должна была быть легализация теневого рынка рабочей силы и ограничение утечки доходов работников, прибывших из-за границы³⁷. Однако такая политика может проводиться только внутри государства, а не на границах, правовой статус части из которых до сих пор не определен. В результате мы имеем дело со специфическим явлением «пространства, охраняемого изнутри». В контексте этой политики «пространство и «граница» как темы общественной коммуникации получают особое «внутреннее» значение как «пространство» и «граница» общественной и экономической безопасности, а не чисто политической или военной. Поэтому неслучайно Федеральную миграционную службу отдали в подчинение Министерству внутренних дел, объединяя в силовом ведомстве всю проблематику, связанную с миграцией и экономическими преступлениями.

Общественно-экономический характер «новой закрытости» не означает, что она не имеет явного этнического аспекта. 78% опрошенных ВЦИОМ в мае 2003 года считали, что следует упростить процедуру получения российского гражданства русскими из стран СНГ. И только 27% респондентов были готовы поддержать подобные упрощения

³⁵ Зудин А.Ю. Россия 1998–2001: путь к новой идеологии // Политика. 2001. № 5. С. 58.

³⁶ Там же. С. 41–42.

³⁷ По официальным данным, в 2002 году в России находилось около 3 млн нелегальных мигрантов, преимущественно из стран СНГ, которые перевели за границу около 3,5 млрд долл. См.: Грищенко Г. Гастарбайтеры увозят \$3,5 миллиарда в год [www.polit.ru/documents/520075.html]. Новый закон о гражданстве привел к ряду негативных последствий, в частности к фактическому лишению российского гражданства около миллиона человек, имевших советские паспорта и вкладыши, которые выдавали с 1992 года российские консульства в странах СНГ, а также в Эстонии, Литве и Латвии. После вступления в силу нового закона, то есть с июня 2002 года, вкладыши стали недействительными. Резко сократилось число лиц, получающих российское гражданство. Напр., в Москве в 2002 году российское гражданство получили 152 человека, в то время как раньше — по 10 тыс. человек в год. См.: Касимов А. Во что выльется президентская забота? [www.polit.ru/docs/618477.html]

для остальных жителей бывших советских республик, а 14% – для жителей дальнего зарубежья³⁸. Этническая окраска «новой закрытости» тем более удивительна, если принять во внимание демографическую ситуацию в России и потребность в притоке новой рабочей силы из близких с культурной и языковой точки зрения постсоветских стран³⁹.

Вместе с возрастом значения границы и территории государства как сферы относительной общественной безопасности не произошло увеличения значимости пространства как политического критерия державной силы. По данным ВЦИОМ, среди критериев определения великой державы на первом месте оказались такие, как «высокоразвитая промышленность» (69%) и «высокий уровень благосостояния» (64%). Второе место заняло «соблюдение прав человека» (39%). «Ядерный потенциал» (27%), «великое культурное наследие» (27%) и «богатые природные ресурсы» (29%) оказались на третьем месте. «Большое пространство» заняло только четвертое место (11%)⁴⁰. Изменение общественных настроений, произошедшее за последние несколько лет, проявилось только в том, что усилилось значение «советских» критериев величия (промышленный потенциал) и слегка уменьшилось значение критериев «демократических» (благосостояние, права человека). Зато типично «имперские» критерии величия (военная сила, большое пространство) не играют существенной роли.

Проблема великой державы показывает и существование определенного

комплекса неполноценности. Почти 56% опрошенных ВЦИОМ в ноябре 2001 года согласились, что Россия не является великой державой, а по мнению 40% – продолжает ею быть. Более половины респондентов (55%) рассчитывали на то, что Россия восстановит свой статус великой державы, 39% не надеялись на это. В этой ситуации концепция «особого пути» не представляет особого образца развития, но может быть «щадящим» способом признания собственного отставания от этого образца и принятия невозможности быстро догнать страны Запада. Только 10% опрошенных выразили убеждение, что Россия сможет в течение нескольких лет догнать западные страны, 35% считали, что на это потребуются десятки лет, 27% – сто и более лет. 10% показали себя полными пессимистами, полагая, что Россия никогда не догонит Запад⁴¹.

Однако более зажиточная часть общества имеет принципиально иной взгляд на будущее России. К такому выводу приводят результаты исследований образа жизни среднего класса, проводимые с 2000 года еженедельником «Эксперт» и социологической компанией РОМИР. Средний класс в этом исследовании был выделен исключительно на основании критерия получаемых доходов – средний месячный доход на члена семьи выше 150 долл. По мнению 25,3% опрошенных представителей среднего класса, через 30 лет ведущей мировой державой будет Россия, 25% – объединенная Европа, 14,6% – Китай, 14% – Соединенные Штаты. Немного иначе перспективы своей страны оценили са-

³⁸ См.: Россияне о президентском послании и затронутых в нем проблемах [www.polit.ru/docs/618624.html].

³⁹ «Если понимать цель сохранения России как главную, то ясно, что нет ничего глупее, чем копировать современные европейские образцы миграционного законодательства. Наоборот, следует копировать миграционное законодательство США конца XIX – первой половины XX века. Любопытно, что любой, кто может работать, должен иметь право въехать на территорию России, здесь трудиться и зарабатывать и достаточно легко становится гражданином. ...такие вещи, как закон о гражданстве, отрезают от России нужные ей ресурсы, прежде всего человеческие, и ограничивают возможности влияния на страны СНГ», – считает Д. Куликов, российский эксперт и член избирательного штаба Л. Кучмы в 1999 году (Экономическая экспансия России и имперский госзаказ [www.polit.ru/docs/625215.html]).

⁴⁰ См.: *Гюлов А.А.* Россия как великая страна [www.vciom.ru/vciom/new/public/public_own/001121_greatrussia.htm].

⁴¹ См.: Россия: западный путь развития для евразийской цивилизации. «Экспресс-опрос ВЦИОМ» 2–5.11.2001 [www.polit.ru/documents/454359.html].

мые состоятельные представители среднего класса (среднемесячный доход выше 600 долл.). По их мнению, ведущей державой будет объединенная Европа (33%). Последующие места заняли: Россия (22%), Китай (20%) и Соединенные Штаты (10,5%)⁴².

Принадлежность к великим державам является одним из важнейших элементов национальной самоидентификации россиян. Поэтому общественное мнение так чувствительно относится к оценке международного статуса России и ее участия в процессе принятия важнейших решений, касающихся международной жизни. Угроза этому статусу наверняка представляет собой один из главных источников негативных мнений о Соединенных Штатах. Из исследований, проведенных А. Здравомысловым, следует, что в обществе господствует мнение, что «Россия – великая держава, она должна заставить другие государства и народы уважать себя». В 1995 году это мнение разделяло 81,7% опрошенных, а в 2001 году – 84,9%. В 90-е годы российская «державность» не имела милитаристской или экспансионистской окраски. 84,9% респондентов в 1995 году и 84,3% в 2001 году полагали, что уважения можно добиться, «развивая экономику и укрепляя демократию»⁴³.

А. Зудин считает «особый путь» не специфической моделью достижения прогресса, а постепенным, мягким способом догнать Запад⁴⁴. Подобным образом и Г. Дилигенский обращает внимание на компенсаторные функции концепции «особого пути», которая представляет

собой эмоциональную эманацию оскорбленного национального сознания, чисто психологическую компенсацию утраченного статуса супердержавы. «Комплекс слабости» российского общества, вызванный распадом Советского Союза, рождает – часто на уровне подсознания – позицию «присоединения к сильному»⁴⁵. В данном случае – к богатым и развитым странам Запада. По данным исследований, проведенных ФОМ в ноябре 2001 года, то есть непосредственно сразу после теракта 11 сентября в Нью-Йорке, 42% респондентов выразили убеждение, что Россия должна объединиться с США и европейскими странами в один военно-политический союз, противоположную точку зрения высказывали 36%⁴⁶. Таким образом, в ситуации, когда под угрозой оказался весь мировой порядок, значительная часть российского общества готова идентифицироваться с *Rex Americana*.

Дистанцирование от Запада обращено прежде всего вовнутрь и направлено против «внутреннего Запада», то есть общественных субъектов модернизации. Чрезвычайно показательно то, что очевидный рост общественного оптимизма в 2000–2001 годах и значительное улучшение отношения к Западу не сопровождалось возрождением либеральных настроений. Существующий в обществе потенциал модернизации не нашел своего выражения в четкой модернизационной (либеральной) идеологии. Ее место заняла идеология «особого пути», понимаемая ее сторонниками как концепция мягкой и прежде всего «закамуфлированной модернизации»⁴⁷.

⁴² См.: Гурова Т., Тарусин М. Дума для среднего класса // Эксперт. 2003. № 24.

⁴³ См.: Здравомыслов А.Г. Национальное самосознание россиян. «Они» и «мы» – внешнеполитический аспект национального самосознания [www.polit.ru/documents/483357.html].

⁴⁴ См.: Зудин А.Ю. Россия... С. 36.

⁴⁵ См.: Дилигенский Г.Г. Дружить с Америкой? (внешняя политика В. Путина и общественное мнение) [www.fom.ru/virtual/body/#d014634].

⁴⁶ См.: Поле мнений // Доминанты. 2001. 8 ноября. № 42 [www.fom.ru/survey/dominant/310/761/2509.html].

⁴⁷ Элементом «закамуфлированной модернизации» может быть сформулированная Г. Павловским концепция инкорпорации левого протеста с целью погашения в зародыше неизбежного сопротивления. См.: Павловский Г.О. Прощай Беловежье! Кремль взят силами большинства. Гражданская война закончена // Независимая газета. 2000. 9 декабря.

О камуфлировании модернизационных проектов при помощи нечетких и расплывчатых форм, имитирующих ретро, пишет М. Урбан⁴⁸. Трудность в нахождении адекватных знаков, способных выразить новую действительность, компенсируется манипуляциями уже известными элементами внутри освоенных визуальных или текстовых границ (ready-to-wear past). Сложные операции комбинирования заимствованных элементов стали главным условием и главным содержанием создания символов в России. Культурная логика этих комбинаций может привести к тому, что советская ретросимволика может стать носителем более архаичных понятий земли, крови и самодержавия, и тогда центр тяжести будет перемещен с проектов образного, изобразительного (pictorial) характера в сторону проектов перформативных. Мифологические конструкции неявным образом могут присутствовать также в «секулярных» и «рационалистических» идеологических представлениях, вобравших в себя риторические формы выражения предельных значений времени, пространства, жизни, смерти, присущих культурной архаике. «Однако, – пишет Л. Гудков, – архаика может оказаться не просто языком для выражения предельных смыслов, но и своего рода их “онтологией” в массовом обществе»⁴⁹.

Тоска по временам утраченного имперского величия носит чаще всего защитный характер и сама по себе не является, как считает И. Бунин, угрозой для модернизации. Намного более серьезную проблему представляет малая численность группы активных сторон-

ников реформ. К тому же эта ситуация может и ухудшиться в результате уменьшения спроса на молодых специалистов. В 1990-е годы без работы оказалось большое число работников оборонной промышленности. В последние же годы на рынке труда образовался «перебор» специалистов в области права, социологии и политологии, которые до сих пор играли роль главных «агентов» модернизации. Таким образом, на обочине реформ оказалась значительная группа потенциальных сторонников модернизации⁵⁰. Тем более что в России в структуре занятости доминируют работники неквалифицированного физического труда (их удельный вес составлял еще недавно более 50% занятых), а в экономике нет существенного спроса на непрерывное образование и обусловленное этим требование повышения продуктивности труда⁵¹.

В этой ситуации государство вернулось к активной идеологической политике, пытаясь закамуфлировать модернизацию при помощи избранных и утилитарно используемых антимодернизационных символов (великая страна, держава, особый путь, постсоветское пространство, советская ностальгия)⁵². Форма ретро должна послужить в качестве «дымовой завесы», и она так и воспринимается таким противником модернизации, как А. Дугин, который пишет о евразийском вербализме, скрывающем атлантическо-либеральную политику⁵³. Имитационный характер государственной идеологической политики привел, однако, к разрыву между пониманием нынешней ситуации России и отсутствием соответствующих адми-

⁴⁸ См.: *Urban M.* The Politics of Identity in Russia's Postcommunism Tradition: The Nation Against Itself // *Slavic Review*. Vol. 54. 1994. № 3.

⁴⁹ *Гудков Л.Д.* Условия воспроизводства «советского человека» // *Вестник общественного мнения*. 2009 № 2. С. 30 [<http://www.polit.ru/research/2009/11/10/sovhuman.html>].

⁵⁰ См.: *Бунин И.М.* Россия-2003: проблемы модернизации [www.politcom.ru/2003/pvz91.php].

⁵¹ См.: *Аникин В.А.* Тенденции изменения социально-профессиональной структуры России // *Мир России*. 2009. № 3. С. 119, 129–130.

⁵² См.: *Зудин А.Ю.* Россия... С. 61–62.

⁵³ См.: *Дугин А.Г.* Путин совершил подвиги, достойные Геракла [www.eurasia.com.ru/monitor.html].

нистративных и интеллектуальных ресурсов, необходимых для разработки конкретных программ. Главную причину такого положения вещей А. Рябов видит именно в отсутствии субъекта российской модернизации: «Наблюдается огромный разрыв между целями, пониманием, ощущением рефлексии и отсутствием необходимых бюрократических, интеллектуальных и прочих ресурсов, которые могли бы что-то адекватное в качестве ответа на глобальный вызов предложить. Это следствие бессубъектности российской модернизации: вызов есть, а субъектов нет»⁵⁴.

Поворот в сфере идеологии, осуществленный государством, породил, однако, значительно более сложную проблему, на которую обратил внимание А. Зудин. Основной целью идеологической политики государства является преодоление культурного раскола общества, вызванного переменами первой половины 90-х годов. Символическая реинтеграция общества должна в первую очередь охватить ту его часть, которая особенно сильно пережила потрясение, вызванное распадом Советского Союза, и продолжает находиться во власти «советской ностальгии». Именно поэтому в идеологической политике государства доминировала тенденция к возрождению советских ценностей, например советской государственной и военной символики, хотя постепенно все большую роль начинает играть культурный традиционализм, а Православная церковь оказывает растущее

влияние на государственную идеологию. В этой ситуации «закамуфлированная модернизация» легко может закончиться «ползучей реставрацией». В государственной идеологической политике возник, по мнению Зудина, специфический синтез советской ностальгии, идеологии спецслужб, православия и бытового традиционализма (православно-силовая ориентация)⁵⁵.

Характерной чертой этого синтеза является механическое соединение разных элементов⁵⁶, но всегда роль связующего фактора играет геополитика и понятие пространства, потому что великодержавная стилистика и имитационный неотрадиционализм не в состоянии обозначить границы своей страны – в социологическом смысле, с точки зрения восприятия общественным мнением. Указывает это не только на ограниченность или бедность символических ресурсов современного российского режима, но и на подавление возможностей для появления новых институтов⁵⁷. Ярким примером этого процесса является выступление патриарха Московского и всея Руси Кирилла после его интронизации. Он на практике представил православную версию геополитической доктрины Heartland, находя на территории многих независимых государств «пространство исторической Руси» и одновременно провозглашая стремление защищать ту систему ценностей, которую «являет миру единая православная цивилизация Святой Руси»⁵⁸. В этом контексте телевизионный проект

⁵⁴ Высказывание А. Рябова в: Путин ищет нового начальника. Заседание Экспертного АПН-клуба 15.05.2002 [www.apn.ru/lenta/2002/5/15/16828].

⁵⁵ М. Дианов обращает внимание на возрождение национализма, правда, не в ближайшем окружении Путина, а на «втором сверху уровне власти, который и создает «крайне националистическую ауру власти» (см. высказывание Дианова в: Путин ищет нового начальника...).

⁵⁶ Наглядным примером механического соединения является избирательное отношение к символам советского прошлого (ГУЛАГ – налево, балет – направо, Ежов – налево, Гагарин – направо), а также «синтетические эксперименты» с государственной символикой (герб Российской империи и гимн Советского Союза). Они имеют, по мнению М. Соколова, «механистический» характер и противопоставляются «органическому консерватизму», вытекающему из христианства. См.: Соколов М. Спаси и сохрани // Эксперт. 2002. 22 июля.

⁵⁷ См.: Гудков Л.Д. Итоги путинского правления // Вестник общественного мнения. 2007. № 5. С. 19 [<http://www.polit.ru/research/2007/11/26/itogi.html>].

⁵⁸ Колесников А. Симфония для государства с церковным хором [<http://www.gazeta.ru/column/kolesnikov/2934781.shtml>].

«Имя Россия» можно рассматривать как попытку перехода от «советской ностальгии» к «реставрации» ценностей значительно более давних, чем советские. «Проект показал, – пишет Л. Брусаяк, – что время меняется, рудименты советских ценностей больше не требуются, нужны и полезны другие, более древние основания современного государства, причем фундаменталистские, а не современные»⁵⁹.

Символические формы прошлого, хорошо знакомые и многим людям близкие понятия (великая страна, держава, особый путь, постсоветское пространство, советская ностальгия) призваны заменить отсутствующие в средствах массовой информации современные и адекватные способы описания и объяснения новой действительности. Сложные операции комбинирования

«старых концептов» стали главным условием и главным содержанием символической политики в России. Существенную роль в этом процессе играет именно понятие «пространство», потому что постсоветская ностальгия в значительно большей степени связана с потерей территории, чем с течением времени. В империи, как указывает А. Эткинд, история воспринимается как география, а не как процесс⁶⁰. Географические образы ностальгии – это отдельная тема для обсуждения, надо только заметить, что понятие «пространство» лучшим образом устраняет из поля зрения «рационалистические» представления об объективных причинах и последствиях распада Советского Союза, выводя на первый план тоскливое состояние угнетенности и притеснения, вызванное потерей пространства.

⁵⁹ Брусаяк Л. Россия: в поисках утраченного имени [www.polit.ru/analytcs/2009/01/27/name.html].

⁶⁰ См.: Эткинд А.М. Смутное время – время геополитики // Отечественные записки. 2007. № 1 [http://www.strana-oz.ru/?numid=34&article=1419].

Формирование политической нации в Украине: проблема юго-восточных регионов

О методологии исследования

Обретение Украиной независимости в конце XX века напрямую связывает ее национальные процессы как с глобальными тенденциями, так и с теми трансформациями, которые происходят на постсоветском пространстве. Разумеется, социально-политическое развитие Украины не может не оказывать воздействия на весь постсоветский мир, и прежде всего на соседнюю Россию. Актуальность изучения этого комплекса проблем не вызывает сомнений в научном и экспертном сообществе не только Украины, но и России¹. Основные дискуссии возникают по поводу вопросов о путях строительства украинской нации и ее облике, приобретаемом как в процессе политического конструирования, осуществляемого элитой, так и при индивидуальном выборе личностью своей национальной идентичности. Важные методологические проблемы связаны с тем, что украинское государственное пространство оказывается сшитым из множества регионов, различающихся своей историей и тем наследием, которое она несет современности. Региональные различия в

Сергей Александрович Простаков, студент 4 курса факультета прикладной политологии Государственного университета – Высшей школы экономики

¹ Исследованию проблем становления украинской нации и сопутствующим тенденциям, в частности развитию украинского националистического дискурса, посвящено немало работ российских исследователей, среди которых можно выделить: *Миллер А.И.* Дуализм идентичностей на Украине // *Отечественные записки.* 2007. № 34 (1). С. 84–96; *Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе.* Сборник статей под ред. Л.Е. Горизонтова. М.: РАН, Институт славяноведения, 2005.

политическом поведении жителей страны порой столь сильны, что порождают у какой-то части исследователей представления о невозможности вывести для Украины единые закономерности национального развития. Однако, на наш взгляд, национально-политические процессы в Украине, хоть и обладают рядом специфических черт, в целом укладываются в универсальные парадигмы, существующие в социальных науках, в частности в этнополитологии.

В своем исследовании национального развития Украины мы будем исходить из двух предпосылок. Первая заключается в том, что государственное пространство современной Украины долгое время было включено в пространство двух империй (Российской и Австро-Венгерской), что наложило глубокий отпечаток как на нынешнюю украинскую государственность, так и на сложный социально-культурный состав населения. Вторая предпосылка связана с тем, что не только особенности истории и культуры различных групп населения, но и множество других обстоятельств, например региональные экономики, предопределяют регионализацию украинской политики. Это, в свою очередь, не может не отражаться на процессе формирования политической нации. Исходя из этих положений, мы считаем неизбежным совмещение в исследовании двух теоретических подходов – так называемого «имперского нарратива» и регионалистики.

Имперский нарратив («империоведение») – сравнительно недавно зародившееся направление исторических и политологических исследований, которое постепенно набирает обороты в академических кругах². Оно связано с изучением феномена имперской государственности и ее значения для современных процессов, которые про-

текают на бывших имперских пространствах.

Такая модель пытается объяснить многие тенденции, проявляющиеся в бывших метрополиях и колониях, особым имперским наследием. В то же время, возможно, прав историк А. Миллер, отмечая, что имперское измерение истории как в России, так и в соседних государствах исходит из сугубо субъективных мотиваций национальных историографий, что затрудняет понимание и прошлого, и современности³.

Регионалистика – междисциплинарное направление исследований, в центре которых находится регион с присущей ему историей, культурой, экономикой, социальным и этническим составом, политическим поведением населения, географическим положением и климатом. Это порождает активное сотрудничество историков, политологов, социологов, культурологов, экономистов, этнографов, географов и представителей других наук, которые объединяются для региональных исследований. Для Украины с ее многосоставным обществом такой подход весьма актуален и продуктивен, особенно если анализируется не только специфика регионов, но и их связи. В этом случае регионалистика способствует пониманию процессов консолидации украинского общества в единую нацию.

Совмещение «империоведческой» и региональной модели объяснения происходящих в Украине событий может быть весьма продуктивным, поскольку вытекает из самой природы постимперских обществ. Со времен Ренана известна мысль, что имперский тип государства препятствует интеграционным процессам. Эту идею разделяют ныне многие исследователи. «Империи, – отмечает Д. Ливен, – по определению являются антиподом демократии, народ-

² См., напр.: Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М.: Европа, 2007; Наследие империй и будущее России / Под ред. А.И. Миллера. М.: Фонд «Либеральная миссия», Новое литературное обозрение, 2008; Пайн Э.А. Между империей и нацией. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2004; Миллер А. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2008.

³ Миллер А. Империя Романовых и национализм... С. 6–7.

ного суверенитета и национального самоопределения. Власть над многими народами без их на то согласия – вот что отличало все великие империи прошлого и что предполагает все разумные определения этого понятия»⁴. Исследования Э.А. Паина показывают, что имперское институциональное наследие препятствует интеграционным процессам и формированию политических наций даже после распада империй. Он вводит понятие «имперское тело», сотканное из разрозненных регионов, исторически слабо связанных между собой, поскольку в прошлом их объединял только имперский центр⁵. В Украине эта проблема обостряется еще и тем, что многие регионы страны были частями разных империй.

Макрорегионы Украины и национальный процесс

Современное территориально-административное деление Украина получила по наследству от УССР. В несколько модернизированном виде его закрепляет украинская Конституция 1996 года⁶. На данный момент в состав Украины входит Автономная Республика Крым, 24 области и два города республиканского значения (Киев и Севастополь). Уже само административно-территориальное деление украинского государства указывает на его сложный региональный состав. Можно вспомнить затяжной конфликт между крымским руководством и властями Украины, который привел к достаточно редкому явлению – наделению региона в унитарном государстве правами автономии, что в первую очередь характерно для федераций⁷. Нельзя не отметить и наделение особым статусом Киева и Севастополя. И тот и другой город имеет большое значение не только для совре-

менной государственной инфраструктуры Украины, но и для исторической памяти, которая является фундаментом национального строительства. Все эти факты свидетельствуют о важности региональных исследований для лучшего понимания национального процесса в Украине.

Однако административно-территориальное деление, сформировавшееся в основном в советское время исключительно исходя из нужд экономики, в целом не отражает социально-политические расколы Украины. Обыденное сознание фиксирует прежде всего ее разделение на восток и запад. Причем граница этого раскола весьма наглядна – по реке Днепр, ее правому, западному, и левому, восточному, берегам. Такое ментальное деление Украины на два макрорегиона имеет глубокие исторические корни. Еще в XVII веке произошел раскол единого украинского пространства на Левобережье и Правобережье, и в дальнейшем он различным образом трансформировался в зависимости от продвижения границ Российской империи, а затем Советского Союза на запад Украины. В российском общественном мнении, по крайней мере до событий «оранжевой революции», существовало противопоставление западного региона, присоединенного к СССР в 1939 году, всей остальной Украине. Такая общая схема в целом наглядно отражает исторический путь страны, но мало соответствует сложной структуре пространства современной Украины. Это особенно очевидно при анализе национального процесса.

Мы выделяем три региона формирования политической нации в Украине: запад, центр и юго-восток. Основной признак, по которому выделяются эти регионы, – их историческое прошлое.

⁴ Ливен Д. Империя, история и современный мировой порядок // *Ab Imperio*. 2005. № 1. С. 79.

⁵ Пайн Э. Распутица. Полемиические размышления о предопределенности пути России. М.: РОССПЭН, 2009. С. 119–126.

⁶ Конституция Украины. Раздел IX. Ст. 133 [<http://www.president.gov.ua/ru/content/chapter09.html>].

⁷ Вторая статья Конституции Украины подчеркивает унитарный характер государства. См.: там же. Раздел IX. Ст. 2.

Западный регион – это земли, входившие в состав Австро-Венгрии и межвоенной Польши. Центр Украины – регион, который стал складываться еще во времена Великого Княжества Литовского, а затем перешел под власть Москвы. Эти земли принято называть Малороссией. Юго-восточный регион образовался на землях бывшего Дикого поля и Северного Причерноморья после начала активного освоения их Российской империей. Условность такого деления очевидна. Однако именно в истории мы находим ответы на вопросы о причинах многосоставности украинского общества, что влечет за собой регионализацию национального процесса. Представление о себе, исторический миф являются фундаментом строительства единой нации. Наличие же разной исторической памяти у жителей запада и юго-востока Украины никем сейчас не оспаривается.

Это подтверждается и особенностями политических предпочтений электората. Например, парламентские выборы 2007 года, основными участниками которых были политические движения В.А. Ющенко, Ю.В. Тимошенко и В.Ф. Януковича, продемонстрировали ярко выраженную сегментацию их сторонников по вышеуказанным регионам⁸. Первые два политика собирают большинство голосов в центре и на западе Украины, тогда как третий со времен президентской кампании 2004 года устойчиво пользуется поддержкой юго-востока страны⁹. В 2010 году президент Украины впервые выбран электоратом не большинства регионов страны, а лишь юго-востока с его самыми густонаселенными территориями¹⁰. Таким образом, результаты выборов служат надежным индикатором для выделения

в современной Украине трех политических регионов.

Каждый из них вносит свою специфику в дело общественной консолидации Украины в единую нацию. В данной статье мы остановимся на роли юго-восточного региона, которая, на наш взгляд, неадекватно оценивается как российской, так и украинской аналитикой и прессой. В российских СМИ, особенно тех, которые конструируют и проводят в жизнь идеи великодержавия, с юго-восточным регионом связывают надежды на раскол Украины и присоединение, по крайней мере, части ее к России. Подозрения в раскольнической роли региона проскальзывают и в ведущих изданиях Украины. Ни в России, ни в Украине не предпринималось попыток рассмотреть позитивную роль указанного региона в формировании украинской политической нации, хотя такой подход, на наш взгляд, вполне правомерен, что мы и попытаемся обосновать в данной статье.

Политическая роль юго-восточного региона

Юго-восток Украины является крупнейшим макрорегионом страны и включает в себя Автономную Республику Крым, г. Севастополь, Запорожскую, Одесскую, Николаевскую, Херсонскую, Днепропетровскую, Харьковскую, Донецкую и Луганскую области. Это наиболее развитые в социально-экономическом плане регионы, во многом создающие современный образ Украины в мире. Эксперты указывают, что без этих регионов Украина как часть Европы фактически не представима¹¹.

Однако именно на юго-востоке страны проявляются основные противоре-

⁸ Позачергові вибори народних депутатів України 30 вересня 2007 року [http://www.cvk.gov.ua/pls/vnd2007/w6p001].

⁹ См.: Региональное и политико-идеологическое сегментирование электората на парламентских выборах 2006 года. Киев: Центр «София», 2006.

¹⁰ Підсумки голосування по регіонах України/Повторне голосування з виборів Президента України 07 лютого 2010 року [http://www.cvk.gov.ua/pls/vp2010/WP0011].

¹¹ *Задорожнюк Э.Г.* Украина как «ось консолидации» в 1990-х годах // Регионы и границы Украины в исторической перспективе: сборник. Москва, 2004. С. 292.

чия украинского национального проекта, которые берут свое начало в уникальной истории региона.

С древности это пространство служило транзитом для азиатских кочевников, которые стремились в Европу. В XIII – XVIII веках оно носило название Дикого Поля и было слабо освоенным. В то время лучше других здесь прижились кочевые тюркские народы. Однако уже в XV–XVII веках эти территории осваивались предками русских и украинцев. Особо стоит выделить генезис казачества, который произошел здесь в указанный период¹². В середине XVI века эти земли стали колонизироваться Московским государством и Речью Посполитой. Лидирующую роль в этом процессе после серии русско-польских и русско-турецких войн получила Российская империя. На ранее слабо заселенных и плохо освоенных степных пространствах начала формироваться социальная общность с особой региональной идентичностью, которая отличалась от русской или украинской идентичности, складывавшейся в других частях Российской империи. В Новороссии на основе смешанного состава колонизаторов рождалась общность людей, связанных между собой не этничностью, а принадлежностью к одному государственному пространству, каковым являлась Российская империя. Деэтнизированный тип самосознания лишь усилился в советский период в ходе бурного промышленного освоения этого края, сопровождавшегося беспрецедентным по своим масштабам переселением сюда представителей разных этнических групп. Плохо реализованный в масштабе всей советской империи (особенно в национальных республиках) проект конструирования новой исторической общности «советский народ» на землях юго-востока Украины достиг если не полного, то весьма значительного успеха.

На данном этапе можно выделить следующие специфические черты юго-вос-

Копия знаменитой «Пальмы Мерцалова», ставшей символом Донбасса

точного макрорегиона, которые непосредственным образом влияют на социальные, экономические и политические процессы внутри государства:

- жителям юго-востока присуще особое региональное самосознание, отличающее их от населения запада и центра страны;
- языком общения здесь является русский язык;
- население региона в разное время являлось электоральной базой тех политиков, которые пытались использовать в своей предвыборной кампании лозунги сближения Украины с Россией и придания русскому языку статуса государственного;
- данный регион является самым урбанизированным в Украине;
- благодаря высокому уровню экономического развития регион играет для Украины роль донора и в наибольшей мере включен в глобальную экономику.

Юго-восточный регион как политическое образование не является монолитом. Во-первых, как и вся Украина, он состоит из нескольких исторических об-

¹² Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. М.: Грифон, 2007. С. 39.

Беседка «Украинская». Парк кованых фигур в г. Донецке

ластей: Слобожанщина, Донбасс, Причерноморье и Крым. Во-вторых, в нем присутствуют несколько центров силы, которые концентрируются вокруг крупных промышленных городов – Донецка, Харькова, Днепропетровска, Одессы и Симферополя. Между элитами этих центров нет достаточного политического взаимопонимания. Во многом это происходит из-за того, что местные элиты являются промышленными и ориентированы преимущественно на развитие бизнеса и получение прибыли. Политика рассматривается ими как инструмент, содействующий бизнесу. Украинский исследователь В. Фесенко справедливо замечал: «Старые и новые политики Украины, представляющие ее русскоязычные регионы, успешно изучили (или изучают) украинский язык, приспосабливаются к украинским этническим ценностям и символам, заодно приспособливая и используя их в своих утилитарных целях. При этом они не забывают играть на этнических стереотипах

и предубеждениях своих русскоязычных избирателей»¹³. Эти строки написаны более десяти лет назад, но ситуация с тех пор кардинально не изменилась.

Политизация традиционных культурных и исторических предпочтений жителей во время каждого электорального цикла, разумеется, обостряет политическую обстановку в Украине, затрудняя процесс общественной консолидации, но даже в этих условиях раскол страны маловероятен. Прежде всего по той причине, что ее наиболее влиятельные политические силы не заинтересованы в провале украинского национального проекта. Это относится почти в равной мере к либералам и социал-популистам, доминирующим в центральных областях Украины, украинским националистам, господствующим в западном регионе, и ключевым политическим фигурам юго-востока.

Одной из главных целей украинского национализма является сохранение Украины в современных ее границах. Даже самые радикальные его представители осознают, что для этого им необходимо вступать в диалог с элитой юго-востока страны. Последняя, как уже отмечалось, весьма прагматична по своим ценностным ориентациям. Ее основной интерес – бизнес, который вовсе не подвигает к сепаратизму и присоединению к России. Напротив, ведущие отрасли промышленности в этом регионе – металлургия и связанная с ней угольная промышленность, а также ВПК – ориентированы вовсе не на российский, а на глобальный рынок, на котором российская промышленность выступает их главным конкурентом. Настроения элиты оказывают влияние и на массовое сознание. Большая часть молодежи связывает свое будущее с карьерой в Украине или на Западе, но не в России. Эти ориентации обусловили рост интереса молодежи к освоению украинского языка¹⁴.

¹³ Фесенко В. Этнорегиональное измерение украинской политики [<http://www.irex.ru/press/pub/polemika/04/fes/>].

¹⁴ Миллер А.И. Государство и нация в Украине после 2004 года: анализ и попытка прогноза // Политическая наука. 2008. № 4. С. 109–124. См. также: Якименко Ю. Русскоязычные граждане Украины: «воображаемое сообщество» как оно есть // Зеркало недели. 2008. № 18 (697) [<http://www.zn.ua/1000/1550/62942/>].

Не стоит переоценивать влияние России на жителей юго-востока Украины и их пророссийские настроения. На наш взгляд, в регионе проявляются не столько пророссийские, сколько просоветские настроения, а вернее, ностальгия по распавшемуся Советскому Союзу, которая с начала 1990-х постепенно спадает. Россия для жителей юго-востока больше не является воплощением той большой родины «от Камчатки до Карпат», каким был СССР. Трансформационные процессы в постсоветской России сильно отличались от тех, которые происходили в Украине, и эти различия все больше осознаются во всех украинских регионах.

Существуют в Украине и сепаратистские, точнее, ирредентистские настроения, направленные на присоединение отдельных ее регионов к России. Такие настроения характерны для некоторой части населения Крыма, прежде всего Севастополя. Это база Черноморского флота России, являющегося в какой-то мере и экономической базой ирредентизма. Практически все газеты Севастополя, в которых публикуются материалы с призывами возвращения Крыма в состав России, финансируются ее ВМФ. Такие же призывы постоянно раздаются и из России и при этом исходят от ее высокопоставленных должностных лиц¹⁵. Немалую роль в подъеме таких настроений играют и украинские политики, заигрывающие с украинским этническим национализмом, занимающиеся исторической реабилитацией политических сил, которые воспринимаются на юго-востоке Украины исключительно как фашистские, и препятствующие использованию на территории Крыма русского языка в деловой сфере.

Проблему ирредентизма в Крыму нельзя игнорировать, но не стоит и пре-

увеличивать ее значения. Все же реальный политический вес сторонников ирредентизма в масштабе не только всей Украины, но даже и юго-восточного региона крайне не велик. Традиционные просоветские настроения жителей юго-востока размываются. В массе своей они все больше выражают поддержку процессам формирования единой украинской нации и государственности. Это подтверждается социологическими исследованиями. Так, по материалам социологического мониторинга Института социологии НАНУ доля лиц, которые считают себя прежде всего гражданами Украины, неуклонно растет. В 2000 году она составляла 41%, в 2004 – 44,2%, в 2005 году – 54,5% опрошенных. Одновременно сокращается доля тех, кто считает себя прежде всего гражданином бывшего СССР. В 2000 году эта категория респондентов составляла 12,7%, в 2004 – 10,7%, а в 2005 году – только 8%¹⁶. Авторы исследования подчеркивали, что принадлежность респондентов к тому или иному макрорегиону практически не сказалась на национально-гражданской идентичности, преобладающей повсеместно. Некоторые различия проявились лишь в отношении к этнической идентичности (украинская преобладала на западе страны, а русская – на юге и востоке)¹⁷. Однако во всех регионах доля тех кто, считал себя прежде всего представителем определенной национальности, ничтожно мала (в пределах 2–3%), тогда как гражданско-политическую идентичность назвали важнейшей от 40 до 50% опрошенных.

Заметные региональные различия проявились не в отношении необходимости упрочить национальную консолидацию Украины (за это выступают представители всех регионов), а в вопросе о стратегии достижения такой

¹⁵ Лужков: Мы будем решать вопрос Севастополя [<http://www.rosbalt.ru/2008/05/11/482613.html>].

¹⁶ Головаха Е., Панина Н. Национальная толерантность и идентичность в Украине // Национально-гражданские идентичности и толерантность. Опыт России и Украины / Под ред. Л. Дробижевой и Е. Головахи. Киев: ИС НАНУ, ИС РАН, 2007. С. 50.

¹⁷ Там же. С. 67–68.

Дерево. Парк кованых фигур в г. Донецке

консолидации. Что для этого потребуется сделать прежде всего? Обеспечить реальное равноправие граждан, создать условия для освоения всеми гражданами украинского языка и основ украинской культуры или сосредоточиться в первую очередь на экономических преобразованиях? Ответы на эти вопросы, по крайней мере отчасти, можно найти в относительно недавних исследованиях Центра Разумкова. Они показали, что именно респонденты юга и востока более других склонны называть в качестве ведущих гражданско-политические факторы национальной консолидации Украины, например «равные права и сосуществование в рамках

одного государства». Этот фактор считают важнейшим 33,2% респондентов юга и 33% респондентов востока Украины, что значительно превышает те же показатели в центре (25%) и особенно на западе страны (19%). В то же время социокультурные факторы национальной консолидации («знание украинской культуры и языка») наиболее существенны прежде всего для респондентов запада Украины (20,3%), затем центра (7,5%), и наименьшую поддержку они получили на юге (4,3%) и востоке (3,3%)¹⁸. Представителей всех регионов сближает их общая уверенность в том, что главным условием национальной консолидации является подъем экономики («достижение материального благополучия»). На западе и востоке Украины это фактор считают важнейшим более 38% опрошенных, а в целом по Украине – 33,4%¹⁹.

Таким образом, за время, прошедшее после распада СССР, в украинском обществе утвердилась идея независимости и единства страны. Эту идею поддерживает большинство населения во всех макрорегионах. В то же время жители каждого из них привносят в национальную консолидацию свой особый вклад. Уникальную роль в этом процессе играют юго-восточные регионы, поскольку их жители в наибольшей мере заинтересованы в развитии политической нации на основе преобладания гражданской, а не этнической идентификации. При таких идеологических установках растущая политическая роль этого региона Украины свидетельствует не о приближении распада страны, а о перспективах устойчивого развития как украинской государственности, так и украинского общества.

¹⁸ Центр Разумкова – Який із п'ятьох зазначених чинників найбільше об'єднує або може згуртувати народ України в єдину спільноту? [http://www.razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=284].

¹⁹ Там же.

Украина между Россией и Польшей: противоречия приграничного сотрудничества

Рассматривая Украину как ближайшего партнера и союзника России, мы забываем, что в таких же близко родственных и стратегически важных отношениях Украина состоит и с Польшей. Протяженность российско-украинской границы составляет 2245 км, украинско-польской – 542,4 км. С обеими странами Украину связывает совместная история, тесные и давние контакты, экономические и политические интересы. Уровень экономического развития российских и польских приграничных районов чувствительно выше, чем соседних украинских: по большинству социально-экономических показателей градиент составляет 1,5–2 раза¹. Поэтому Россия и Польша являются миграционно и экономически привлекательными для Украины. Одновременно позиция более сильного соседа создает многочисленные преимущества для россиян и поляков, российского и польского бизнеса, институтов власти и общества, заинтересованных в трансграничных обменах. Но, вопреки логике здравого смысла, результаты приграничного сотрудничества как на российско-украинской, так и на украинско-польской границе довольно скромны, а в отдельных сферах наблюдается и попятное движение, ослабление контактов и укрепление пограничных барьеров. Почему столь оче-

Ольга Ивановна Вендина,
кандидат географических наук,
ведущий научный сотрудник
Центра геополитических исследований
Института географии РАН,
Former Kennan Institute Galina
Starovoitova Fellow

¹ Колосов В. Российско-украинские отношения в эпоху интенсивного национального и государственного строительства // Полития. 2001. № 4. С. 103–140; Вардомский Л. Приграничный пояс России: проблемы и тенденции развития / Приграничные районы, приграничное сотрудничество. Под ред. Л.Б. Вардомского. М., 2000. С. 18–44.

видные объективные предпосылки не выливаются в устойчивое трансграничное взаимодействие? Почему углубляется раскол между странами, казалось бы, «обреченными» на сотрудничество? И почему сегодня партнерство строится не на рациональных принципах, а скорее в обход существующих правовых и административных барьеров?

Одним из ответов на данные вопросы является превалирование субъективных факторов приграничного сотрудничества над объективными. Особую роль в этом процессе играет пограничная политика каждой из стран, противоречивая по своей сути и сильно зависящая от конъюнктуры межгосударственных отношений, геополитических приоритетов и политики центральных властей. Отсутствие опыта согласования интересов в молодых постсоветских странах приводит к доминированию интересов государства во всех сферах приграничной жизни, преувеличению угроз национальной безопасности и гипертрофии подходов к ее обеспечению.

Другой причиной непоследовательности пограничной политики является отношение к государственной границе как к единой системе, несмотря на различия в режимах функционирования ее отдельных участков. Изменения, происходящие на каком-либо одном участке границы, влияют на пограничную политику в целом, подобно тому, как действуют сообщающиеся сосуды. Особенно отчетливо это проявляется в случае стран, которые, как Россия, Украина или Польша, не только расположены между разными культурными и социально-экономическими мирами, но и теснейшим образом связаны с ними. Доминирование субъективных факторов выработки политики в приграничной зоне и неизбежный эффект «сообщающихся сосудов» заставляют особенно внимательно отнестись к тому, каким образом процессы, происходящие на границе Украины с ЕС (прежде всего с Польшей) влияют на перспективы развития российско-украинского пригра-

ничного сотрудничества. Приводит ли ужесточение пограничного контроля на украинско-польской границе к адекватным мерам украинской стороны и на украинско-российской границе, или, напротив, это способствует сближению наших стран и смягчению пограничных режимов? Как локальная идентичность населения восточных и западных районов Украины, сложившиеся представления о соседней стране и ее приграничных районах, исторический опыт и историческая память влияют на формы и масштабы приграничного сотрудничества? Как такие субъективные факторы сказываются на реальной жизни людей? Эти вопросы обретают особую актуальность в связи с очередной сменой украинских политических элит после выборов 2010 года.

Украинско-российское и украинско-польское пограничье: сходство и различия

Сравнение украинско-российского и украинско-польского пограничья, по сути, является сравнением основных показателей социально-экономического развития приграничных регионов, дополненных региональными исследованиями, социологическими опросами и собственными наблюдениями.

Противопоставление восточной и западной частей Украины стало своего рода общим местом. Различия, которые так эффектно проявляются в электоральном поведении населения и его политических предпочтениях, опираются на исторический, культурный и социально-экономический фундамент. Эти контрасты можно увидеть и при сравнении украинских регионов, граничащих с Россией (Черниговская, Сумская, Харьковская, Донецкая и Луганская области) и Польшей (Волынская, Львовская, Закарпатская). Хотя восточные и западные приграничные регионы Украины сопоставимы по численности населения, первые являются наиболее урбанизированными и индустриально развитыми, а вторые – более

традиционными, сохраняющими сельский уклад жизни и высокую долю занятости в аграрном секторе².

Однако было бы неправильно сводить все к регионализации и противопоставлению городской (модернизированной) и сельской (традиционной) Украины. Украинско-российское и украинско-польское пограничье – это протяженная полоса районов, среди которых можно найти и очаги экономического роста, и зоны глубокой экономической депрессии. Донецкая область не характеризует всю восточную приграничную зону в целом, так же как Волынская – западную. Даже беглое сравнение основных социально-экономических показателей развития восточных и западных регионов Украины показывает, что их противопоставление является сильным упрощением реальной ситуации.

Во-первых, отчетливо проявляется периферийность как восточного, так и западного приграничья Украины с характерными для такой ситуации высокими показателями естественной и миграционной убыли населения, уровня бедности, безработицы и низкой заработной платой. В этом смысле Черниговская и Сумская области слабо отличаются от Волынской, Львовской и Закарпатской.

Сравнение социально-экономических показателей развития Украины за ряд лет, начиная с 1990 года, показывает, что уровень периферийности приграничных регионов заметно вырос за постсоветские годы. После распада СССР в полицентричной Украине, унаследовавшей систему крупнейших промышленно развитых городов, показатели ВРП на душу населения были сравнимы и межрегиональные различия не носили вызывающего характера. На фоне страны столица выделялась незначительно, превышая

среднеукраинский уровень не более чем в 1,2 раза. В 1996 году это соотношение выросло до 1,4 раза – тоже не так много (экономические и политические трудности, отсутствие реальных экономических реформ затрагивали все сферы жизни и все регионы). Кроме того, сказывался и разрыв тесных связей между экономиками Украины и России. Экономический подъем в России середины 1990-х годов практически не отразился на экономике Украины, зато 2000-х – имел отчетливое позитивное влияние. С этого времени начинается резкое экономическое возвышение Киева, получившего львиную долю ренты от транзита энергоресурсов и экспортных операций на рынке угля и металлов. В 2004 году показатель душевого ВРП в столице превысил среднеукраинский уровень в 3,2 раза³. Это сказало и на доходах населения, и на миграционной привлекательности города, и на рынках жилья и услуг.

За годы, прошедшие после «оранжевой революции», наметившаяся тенденция превратилась в устойчивый тренд. Киев как главный административный центр страны стал и ее безальтернативным полюсом экономического роста. Это единственный город Украины, численность населения которого существенно выросла за последние пять лет. Так же стремительно росли и инвестиции, потребовавшие значительного привлечения рабочей силы, в то время как региональные рынки труда сжимались. С 2004 по 2007 год спрос на работников в Киеве вырос на 40%, а в остальных городах – сократился на 10–15%. Столь же контрастно выглядит и рынок потребления – 40%-ный рост объемов услуг, предоставленных населению в Киеве, и его стагнация в других региональных центрах⁴.

² Державний комітет статистики України: Всеукраїнський перепис населення 2001; Соціально-економічний розвиток регіонів України в 2008 році [http://www.ukrstat.gov.ua/].

³ Ревенко А. Асимметрии регионального развития // Зеркало недели. № 18 (597). 2006. 13–19 мая [http://www.zn.ua/2000/2020/53333/].

⁴ Новак І. Диференціація регіонального розвитку в Україні: феномен «столичного максимуму» // Агора. Вып. 9. Київ, 2009. С. 75–84.

Неравномерность регионального развития еще более усугубил финансово-экономический кризис. Начавшееся в августе 2008 года падение промышленного производства в Украине достигло в середине 2009 года 32% и затронуло в первую очередь промышленные регионы востока, включая приграничные Донецкую и Луганскую области. Столь же резко упали заработная плата и покупательная способность населения. Столичная сервисно ориентированная экономика Киева, к тому же базирующаяся на административных ресурсах, пострадала в наименьшей степени.

Помимо экономических факторов свою роль в периферизации восточных и западных регионов Украины сыграли и политические. Украинские власти, стремясь к интеграции общества, сделали ставку на унитарное государство и централизацию власти. По мнению А. Фисуна, сложившийся политический режим можно охарактеризовать как «неопатримониализм» с характерными для него вассальными отношениями между центром и регионами⁵. В Украине свобода политических дискуссий, конкурентные президентские и парламентские выборы парадоксальным образом сочетаются с жестким административным контролем на региональном и муниципальном уровне. Президент страны назначает не только губернаторов, но и глав муниципальных образований, которые шагу не могут ступить без согласований с вышестоящим начальством. Главам приграничных муниципальных образований Украины приходится запрашивать разрешение МИДа страны, чтобы встретиться со своими российскими коллегами по другую сторону границы. Такая политика привела к усилению позиций Киева и стягиванию всех ключевых ресурсов в столицу, что

крайне негативно отразилось не только на крупнейших приграничных «русскоязычных» городах востока страны – Харькове и Донецке, но и на главном интеллектуальном и промышленном центре «украиноязычной» Украины – Львове. В результате экономический и социальный ландшафт Украины из полицентричного прогрессивно трансформируется в моноцентричный в соответствии с известной формулой Ж.-Ф. Гравье «Париж и французская пустыня».

Во-вторых, экономическое противопоставление «восток – запад» теряет свою контрастность, если принять во внимание не только официальные показатели, но и теневую составляющую украинской экономики, доля которой заметно возрастает в приграничных регионах. При всей негативности оценок теневых доходов они создают социально-экономическую «подушку» для населения приграничья, позволяя людям поддерживать привычный уровень жизни и адаптироваться к переживаемым Украиной трудностям. Приграничная рента работает как стабилизатор социальной ситуации. Живительное присутствие денег, зарабатываемых трудовыми мигрантами, малым бизнесом и «челноками» в сопредельных странах, особенно ощутимо на западе Украины, хронически страдающем от безработицы. Исследование самочувствия домохозяйств, проведенное в Волынской, Львовской и Закарпатской областях показало расхождения между официальной статистикой и реальной ситуацией. Так, 19,7% респондентов в названных приграничных областях считают свое материальное положение хорошим, а 63,6% – нормальным⁶. Средние цифры по стране выглядят заметно менее оптимистично. Согласно мониторингу Национального

⁵ Фисун А. Постсоветская политика как неопатримониальный процесс // Вестник Института Кеннана в России. Вып. 16. 2009. С. 53–63.

⁶ Малиновська О. Україна, Європа, міграція: міграції населення України в умовах розширення ЄС. Київ: Бланк-Пресс, 2004.

института социальных исследований, 45,6% украинцев считают себя бедными, 53% живут средне и только 1,1% – зажиточно.

В отличие от семейной экономики западноукраинского пограничья, индустриальная экономика восточноукраинского пограничья не приводит к адекватному росту уровня жизни людей, хотя зарплата на востоке страны выше. В промышленно развитых приграничных регионах востока Украины сохраняется ситуация, унаследованная от советского времени и характерная для индустриальных центров России, когда вокруг богатых промышленных предприятий проживает бедное население, а современные владельцы экспортно ориентированного бизнеса заинтересованы в поддержании экономики «дешевого человека».

В-третьих, приграничное положение стимулирует отток местного населения из Украины за рубеж как в ее восточных, так и в западных регионах. Это кардинально отличает приграничье от внутренних регионов страны, для которых характерно положительное сальдо внешних миграций, большую часть которых составляют перемещения между странами СНГ. В приграничной зоне, напротив, «выезд из страны» стабильно доминирует над «въездом». Ключевым фактором, определяющим такую ситуацию, является не транзитное положение приграничных регионов, а многолетняя трудовая миграция. Выезд за рубеж рассматривается как стратегия кардинального переустройства жизни с возможной сменой гражданства. Достаточно типичной является ситуация, когда временная трудовая миграция одного из членов семьи перерастает в многолетнюю работу за рубежом и прокладывает дорогу к эмиграции не только ближайшим родственникам, но и друзьям, соседям, знакомым. Однако миграции

в приграничных регионах Украины базируются не только на экономических интересах населения и поисках «лучшей доли», но и на теснейших контактах людей. Опросы, проведенные социологами Харьковского университета в Харьковской и Львовской областях, показали, что 58–60% «потенциальных мигрантов» в этих регионах имеют родственников за рубежом, и именно этот фактор определяет выбор направления миграции⁷.

Стоит подчеркнуть, что государственные границы, разделяющие Украину и Россию, Украину и Польшу, «молодые». Они прошли через живую ткань поселений и человеческих отношений, оставив по обе стороны от себя родственников, друзей, знакомых, устойчивые связи. Для российско-украинского пограничья характерно тесное переплетение человеческих судеб по обе стороны границы. Многие россияне учились и начинали свою трудовую деятельность в Харькове, а жители Донбасса – в Ростове-на-Дону. Для многих украинцев соседние российские города были ближе и доступнее в транспортном отношении, чем собственные областные или районные центры. Системы расселения Ростовской, Донецкой и Луганской областей были тесно связаны и функционировали как единое целое. Граница между советскими Украиной и Россией имела формально-административное, но никак не реальное повседневное значение.

Украинско-польская граница приняла свой современный вид лишь в 1951 году. В 1939 году в результате пакта Молотова – Риббентропа в состав СССР вошли Волынь и Галичина. В 1944 году пять районов Львовской области были «возвращены» Польше. В 1945 году к Украине было присоединено Закарпатье, а в 1951 году польский Забужский район был передан

⁷ Кизилов А., Николаевский В., Петрова Я. Особенности миграционных процессов в украинском пограничье (по результатам социологического обследования в Харьковской и Львовской областях) // Методология, теория та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства. Т. 2. Харків: Харківський національний університет, 2006. С. 57–63.

Украине. Помимо этих фактов в довоенные и послевоенные годы в украинско-польской приграничной зоне происходили трагические события, имевшие характер этнических чисток, которые сопровождалась массовыми стихийными и организованными миграциями, включая депортации. В современном украинско-польском пограничье проживает значительный контингент граждан, родившихся и выросших в одном государстве и переехавших в другое в ходе послевоенных обменов населением. Все это подогревает эмиграционные настроения людей. Исследования, проведенные в Закарпатье, показали, что если в 1994 году намерение эмигрировать имело 26,9% населения (среди украинцев, русских и словаков эта доля составляла 16–17,5%), то в 1998 году о таком желании заявляло уже 53,1% опрошенных, из них 95,8% этнических русских, 80% словаков, 28,6% украинцев. В 2005 году доля респондентов, рассматривающих для себя возможность выезда за рубеж на постоянное место жительства, составляла 41,7%⁸.

Таким образом, несмотря на все макроэкономические различия между востоком и западом Украины, украинско-русское и украинско-польское пограничье во многом похоже. Сходство это предопределяется не только административной периферийностью и экономической рентой, получаемой населением за счет приграничного положения, но и ощущением общности своей судьбы, тесными связями с соседними странами. Это сходство ставит Украину в довольно сложное положение, поскольку активизация приграничного сотрудничества на любом из участков границы стимулирует процессы регионализации по всему периметру страны, что воспринимается как угроза национальной целостности.

Приграничное сотрудничество через призму новой украинской истории и национальной идентичности

Может ли открытость страны и активизация приграничного сотрудничества привести к углублению внутренних межрегиональных расколов, составляющих угрозу национальной безопасности? Для оценки такой перспективы важно понять, каким образом Украина в целом воспринимает своих восточных и западных соседей, какое место она отводит им в своей политической истории, как трактуются события прошлого в свете формирования новой национальной идентичности.

После крушения мировой системы социализма и затем ее ядра – Советского Союза – начался пересмотр национальных историй. Тогда казалось, что достаточно освободить исторические факты от идеологических трактовок, чтобы была достигнута историческая правда. Этот взгляд был довольно наивным, поскольку в постсоциалистических странах ревизия советских трактовок событий привела к конструированию новых национальных нарративов, иначе определяющих место этих стран в недавнем прошлом и прежнем мировом порядке.

На мой вопрос о подходах к переосмыслению украинской истории известный украинский политолог А. Колодий дала четкий ответ: «Проблема состоит не в том, чтобы переосмысливать события украинской истории, а в том, чтобы написать ее, поскольку украинской истории в принципе не существует». Эта позиция получила наибольшее распространение в современной Украине. Ее историки, политики и политологи поставили перед собой тяжелейшую и, надо думать, невыполнимую задачу представления украинского прошлого как

⁸ Ісаць О. Міграційні настрої етнічних груп Закарпаття / Міграція і толерантність в Україні. Отв. ред. Я. Пилинський. Київ: Стило, 2007. С. 70–75.

некоего автономного исторического пространства и заполнения его фактами, которые прежде замалчивались, считались второстепенными, запретными или искаженными принятой историографией. История и историческая память были сведены к изучению борьбы с «врагами» украинской независимости и внутренними ренегатами.

Такой подход превратил Украину из полноправной участницы и создательницы собственной истории в арену деятельности внешних политических сил, подвергавших украинский народ и украинскую государственность постоянному насилию. Украинская нация, подобно «спящей красавице» (образное выражение Э. Геллнера⁹), пробуждалась лишь с надеждами на демократизацию или европеизацию, созвучными свободолюбивому и независимому характеру украинского народа, а все остальное время была пассивным свидетелем или жертвой событий. Яркий пример – западное пограничье Украины, где сегодня повсюду установлены монументы активистам Организации украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армии (УПА) и чрезвычайно редко встречаются памятные знаки жертвам Холокоста. Причиной этого является то, что украинское националистическое движение рассматривается как часть национальной истории, а Холокост – как внешнее событие, преступление нацизма, деятельность германских оккупационных сил, об отношении к которой в Украине не хотят вспоминать¹⁰. Примеров такого подхода множество – от исторических трактовок событий голода 1932–1933 годов как геноцида украинского народа, Полтавской битвы как неудавшейся попытки Мазепы повернуть

Украину на европейский путь развития до указа В. Ющенко в январе 2010 года о праздновании 95-летия победы украинских сечевых стрельцов над русскими войсками на горе Маковка в ходе Первой мировой войны с привлечением Национальной академии наук для обоснования выводов о борьбе украинских стрельцов за украинскую государственность.

Г. Касьянов из Института украинской истории НАН крайне скептически оценивает подобные трактовки и за дискредитацию моральной значимости трагических событий украинской истории в политических препирательствах, и за отсутствие стратегии в области сохранения и поддержания национальной памяти. Он подчеркивает, что даже попытки скопировать польский опыт создания Института национальной памяти выглядят в Украине как «нелепая пародия»¹¹.

Сегодня достаточно распространена точка зрения, что в мире столько «историй» сколько историков. Поэтому то, что называется научной историей, является не более чем постоянно меняющейся совокупностью фактов, в толковании и оценке которых сходится большинство ученых. А. Такер обращает внимание на то, что все историки – «ревизионисты», а сама история как наука является динамичной и инновативной дисциплиной, постоянно расширяющей знания и добывающей новые свидетельства. Каждое новое поколение историков ищет в прошлом ответы на современные вопросы. Указывая на подвижность интерпретаций в истории, Такер разделяет процессы ревизии исторических событий и исторического ревизионизма. Чтобы ярче подчеркнуть эти различия, он ввел метафору «терапевтическая ис-

⁹ Gellner E. Nations and Nationalism. Second edition. Oxford: Blackwell Publishing, 2006.

¹⁰ Brandon R., Lower W. (eds.) The Shoah in Ukraine: History, Testimony and Memorialization. Indiana University Press, 2008.

¹¹ Kasianov G. Revising the Great Famine of 1932–1933. Politics of Memory and Public Consciousness (Ukraine after 1991) // Kopeček M. (ed.) Past in the Making: Historical Revisionism in Central Europe after 1989. Budapest: Central Europe Univrsity Press, 2008. P. 197–221.

тория», противопоставив ее истории научной¹². Для «терапевтической» истории важно не столько установление исторической правды, хотя провозглашается именно такая цель, сколько компенсация национальных комплексов и стимулирование национального самоуважения. Психотерапия с помощью истории предполагает достижение морального комфорта у целевой аудитории, в качестве которой может выступать и нация, если речь идет о государственной стратегии национальной памяти и соответствующих ей институциональных структурах. Среди решаемых в этом случае задач можно назвать обоснование правомерности действий современных политиков и обеление прошлых, избавление от комплекса «национальной вины», придание значимости определенным историческим фигурам и событиям, подмена действительного желаемым, красочное представление того, что могло бы случиться, но не случилось, и наконец, конструирование новой национально-государственной идентичности.

Инструментализация истории особенно остро ощущается в приграничной зоне, поскольку здесь каждое явление видится и оценивается с двух сторон, причем эта картина никогда не совпадает. Население приграничных территорий, разделяя общую историю, часто расходится в трактовке исторических событий, а попытки убедить друг друга в собственной правоте напоминают «диалог глухих». Видение истории, восприятие соседнего государства и происходящих событий отличает жителей приграничья и от населения собственной страны. Недавний пример из российской практики – сдвиг в отношении россиян к Украине как реакция на «газовые скандалы» последних лет, крити-

ку «оранжевой революции» и ее лидеров. Практически во всех регионах России общественное мнение исключило Украину из числа наиболее дружественных стран, переместив ее в пятерку наиболее недружественных. Этого не произошло лишь в областях, граничащих с Украиной¹³. Результатом таких несовпадений является во многом отличающаяся картина мира, расхождения между геополитическими ориентирами центральных властей и повседневной практикой жизни пограничья. Хорошие отношения на уровне столиц еще не обеспечивают достаточных условий для успешного приграничного сотрудничества, и напротив, испорченные межгосударственные отношения не обязательно разрушают трансграничные связи.

Если взглянуть из Киева, то украинские власти значительно более расположены к развитию украинско-польского сотрудничества, нежели украинско-российского. Стремясь объединить страну на единой политической платформе, лидеры Украины предлагают своему населению цивилизационный выбор между «проевропейским» (дорога в будущее) и «пророссийским» (возврат к прошлому) вектором развития. Ставка на Польшу как проводника европейской интеграции исключает Россию с ее собственной многовековой «мечтой о Европе» из партнеров Украины на европейском пути. Формирование новой украинской национально-государственной идентичности во многом опирается на польский сценарий, центральное место в котором занимает оппозиция «отсталой, азиатской» России и «модернизирующейся, европейской» Польши. Как показал Т. Зарицкий, данный дискурс играет компенсаторную роль, представляя Польшу как страну, уступающую России по экономическим

¹² Tucker A. Historiographic Revision and Revisionism: The Evidential Difference / Kopeček M. (ed.) Past in the Making: Historical Revisionism in Central Europe after 1989. Budapest: Central Europe University Press, 2008. P. 1–17.

¹³ Отношение россиян к США, ЕС, Украине и Грузии. М.: Левада-центр. Пресс-выпуск. 09.01.2009; Взгляд на Украину из России. ФОМ. Доминанты. 2009. № 52. С. 15–18; Россия и Украина: друзья или соперники. М.: ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 506. 02.08.2006.

параметрам, но значительно превосходящую ее в моральном отношении и исторической правде¹⁴. Морализаторской позиции придерживаются и современные лидеры Украины, в выступлениях которых явно проступает взгляд на Россию как на более сильное, но одновременно и более brutальное государство, подавляющее собственный народ и другие нации, неспособное порвать с тоталитаризмом и имперскими амбициями. Выступая перед студентами Киевского института международных отношений 22 декабря 2009 года, В. Ющенко так определил причины разногласий между Россией и Украиной: «...основная проблема отношений располагается в плоскости демократизации Российской Федерации. Украина является хорошим примером того, как необходимо модернизировать страну и ценности».

Примером морализаторства могут служить и дискуссии вокруг проблемы демаркации российско-украинской границы, на проведение которой требуются значительные средства (аэрофотосъемка, геодезия, инфраструктура). В оценках сложившейся ситуации (а вопрос «подвешен» с 1992 года) украинские функционеры и эксперты не столько касаются возможностей объединения усилий для поиска приемлемых решений, позволяющих избежать избыточных затрат на полномасштабное сооружение границы между двумя дружественными государствами, сколько «разоблачают» имперские амбиции России и ее нежелание смириться с независимостью Украины. Доводы российской стороны о возникающих дополнительных проблемах населения и препятствиях в развитии сотрудничества в связи с демар-

кацией (возможно, не вполне искренние, но вполне разумные) трактуются как «политический отказ» и отношение к Украине не как к независимому государству, а как к «временно утраченной территории»¹⁵.

Украинские политики и политологи постоянно критикуют российских за их непонимание того, что Украина – «это не Россия» и никогда ею не была, что это новое независимое государство, несравненно более близкое демократической Европе, нежели деспотической России¹⁶. Приравнивая Россию к СССР или даже к Российской империи, украинские аналитики не замечают, что Россия – это такое же новое независимое государство, как и Украина, со всеми присущими молодым государствам проблемами конструирования национальной идентичности и сбоями во внешней политике. Такой подход позволяет Украине избегать ответственности за события прошлого и настоящего, но не мешает возлагать ее на Россию.

В свою очередь, российская сторона с обидой и недоумением наблюдает за родовыми муками украинской государственности, видя в них не столько естественный процесс, сколько «злую волю», желание «доить нескольких коров», извлекать экономические выгоды за российский счет, участвуя при этом в антироссийских кампаниях или даже в «заговорах» за спиной России, поддерживая усилия Польши и других соседних с Россией стран по созданию зоны политического и экономического «отчуждения» от РФ¹⁷.

Но было бы ошибкой предположить, что проевропейская ориентация Украины и общая с Польшей антироссийская

¹⁴ Zarycki T. Uses of Russia: The Role of Russia in the Modern Polish National Identity // East European Politics and Societies. 2004. Vol. 18. No. 4. P. 595–627.

¹⁵ Россия и Украина не смогут дружить домами. Начинается демаркация границ между двумя странами // Независимая газета. 2009. 4 декабря [http://www.ng.ru/cis/2009-12-04/1_ukraina.html?insidedoc].

¹⁶ Белицер Н. Розбіжності на шляхах розвитку України та Росії // Агора. Вип. 8. К.: Стилос, 2009. С. 21–29; Павлюк Л. Українсько-російські інформаційні війни: між афектами синдрому «цивілізованого розлучення» і сценаріями «холодної війни» // Агора. Вип. 8. К.: Стилос, 2009. С. 89–97.

¹⁷ Кучинская М. Новая парадигма польской восточной политики // Pro et Contra. 1998. Весна. Т. 3. № 2. С. 18–38.

основа национальной идентичности создают прочный фундамент украинско-польских отношений. Обе страны, разделяя общую историю, кардинально расходятся в ее оценке, особенно когда речь идет о событиях недавнего прошлого. Спецификой польско-украинского пограничья является то, что Вторая мировая война не только не примирила межэтнические противоречия, объединив население региона в борьбе с нацизмом, но еще более обострила взаимные претензии, доведя их до открытой вражды и насилия. Таким разъединяющим фактором она остается до сих пор.

Тот факт, что в результате войны сильно пострадало все население региона, где наиболее представительными этническими группами были украинцы, поляки и евреи, никем не оспаривается. Однако каждая из сторон настаивает на недостаточности признания своих страданий другими участниками процессов. Трагический опыт каждой из этнических групп в политическом смысле был конвертирован в моральное право требовать от «мучителей» разного рода компенсаций. С точки зрения еврейской общины, и украинцы, и поляки в данном регионе были пособниками и участниками Холокоста и поэтому не имеют моральных оснований заявлять о своей «правоте»¹⁸. Однако и украинцы с поляками ощущают себя «жертвами». В применении к себе ни те ни другие не рассматривают факты сотрудничества с нацистами или сталинским/советским режимом как доказательство ответственности за события прошлого. Институты национальной памяти каждой из стран приводят тома свидетельств вынужденности коллаборационизма, используемого для борьбы сразу на несколько фронтов и достижения

гуманных национально-освободительных целей. Вместе с тем факты, указывающие на сотрудничество с «оккупантами» (фашистами, советами, Гестапо, СС и НКВД) противоположной стороны, рассматриваются как подтверждение статуса «врага» и интенций к геноциду¹⁹.

При этом в исторических спорах Польша все же переигрывает Украину. Сказывается большой опыт поляков в формировании благоприятного восприятия своей истории другими, прежде всего европейскими, народами. Имидж Польши сложился уже давно – это несчастная страна, которую делили между собой империи и тираны, но ее гордый народ всегда сопротивлялся насилию и стремился отстоять свою независимость с оружием в руках²⁰. Относительно Украины такого правдоподобного исторического образа не существует не только за рубежом, но и внутри страны.

Кроме того, проевропейский вектор политики Украины вынуждает ее придерживаться моральных критериев оценки исторических событий, принятых в Европе, в основу которых положен приоритет прав человека над правами группы (коллектив, этнос, нация), и соглашаться с историческими претензиями Польши, выдвигаемыми в связи с событиями польско-украинской войны 1918–1920 годов и этническими чистками времен Второй мировой войны на Волыни, в Подолье и Восточной Галиции. Обратные претензии Украины к Польше в связи с операцией «Висла» по насильственному переселению украинцев не имеют аналогичного эффекта, поскольку полякам вполне успешно удается перекладывать ответственность на советский режим. Аналогичным образом и более давние исторические пре-

¹⁸ Powers D. *Fresco Fiasco: Narratives of National Identity and the Bruno Schulz Mural in Droghobych* // *East European Politics and Societies*. 2003. Vol. 17. No. 4. P. 622–653.

¹⁹ Snyder T. *The Causes of Ukrainian-Polish Ethnic Cleansing 1943* // *The Past and Present Society*. Oxford University Press. 2003. May. No. 179. P. 197–234.

²⁰ Zarycki T. *Op. cit.* P. 595–627.

тензии, связанные с многовековым ущемлением украинского крестьянства, не воспринимаются как правомерные и легко переадресуются Польшей к Российской или Австро-Венгерской империи. В столь асимметричной ситуации украинцам не удается занять выгодную позицию «жертвы», а роль «мучителей» поляков и евреев вряд ли может их устроить. Внутренняя противоречивость данной ситуации не позволяет достичь консенсуса между двумя странами и в других сферах межгосударственных отношений.

Первые попытки прийти к примирению были предприняты в 1990 году по инициативе польской стороны, осудившей насильственные депортации украинцев коммунистическими властями в 1947 году. Это, помимо признания неправомочности действий, означало отмежевание современной Польши от деяний советского режима. В Украине данное заявление было воспринято с удовлетворением как начало диалога и установления исторической справедливости в отношении украинского народа. Одновременно были осуждены «преступления сталинизма» (не украинцев) против польского народа. В 2002 году президент Польши А. Квасьневский пошел дальше: он не только выразил сожаление относительно действий советского режима в Польше, направленных против «граждан Польши украинского происхождения», но и подчеркнул ложность интерпретации данных событий с позиции этнического противостояния и ответной реакции поляков на действия ОУН – УПА в ходе войны. Летом 2003 года во время открытия монумента Примирения в Павлівке Волынской области президент Украины Л. Кучма, выразив глубокие сожаления по поводу гибели людей, подчеркнул, что ответственность за произошедшее не может быть возложена на украинскую нацию, поскольку не народы, а «отдельные люди несут ответственность за преступления». Следующий президент Украины В. Ющенко перенес

эту «ответственность» с руководителей на исполнителей, присвоил в 2007 году звание Героя Украины руководителю УПА Р. Шухевичу.

В Польше с явным неодобрением воспринимают сакрализацию деятелей украинского националистического движения. Польский сейм ежегодно к годовщине Волынских событий выносит свои постановления, настаивая на признании Украиной преступлений против польского мирного населения. Летом 2009 года польский пограничный контроль остановил украинский веломарфон «Европейскими дорогами Бандеры», несмотря на поддержку данной инициативы Киевом. Осенью того же года оказалось сорвано мероприятие по открытию памятника украинским жертвам Армии Краевой на территории Польши. А после присвоения С. Бандере звания Героя Украины политические оппоненты проукраинской политики Польши заявили о ее полном провале.

Таким образом, если обобщить результаты политических споров вокруг новых версий украинской истории, то приходится признать, что предлагаемые интерпретации совместного российско-украинского и украинско-польского прошлого способствуют скорее разрушению пространства взаимодействий и сотрудничества, нежели его созданию, вопреки всем декларациям о стратегическом партнерстве между Россией и Украиной, Украиной и Польшей. Стремясь к исторической автономности и самобытности, формируя новую национальную идентичность через жесткую оппозицию с Россией и мягкую, извиняющуюся – с Польшей, Украина движется к все большей политической обособленности.

Исследования факторов формирования национальной идентичности, толерантности и ксенофобии в Украине, проводившиеся украинскими социологами с 1992 по 2005 год, показали нарастание индекса дистанцированности украинцев и от русских, и от поляков. При этом если за прошедшие после рас-

пада СССР годы русские для украинцев все же остались среди «своих», то поляки значительно приблизились к категории «чужих». В целом уровень изоляционистских настроений в Украине сильно вырос, сегодня к изоляционизму склонно 60–65% украинского населения, а среди оставшейся части общества все большее распространение получают нетерпимость и открытая ксенофобия, причем как на западе (26,4% респондентов), так и на востоке страны (20,1%)²¹.

Локальная идентичность: проводник и препятствие приграничного сотрудничества

Особенность локальной идентичности²² населения приграничных территорий состоит в том, что она часто формируется как оппозиция к национально-государственной. Удаленность и периферийность приграничных регионов, недостаточность социальных и экономических контактов, затрудненность коммуникаций приводят к тому, что локальная идентичность выходит на первые позиции в системе приоритетов, оттесняя на второй план идентичность национальную. В случае, когда приграничные регионы являются значительно более традиционными, а возможно, и архаичными по отношению к модернизирующемуся ядру государства, они становятся оплотом сопротивления нововведениям, претендуя на роль хранителей подлинного духа нации. В обратной ситуации, когда население приграничья в результате интенсивных трансграничных контактов получает доступ к возмож-

ностям, недоступным для жителей внутренних регионов страны, локальная идентичность опирается на чувство превосходства более «современного» сообщества над более «отсталым». На шкале этнокультурных различий нередки ситуации, когда жители приграничья отличаются от населения остальной страны этническим составом, культурой и даже языком. Чрезвычайно распространена и ситуация, когда государственные границы делят однородные в прошлом территории, и тогда население приграничных зон предпочитает идентифицировать себя с былыми общностями, иногда сохраняющимися, а иногда полностью исчезнувшими. Каковы бы ни были причины противоречий локальной и национальной идентичностей в приграничье, они часто приводят к претензиям на особый выделенный статус приграничных территорий или даже культурную автономию. Приграничное в смысле проживания и пограничное в смысле культуры положение сильно способствует такому сдвигу в сознании социума.

В случае Украины оппозиция локальной и национальной идентичностей осложняется внутренним расколом страны. А. Миллер, указывая на дуализм украинской идентичности, пишет:

«Отношение друг к другу представителей двух разных украинских идентичностей во многом походит на те отношения, которые были между украинцами и малороссами до Первой мировой войны. Украинцы смотрели на малороссов как на объект просвещения и социальной инженерии, как на заблудших и исковерканных чужим влиянием. Так же

²¹ Пашина Н. Факторы национальной идентичности, толерантности, ксенофобии и антисемитизма в современной Украине // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2006. № 1 (81). С. 26–38.

²² О локальной идентичности см.: Смирнягин Л.В. Территориальная морфология российского общества как отражение регионального чувства в русской культуре // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. М., 1999. С. 108–115; Колосов В. Территориальная идентичность и межэтнические отношения: на примере восточных районов Ставропольского края // Полис. 2001. № 2. С. 61–72; Дробижева Л. Этническая и республиканская идентичность: проблемы совместимости // Региональные процессы в современной России: экономика, политика, власть: Сб. статей. М., 2002. С. 11–30; она же. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. Под ред. В.С. Магуна, Л.М. Дробижевой, И.М. Кузнецова. М.: Ин-т социологии РАН, 2006.

смотрят на восточнуукраинцев западноукраинцы. Если малоросс упрямо настаивал на своей идентичности, а тем более на ее праве быть доминирующей в стране, то он в глазах украинца становился “вражьем землячком”, прихвостнем москалей. Так же смотрит западноукраинец на упрямо отстаивающего свою правоту восточнуукраинца. В свою очередь малороссы считали украинофилов подпавшими под вредное влияние (поляков, Австрии, Германии) и обвиняли их в агрессивном национализме. Так же восточнуукраинцы смотрят на западноукраинцев, обзывая их нациками и считая, что они служат интересам поляков и американцев. Каждая из сторон сегодня претендует на то, что воплощает ценности демократии и модернизации лучше соперника. Западноукраинцы описывают восточнуукраинцев как “совков”, а те отвечают насмешками в адрес “рогулей”, деревенщины. Обе стороны в своем глазу бревна не видят, обе смотрели и смотрят друг на друга как на “чужих”, как на источник угрозы»²³.

Различие западной и восточной версий украинской идентичности проявляется не только на эмоциональном уровне, но и в выборе основ самоидентификации. Я. Грицак, один из наиболее авторитетных украинских историков, опираясь на данные социологических исследований региональной идентичности в Украине, пришел к выводу, что в иерархии идентичностей жителей западной Украины ведущее место занимает этническая самоидентификация, а восточной – локальная или региональная. Значительные расхождения наблюдаются и при выборе поворотных моментов украинской истории, а также в оценке советского прошлого: если в Донецке его трактуют как «старое доброе время», то во Львове – как национальную трагедию. Даже Т. Шевченко

не является общенациональным объединительным символом, для жителей западной Украины гораздо ближе И. Франко²⁴.

Понятно, что в гражданской войне идентичностей не должно быть проигравшей стороны, иначе Украине никогда не удастся интегрировать общество. Однако в современной системе политических координат, когда Россия рассматривается как угроза целостности и независимости Украины, а Европа и НАТО – как гаранты суверенитета, вопрос преодоления дуализма украинской идентичности стоит не в плоскости поиска консенсуса, а в плоскости переноса культурных символов и ориентиров западной Украины в восточную. Фактически необходимость политической консолидации нации – украинизации в современном понимании слова – подменяется на востоке страны украинизацией языковой и обрядовой. Примеров множество – от запретов на русский язык в системе образования до кадровых назначений. Особой остроты конфликт идентичностей достигает в восточнуукраинской приграничной зоне.

Наглядный пример дает Сумская область. В 2007 году, в преддверии внеочередных парламентских выборов, губернатор, выходец из Донецка, был сменен выходцем из Львова. Это было воспринято как формирование «президентского оплота» и свидетельство смены официальной идеологии регионального уровня. Одним из первых символических действий нового губернатора стала поддержка идеи строительства в городе греко-католического храма на месте бывшего церковного кладбища, превращенного в советские годы в парк Партизанской славы. Реакцией иерархов Украинской православной церкви Московского патриархата, и без того недовольных массовой передачей храмов в ведение Киевского патриархата, стала

²³ Миллер А. Дуализм идентичностей на Украине // Отечественные записки. 2007. № 1 (33). С. 84-96

²⁴ Грицак Я.Й. Двадцять дві України / Страсті за націоналізмом. Історичні есеї. Київ, 2004. С. 216–228

организация крестного хода, в котором приняло участие до трех тысяч человек, и открытое письмо «в защиту прав верующих».

Неудачные попытки трансформации западноукраинской идентичности в общенациональную вызывают негативную реакцию не только в восточной, но и в западной части Украины. Так, летом 2008 года развернулась горячая дискуссия вокруг эмоциональной статьи ивано-франковского писателя Т. Прохасько, призвавшего «подлинную» украинскую интеллигенцию к «внутренней эмиграции» ради сохранения «истинной» украинской культуры:

«Территория другой Украины меня ранит: другой язык, совсем другой опыт. ... Объективно эта инаковость существует, и это является причиной моего локального патриотизма. ... Чтобы сохранить украинскость как таковую, грубо говоря, нужно отойти в цитадель»²⁵.

Попытки проанализировать дуализм украинской идентичности чаще всего сводятся к противопоставлению локальных версий галицкой и донбасской идентичности в их львовском и донецко-луганском воплощении. Данный выбор антиподов определяется тем, что обе исторические провинции выдвинули лидеров национального уровня, которые вербализуют существующие в местном сообществе интенции как к сепаратизму и культурной автономии, так и к культурно-политической экспансии. Однако значительная социальная и культурная неоднородность восточного и западного приграничья Украины не позволяет сводить все разнообразие существующих там локальных идентичностей к этим двум формам.

Для жителей украинско-российского пограничья, помимо донбасской, характерны проявления советской, казацкой и слобожанской идентичности. Донбасский миф как продукт советской индустриализации и хозяйственной специа-

лизации основывается прежде всего на «шахтерской славе» и особом «шахтерском характере». Помимо этого в его арсенале краткий опыт существования Донецко-Криворожской республики и героическое сопротивление молодогвардейцев фашизму в годы Второй мировой войны, противопоставляемое коллаборационизму ОУН – УПА. С современностью донбасскую идентичность связывает идея «мультикультурного сообщества», отвергающего этноцентризм. В данном случае важным является лишь название, а не содержание концепции. Слово «мультикультурализм» – это символический щит против обвинений как в недостаточности украинского патриотизма, так и в распространенности пророссийских настроений. Наряду с конкретной социальной историей Донбасса, миф «мультикультурализма» позволяет «оукультить» донбасскую идентичность, изолировав ее от внешних «монокультурных» влияний.

Советская идентичность особенно ярко себя проявляет в крупных промышленных центрах украинско-российского приграничья. Опросы мигрантов, совершающих челночные поездки между Белгородом и Харьковом, проведенные в 2001 году, показали, что более четверти респондентов – граждан Украины идентифицировали себя с рухнувшей советской империей, в которой Харькову принадлежала выдающаяся роль, тогда как среди опрошенных граждан России носителей советской идентичности практически не осталось. Такую приверженность «советскому» вряд ли можно списать на особую любовь харьковчан к советской власти. Скорее советский дискурс играет компенсаторную роль в условиях утраты Харьковом своей лидирующей позиции в украинском политическом и экономическом пространстве, подталкивая людей к самоидентификации с исчезнувшей социальной общностью в противовес новой

²⁵ Прохасько Т. Вади українського імперіалізму // Галицький кореспондент. 2008. 4 января.

навязываемой украинской национальной идее. Можно даже предположить, что советская идентичность служит базой харьковской локальной идентичности, которая строится на сопоставлении Харькова не с Киевом, Одессой или Донецком, а с Москвой или Петербургом и включает в себя представление об особом статусе города как крупнейшего научного, культурного и просветительского центра Украины²⁶.

Постепенно реконструируется и традиционная смешанная русско-украинская/украинско-русская слобожанская идентичность, более популярная с украинской стороны границы. Слободская Украина рассматривается как эпицентр украинского национально-культурного возрождения в его малороссийской версии, начавшегося с создания университета в Харькове. Слобожанская идентичность играет двойственную объединительно-разъединительную роль. Само название исторической провинции «Слободская Украина» в исследованиях локальной идентичности трактуется двояко. С точки зрения русского языка «украина» – это географическое положение, а не специфический этнокультурный феномен. Подобных «украин» было несколько – рязанская, воронежская, польская, сибирская..., в случае Слободской Украины – это свободная от крепостного права окраина, продолжение Засечной черты, Дикое поле, осваиваемое казаками и беглыми крестьянами. С точки зрения украинского языка «Украина» – это подтверждение существования специфической украинской этнотерриториальной общности, формировавшейся в условиях давления на украинскую нацию Московского государства и Речи Посполитой. Такой подход позволяет сторонни-

кам идеи Слободской Украины трактовать факт ассимиляции малороссийского сельского населения Центрального Черноземья как доказательство насильственной русификации и ущемления украинского этноса. Сожаления об исчезающей украинской идентичности в российско-украинском пограничье причудливо сочетаются с этнотерриториальными претензиями на «исконные» украинские земли, отторгнутые в пользу России и простирающиеся почти до Каспийского моря. При этом ничего не говорится о кризисе идентичности, пережитом населением Слобожанщины в 1922–1932 годах, в связи с созданием УССР и проведением официальной политики «украинизации»²⁷.

С российской стороны границы наибольший интерес представляют белгородская и казацкая локальные идентичности. В Белгороде успешно культивируется миф о православном правопреемстве Белгорода и Киевской Руси, включая фантазийное празднование тысячелетия основания Белгорода князем Владимиром и сооружение в 1997 году впечатляющего памятника крестителю Руси на собственной Владимирской горке. Такое клонирование монументов символизирует областной ответ на претензии Украины на наследство Киевской Руси и работает на дальнейшее размежевание наших стран.

Согласно распространенному в Ростовской области мифу о казачестве, это особый этнос, подвергшийся целенаправленному геноциду со стороны большевиков, затем героически боровшийся со сталинизмом, в том числе и на стороне гитлеровского вермахта, а на современном этапе заявляющий о своем праве на особый статус и преференции в рамках государственную службу.

²⁶ Мусиезов А.А. Приобретенная идентичность: факторы восприятия городской идентичности // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу суспільства. Т. 1. Харківський національний університет, Харків, 2006. С. 457–462.

²⁷ Ковалев В.Н. «Огненное лицо» Украины и «запах русской земли». Общерусские и украинские акценты в советской пропаганде периода отечественной войны // Боисенок Е.Ю. (отв. ред.) Украина и украинцы: образы, представления, стереотипы. Русские и украинцы во взаимном общении и восприятии. Сб. статей. М.: Институт славяноведения РАН, 2008. С. 252–278.

Для российского неоказачества, выступающего в роли хранителей истинной русской жизни и веры, характерны шовинизм, милитаризм, ксенофобия и антимигрантские настроения²⁸. Понятно, что такая система взглядов не способствует трансграничному взаимодействию.

В западноукраинском пограничье ситуация еще сложнее. Если в регионах, граничащих с Россией, локальные идентичности дополняют друг друга и мирно сосуществуют, по крайней мере в пределах одного государства, то для украинско-польского пограничья характерна междоусобица локальных идентичностей, приводящая к расколам. Здесь политика украинизации, проводимая Киевом и ассоциируемая со Львовом, плохо согласуется с этническим разнообразием населения и его исторической памятью. Чрезвычайно острыми являются проблемы конкуренции этнотерриториальной идентичности русин, молдован, румын и поляков как с национальной украинской, так и с локальной галицкой идентичностью.

Наиболее яркий пример – закарпатские русины, которые с 1991 года добиваются провозглашения национальной автономии. Срок последнего ультиматума Киеву истек 1 декабря 2008 года, а временное правительство самопровозглашенной автономии обратилось к России и Евросоюзу с просьбой о признании. Последний инцидент произошел в марте 2009 года во время открытия памятника Т. Шевченко в Праге. Руководители русинских общин Чехии и Закарпатья попытались вручить открытое письмо В. Ющенко, в котором они сравнивали отношение к русинам со стороны украинского государства с отношением царского правительства

к Т. Шевченко, другими словами – как к крепостным в царской России.

Несколько иная ситуация в случае румын, молдован и поляков. В постсоветское время развитие румынского национального самосознания настойчиво стимулировалось Бухарестом, рассматривавшим Бессарабию и Буковину как «исконные» румынские земли, а их население в качестве «румын». Одним из инструментов политики национально-культурного румынского возрождения стала раздача румынских паспортов лицам румынского происхождения, проживающим в приграничной зоне, что автоматически превращало их в граждан ЕС²⁹. Сходная политика проводится во Львовской и Волынской областях Польши, поддерживающей польское самосознание с помощью «карты поляка».

Информационные войны в западноукраинском пограничье приводят к обособлению территориальных сообществ и их фрагментации по этнотерриториальному признаку. Львов и Львовская область выглядят довольно одиночками в культурно-символическом пространстве западноукраинского пограничья. Львовские интеллектуалы все чаще рассуждают об ошибке Галиции, взвалившей на свои плечи тяжелую миссию создания единой украинской государственности, и о возможности существования нескольких украинских государств. Обоснованием галицийской исключительности служит австрийский миф, с его внешними атрибутами в виде кофеен, пирожных, оборок, архитектуры и даже робкой реанимации еврейской городской культуры и такими внутренними характеристиками, как конфессиональная специфика, история, язык, ориентация на европейские ценности³⁰.

²⁸ Кислицын С.А. О соотношении российской и региональной идентичности в исследованиях по истории краев и областей Российской Федерации (на материалах истории Ростовской области и Донского казачества) // История края как поле конструирования региональной идентичности. Под ред. И.И. Куриллы. Волгоградский исторический семинар. Вып. 1. Волгоград, 2008. С. 74–88.

²⁹ Круглашов А. Украинское общество: интолерантность как расплата за гражданский конформизм // Вестник Института Кеннана. Вып. 16. М., 2009. С. 35–42.

³⁰ Малыгин А.А. Украина: соборность и регионализм. Симферополь: СОНАТ, 2005.

Этот миф не только питает чувство галицийского превосходства, но и служит моральной компенсацией не оправдавшихся надежд на «оранжевую революцию». Обратной стороной культивирования ностальгической галицийской идентичности является то, что, позволяя львовянам дистанцироваться от «неукраинской» Украины, она рождает неизбежные противоречия с Польшей, поскольку восточную Галицию с центром во Львове крайне трудно отделить от западной – с центром в Кракове. Вместе с тем они плохо совместимы.

С польской стороны границы галицийский миф претерпел значительные изменения. Несмотря на острую боль от потери Восточной Галиции, польская интеллигенция сумела выработать ненационалистический взгляд на территории, вошедшие в состав Украины. Новая парадигма сложилась в послевоенные годы и была в значительной степени выработана в эмиграции, благодаря деятельности Е. Гедройца и его журнала «Культура». Ее основными принципами были, во-первых, признание послевоенных границ и отказ от польских претензий на Вильнюс и Львов, а во-вторых, признание субъектности белорусов, украинцев и литовцев и их права на собственную государственность. В результате польская версия галицийской идентичности обрела не реваншистский, а ностальгический характер, апеллируя к исторической памяти и наследию, а не к праву «земли и крови».

Во Львовской области такого сдвига не произошло. Одной из причин сохранения этнонационалистической сути локальной идентичности львовян является длительное противостояние местной интеллигенции советской власти. «Австрийство» коренных жителей восточной Галиции культивировалась как оппозиция всему советскому, обеспечивая сохранение «эталона» не столько галицийской, сколько украинской идентичности. Однако и спустя 20 лет после обретения Украиной независимости галицийский миф продолжает охранять собственный

Памятник «Труженику Луганщины», г. Луганск

эталон украинской идентичности с той же энергией, как и в советские годы.

Эта непримиримость проявилась в целом ряде ситуаций, связанных с польским историческим наследием, таких как скандал с настенными росписями Б. Шульца в Дрогобыче, затягивание открытия дома-музея Ю. Словацкого в Кременце или конфликт, связанный с Мемориалом польских «орлят», находящимся на Лычаковском кладбище Львова. Это особенно яркий пример. Мемориальный комплекс был создан в 1920 году как символ победы Польши в польско-украинской войне 1918–1919 годов и одновременно как

дань благодарности польскому гражданскому населению Львова, оказавшему сопротивление армии самопровозглашенной Западно-Украинской Народной Республики (ЗУНР). В 1951 году мемориал был разрушен, в 1971 году по нему проехался бульдозер, видимо, чтобы окончательно стереть память о польском присутствии. Восстановление мемориала началось в постсоветские годы, но продвигалось крайне медленно из-за противодействия львовских властей и общества. К 2002 году мемориал был готов к открытию, но разгорелся скандал, в результате которого открытие памятника было сорвано, а визиты лидеров двух государств отменены.

Особую обиду жителей Львова вызвала двусмысленная надпись на могиле неизвестного солдата, являющейся центром мемориала: «Здесь лежит солдат, погибший за Отчизну». Официальное открытие мемориала состоялось только после «оранжевой революции» летом 2005 года одновременно с мемориалом воинам Украинской Галицкой армии, «павшим в боях за Львов». Для придания символического веса украинскому захоронению сюда из Берлина в 2002 году были перевезены останки Е. Петрушевича – президента ЗУНР и лидера украинского национально-освободительного движения начала XX века.

Таким образом, нынешняя украино-галицийская идентичность работает по исключающему, а не включающему принципу. Свойственные ей изоляционизм, этноцентризм и присвоенное право служить в качестве эталона национальной идентичности Украины не позволяют ей расширить сферу своего влияния даже в пределах западноукраинского пограничья, где бывшие границы империй до сих пор играют роль социокультурного водораздела, пролегающего между Львовской и Волынской областями, как некогда между Галицией и Волынью. Сближает галицийскую и волынскую идентичности лишь общность исторических претензий и фобий,

которые являются важной частью локальной идентичности и украинцев, и поляков в приграничной зоне.

На Волыни, где еще живы свидетели этнических чисток времен Второй мировой войны, предпочитают идентифицировать себя с совсем давней историей, наследием Киевской Руси и Литовско-Русским государством, символом которого служит ныне восстановленный замок Любарта. Подобно галичанам, волыняне апеллируют к европейским ценностям на основании того, что городу еще в 1432 году было даровано городское самоуправление (Магдебургское право). Характерно, что отодвинутое в далекое прошлое литовско-русское наследие, в отличие от исторически более близкого польско-украинского, способствует налаживанию множественных контактов между Луцком и Люблином, парадоксально более активных, чем между Луцком и Львом. Сохраняется на Волыне и советская идентичность, по крайней мере, советский период здесь не воспринимается как трагедия.

Таким образом, в украинско-российском и украинско-польском пограничье сложилась ситуация, при которой одни формы локальной идентичности способствуют развитию трансграничных контактов, а другие – препятствуют этому. В первом случае речь идет об этнической и советской идентичностях, которые связывают людей, проживающих по разные стороны границы, но имеющих общие этнические корни и жизненный опыт. Во втором – о социально-культурной идентичности территориальных сообществ. Донбасская и галицийская идентичности во многом сформированы как оппозиция, соответствия слогану «Украина – не Россия, Донбасс – не Галичина». Донбасская идентичность кроет карту галицийского этноцентризма мультикультурализмом. Обеим формам идентичности присуще миссионерство: Донбасс претендует на роль экономического «донора» страны, Галичина – идейного. В обоих локальных нарративах сильна

тема подчеркнутой независимости, собственной правоты и обиды, вызванной недостаточным признанием заслуг перед нацией. Противостояние донбасской и галицийской идентичностей, их автономность и региональная замкнутость в еще большей мере усиливают тенденции к изоляционизму, проявляющиеся в национальной украинской идентичности и политике. Наконец, существуют и радикально-националистические группы населения приграничья, такие как казаки или последователи ОУН – УПА, идентичность которых препятствует развитию трансграничного сотрудничества в силу милитаризма, нетерпимости и ксенофобии.

Перспективы российско-украинского приграничного сотрудничества

Почему для России так важно приграничное сотрудничество? Наиболее распространенный ответ на этот вопрос: в условиях глобализации и все более непростой геополитической ситуации на приграничные регионы возложена особая функция – играть роль экспериментальных площадок налаживания партнерских отношений между Россией и ее ближайшим окружением. Формула звучит довольно банально, но содержит глубокий и, по-моему, недостаточно осознанный смысл.

Прежде всего, Россия еще не до конца выработала собственную национальную идентичность и граничит со странами, где происходит то же самое. В советскую эпоху, несмотря на все претензии к советской власти, людей объединяло ощущение лидирующей роли страны в мировом развитии. Амбициозность проектов ассоциировалась с величием народов. Рухнувший Советский Союз оставил всех нас на обочине истории. Место исчезнувшей перспективы заняло чувство бесплодности и ненужности принесенных жертв и усилий. В России комплекс национального унижения потребовал воскрешения традиционных подходов к формированию национальной идентичности, реанима-

ции таких понятий, как сильное государство, неприкосновенность границ и суверенитет, цивилизационная миссия, внешний враг, религия, национальная исключительность. Похожие процессы происходят и в других постсоветских странах, с той лишь разницей, что понятия военной или экономической мощи там заменены моральным превосходством угнетенного над угнетателем, а цивилизационная миссия – национальным возрождением и миссией сохранения незамутненных истоков национальной культуры и самосознания. Если в России говорили об империи как о «колыбели наций» и выдвигали идею «либеральной империи» в противовес эволюции страны в сторону империи совсем не либеральной, то на постсоветском пространстве Российская империя и СССР рассматривались как «тюрьма народов», а Российская Федерация – как страна, по инерции сохраняющая функцию «надзирателя».

Эта ситуация резко контрастирует с тем, что мы наблюдаем в подавляющем большинстве развитых стран мира, которые сегодня также переживают кризис национальной идентичности. Происходящие там метаморфозы связаны не с обретением, а с трансформацией сути государственности, с утратой значимости традиционных оснований и символов национального единения. Права человека повсеместно признаны приоритетом по отношению к правам коллектива или группы, включая государствообразующие народы. Использование военной силы все в большей мере становится компетенцией мирового сообщества, выдающего индульгенцию на ее применение, цивилизационная миссия Запада поставлена под сомнение, религия стала не столько объединяющим, сколько разъединяющим фактором. Более того, многие страны добровольно отказались от таких важных символов государственности, как национальная граница и валюта. Целенаправленная политика децентрализации значительно ослабила роль национальных столиц и усилила роль региональ-

Памятник Адаму Мицкевичу, г. Львов

ных, интенсивные миграции кардинально изменили этнический состав населения, привели к стремительному росту культурного разнообразия и поставили под вопрос возможность национального объединения на прежних культурных основаниях. Центральную роль в новой идентичности стали занимать не понятия «сила», «этнокультурное большинство», «религия», а понятия «меньшинство», «наследие», «историческая память». Если раньше общие объединительные ценности формировались через оппозицию «свой – чужой», то сегодня – через отношения дополнительности, позволяющие меньшинствам иметь собственную историю и идентичность и быть вписанными как в «большой» национальный нарратив, так и в историю иных стран. Это касается и отношений исторически противоборствовавших социальных групп, участников гражданских войн, победителей и побежденных.

Данный сдвиг объясняет резко выросшую значимость приграничных территорий в национальном самоопределении как зон наиболее интенсивных конфликтов и контактов. Приграничное сотрудничество из процедуры культурно-адми-

нистративных обменов в духе «дружбы народов» стало инструментом прекращения войн исторической памяти и формирования плюралистической версии национальной идентичности, позволяющей ассимилировать (найти общие точки соприкосновения и культурной близости) огромное разнообразие локальных идентичностей и субкультур.

Пойдут ли Россия и Украина тем же путем? Думаю, что да. У нас просто нет иного выбора в силу внутреннего разнообразия обществ и идущих процессов демократизации, несмотря на все девиации и срывы. Альтернативный сценарий, связанный с компенсацией комплексов титульной нации и мобилизацией традиционных государственных принципов формирования национальных идентичности без их регионализации, гуманизации и социализации, является тупиковым для каждой из стран, поскольку входит в острое противоречие с проблемой интеграции территориальных и культурных сообществ, число и разнородность которых постоянно возрастает. Конечно, процессы регионализации можно какое-то время подавлять административными средствами, но региональная политика и идеи приграничного сотрудничества рано или поздно пробьют себе путь через скорлупу державничества и перестанут восприниматься как угроза целостности страны. Вопрос в том, насколько подготовлены будут необходимые институты, общественное мнение и социальные сети для осуществления такого прорыва.

Сегодня российско-украинское приграничное сотрудничество еще далеко от состояния, когда его можно будет назвать лабораторией выработки национальной идентичности, основанной на взаимном признании и доверии. Напротив, усилия со стороны местного населения и муниципальных органов власти по поддержанию трансграничных контактов сталкиваются с ограничениями, накладываемыми политикой, проводимой на уровне государств, и ужесточающимся законодательством,

регулирующим вопросы функционирования государственной границы. Прежние советские каналы межобластных и межреспубликанских связей, основанные на личных знакомствах и взаимных обязательствах, постепенно «отмирают», а новые автономные механизмы взаимодействия пока крайне слабы. Постсоветский интеграционный дискурс, в основе которого лежало представление о единстве исторического, социально-культурного и хозяйственного пространства российско-украинского пограничья, уходит в прошлое, а противостоящий ему дезинтеграционный дискурс обретает все большее число сторонников. Согласно ему граница Украины с Россией является важным для национальной безопасности рубежом, разделяющим два независимых государства, две этнические и исторические общности, имеющие разные интересы и потенциал развития. В этой парадигме осознание общих интересов в приграничной зоне отходит на второй план. Этому способствует и изоляционизм, характерный как для самоопределения российской и украинской наций в целом, так и для локальных сообществ приграничья.

Вместе с тем нельзя не отметить некоторые сдвиги в российско-украинском приграничном сотрудничестве, происходящие на уровне взаимодействия институтов, такие как совместные экологические программы, регулярные форумы, создание консорциума приграничных университетов, попытки совместного регулирования транспортных потоков, музейной деятельности по поддержанию культурного наследия и восстановлению исторической памяти. Наконец, регионы российско-украинского приграничья объединились в три еврорегиона: «Днепр», связавший в 2003 году Брянскую, Гомельскую (Белоруссия) и Черниговскую (Украина) области; «Слобожанщина», также действующий с 2003 года, и «Ярославна», созданный в 2007 году администрациями Курской и Сумской областей. С 2006 года обсуж-

дается вопрос о создании еврорегиона «Донбасс».

Пока использование европейских инструментов приграничного сотрудничества имеет скорее формальный характер, это зонтичные структуры, не получившие наполнения реальными проектами, подкрепленными собственными бюджетами. Более того, сама идея аккумуляции средств для решения совместных проблем, масштаб которых выходит за пределы бюджетов муниципального уровня, пока не находит отклика в душах местных администраторов. Российско-украинские «еврорегионы» слишком громоздки, а их деятельность целиком зависит от региональных властей. Задачи формирования единого информационного поля и налаживания прямых контактов населения подменяются обменом административными визитами, осуществлением инициатив регионального уровня, проведением совместных выставок и ярмарок. Конечно, такая деятельность тоже приносит свои плоды, но она не создает разветвленной системы капилляров социальных и экономических связей, которые одни только и способны срастить пространство российско-украинских отношений.

Ситуация в украинско-польском пограничье выглядит несколько иначе. Польша много сделала для улучшения взаимопонимания, партнерства и культурного взаимодействия с Украиной. Признание того, что репрезентация и охрана галицкого наследия невозможны без учета всего многообразия породивших его культур, ведет к налаживанию диалога между самыми разными слоями общества и гражданскими институтами. Польские и совместные польско-украинские инициативы касаются прежде всего сферы искусства и информационной политики: были переведены или переизданы многие литературные произведения и значимые политические тексты, организовывались художественные выставки, акции и перформансы, учреждались журналы, осно-

ывались диалоговые площадки для обсуждения спорных вопросов совместной истории. В сфере образования Польша открыла зеленую улицу для обмена студентами, аспирантами и преподавателями, что не в последнюю очередь объясняется стратегической заинтересованностью страны в привлечении украинских студентов, молодых ученых и интеллигенции, заполняющих брешь, возникшую в результате оттока польских специалистов в страны Западной Европы. В отличие от России, Польша активно использует европейские программы межрегионального сотрудничества для вовлечения украинских партнеров в приграничные проекты. Еще в 1993 году был создан еврорегион «Карпаты», в состав которого вошли четыре области Западной Украины вместе с приграничными регионами Польши, Словакии, Венгрии и Румынии; с 1995 года действует еврорегион «Буг», объединяющий Волинскую (Украина), Брестскую (Белоруссия) области и Люблинское воеводство (Польша).

Несмотря на все это, деятельность польско-украинских еврорегионов, так же как и российско-украинских, далека от того, чтобы быть эффективной. Их нормальному функционированию мешают различия интересов населения и администраций разных частей таких огромных еврорегионов, как, например, «Карпаты», ставка на крупные инвестиции и неоправданные ожидания прямых экономических выгод, отсутствие четко сформулированных проблем и проектов, находящихся в компетенции приграничных районов. Нехватка опыта и квалифицированных кадров, способных сформулировать и взять на себя

продвижение совместных проектов, приводит к тому, что местные власти и население являются всего лишь пассивными участниками приграничного сотрудничества, инициируемого в Варшаве, Брюсселе или других крупных центрах. Мешают также изоляционистские настроения украинского населения приграничья, с большой подозрительностью воспринимая активность польской стороны.

Так, может быть, охлаждение украинско-польских трансграничных взаимодействий окажется выгодным для России, разворачивая Украину к ее восточному партнеру? Думаю, что это иллюзия. Прежде всего в силу симметричности реакции элит восточно- и западноукраинского пограничья, придирчиво следящих за соблюдением паритета и оказывающих давление на центральные власти в случае его нарушения. Проблемы Украины с ее западным соседом влекут за собой, как минимум, стагнацию отношений и на украинско-российской границе. Поэтому для нашей страны гораздо выгоднее, чтобы европейские институты наконец начали функционировать на постсоветском пространстве, чтобы сработал механизм сообщающихся сосудов, передающий опыт, навыки и понимание выгод включающего, а не исключаящего взаимодействия. В этом смысле развитие украинско-польского приграничного сотрудничества не столько отдаляет от нас Украину, сколько приближает к нам Европу. Это особенно важно потому, что российская политика последнего десятилетия, так же как и украинская, тяготеет к изоляционизму, и метафора «остров Россия» все больше соответствует реальности.

Новые этнические группы в приграничье России: интеграция или сегрегация

Мигранты в Оренбуржье

Продолжающиеся среди ученых и политиков дискуссии о том, нужны ли мигранты России, в каком количестве и представляют ли они угрозу российскому обществу, несомненно, актуальны для такого приграничного полиэтничного региона, как Оренбуржье.

Оренбургский участок российско-казахстанской границы самый протяженный и составляет 1876 км. Через его пункты пропуска ежегодно проходят сотни тысяч иностранных граждан и лиц без гражданства (в 2009 году – 1,3 млн человек). Более 90% из них составляют граждане стран Центральной Азии – членов СНГ, с которыми Россией заключены соглашения о безвизовом режиме (Узбекистан, Таджикистан, Киргизия и Казахстан).

Миграционные процессы в регионе в первое постсоветское десятилетие были связаны с внешней миграцией. В этот период в Оренбургскую область прибыло около 220 тыс. мигрантов, в основном из центральноазиатских государств. Пик миграции пришелся на 1993–1994 годы, когда в регионе осело около 100 тыс. человек. Статус вынужденного переселенца и беженца с 1993 года получили 82,5 тыс. человек. Миграция носила вынужденный характер. Большая часть прибывших – это русскоязычное население, которое приехало в регион на постоянное место жительства и приняло в последующем российское гражданство.

Период с 2000 по 2009 год характеризуется резким ростом трудовой миграции. Основными странами, из которых

Веналий Владимирович Амелин,
*доктор исторических наук, профессор,
заместитель министра культуры,
общественных и внешних связей
Оренбургской области*

прибывают иностранные граждане данной категории, являются Узбекистан (36%), Таджикистан (20%), Казахстан (15%), Азербайджан (8%), Кыргызстан (5%), Украина (5%) и Армения (3%).

В постсоветские годы миграционные процессы способствовали изменению этнической структуры населения области, увеличению численности этнических общностей. Так, за межпереписной период (с 1989 по 2002 год) численность таджиков возросла в 6 раз, армян – в 5,1 раза, азербайджанцев – в 2,3 раза, даргинцев – в 2,2 раза, узбеков – в 1,9 раза, чеченцев и аварцев – в 1,7 раза. Количество казахов выросло на 14 тыс. человек. Увеличилось число турок-месхетинцев и корейцев¹.

В отличие от мигрантов с Кавказа выходцы из Азии приезжают и обустраиваются большими группами, в составе которых – родственники, соседи, односельчане. И. Савин и А. Ярлыкапов, изучавшие такие группы в Оренбуржье, полагают, что негрупповые поездки трудовых мигрантов («семейная форма») характерны для торговцев, которые приезжали на местные рынки еще 15–17 лет назад и потому не нуждаются в земляческой поддержке или посреднических услугах². Однако среднеазиатские «новички» предпочитают бригадный вариант поездок на заработки. Еще на родине «бригадир» (местный житель с опытом трудовой миграции) набирает группу, обещая хорошую работу и «отсутствие проблем с властями». За это члены группы должны отдавать ему 10% заработка. С самого начала приезжающим внушают мысль о том, что только бригадир может оградить их от массы трудностей, включая «козни» со стороны пограничников, таможенников, работодателей, милиции. Поэтому и в до-

роге, и по месту пребывания члены бригады редко вступают в контакты с местным населением. Руководитель группы по-своему решает бытовые и прочие вопросы, зачастую изыскивая неправомерные способы. Именно бригадир, оформляя гласные и негласные договоры с заказчиками, выполняет функцию субъекта трудовых отношений. Он же регулирует соотношение объема выполняемой работы и денежных выплат привезенным рабочим.

Таким образом, по мнению вышеупомянутых исследователей, в сложившейся за последние годы схеме обустройства трудовых мигрантов из Средней Азии (прежде всего узбеков и таджиков) до настоящего времени не сформирован механизм их адаптации к местным условиям. Это не только препятствует цивилизованному развитию рынка рабочей силы, но и пагубно воздействует на взаимоотношения с местными жителями. Серьезность проблемы недооценивается, и в этом видится одна из причин слабой действенности принимаемых мер в сфере регулирования трудовой миграции³.

Описанное поведение азиатских гастарбайтеров воспринимается местными жителями как проявление истинных намерений приезжих: мол, те не хотят общаться, зарабатывают и отбывают восвосяси. Это подтверждает миф об изначальной отличительности азиатов: они-де замкнутые общинники со своими, чуждыми нам законами. Отсюда и неблагоприятный имидж мигрантов, представление о том, что они приехали добиваться благ нечестным путем, увеличивают преступность, везут болезни.

В последние годы изменился и состав мигрантов. Если в предшествующий пе-

¹ Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года по Оренбургской области // Федеральная служба государственной статистики; Оренбургский областной комитет государственной статистики. Оренбург, 2004.

² Результаты мониторинга публикаций СМИ Оренбургской области о состоянии межнациональных, конфессиональных отношений и миграционной ситуации ООО «Этноконсалтинг», рук. иссл. И.В. Савин, А.А. Ярлыкапов. Оренбург, 2007.

³ Там же.

риод большинство из них хорошо знало русский язык, то сегодня многие им не владеют. Это связано с тем, что расширилась география исхода мигрантов. Ведь если раньше в Оренбуржье прибывали трудовые мигранты из столичных областей Узбекистана (Ташкентской, Самаркандской, Наманганской, Бухарской), то сегодня едут молодые люди из самых отдаленных районов Узбекистана (Хивы, Карши) или из Горного Бадахшана Республики Таджикистан, где русский язык в сельских школах давно уже не изучается.

В связи с задачей эффективной адаптации представителей новых для региона этнических групп важной представляется разработка законопроекта об обучении мигрантов русскому языку, а также деятельность общественных организаций, которые создают диаспоры. В Оренбуржье функционирует целый ряд таких организаций. Все они занимаются не только этнокультурными, но и сугубо практическими вопросами, в частности «выбиванием» денег, которые причитаются их соотечественникам, у недобросовестных предпринимателей, помощью тем, кто потерял документы, отправкой тел умерших на родину и т.д.

Руководитель узбекского центра «Бирлик» А.Х. Камалов одной из главных задач своей организации считает обучение гастарбайтеров русскому языку. По его мнению, это повысит их защищенность перед работодателями, а также освободит от произвола бригадиров-узбеков. Большие надежды он возлагает и на принятый в Узбекистане закон, согласно которому по возвращению на родину бригадиры могут быть привлечены к уголовной ответственности за эксплуатацию своих земляков за рубежом.

Иммигранты в условиях финансово-экономического кризиса

Разразившийся финансово-экономический кризис не сразу кардинально по-

влият на миграционные потоки. В апреле 2009 года число прибывших иммигрантов в область даже увеличилось на 7,1%, но к середине года приток прекратился и сохранился баланс между прибывшими и убывшими. Однако впоследствии кризис способствовал уменьшению притока трудовых мигрантов. Если в 2009 году количество иностранных граждан, поставленных на миграционный учет, составляло 7249 человек, то на 1 февраля 2010 года – 4794 человек. Однако, как полагают специалисты, многие трудовые мигранты, опасаясь потерять работу, просто не выезжают на родину. По мнению председателя Оренбургской региональной таджикской НКА Т.М. Баротова, большого оттока трудовых мигрантов не будет. Основная масса таджиков, работающих на стройке, занята в частном секторе. «На государственных предприятиях, стройках, где уже вводится четырехдневная рабочая неделя, таджики не работают». «Частный сектор как строил, так и будет строить, – считает Баротов. – Оренбург – это не Москва и не Питер».

Действительно, массовых увольнений гастарбайтеров в Оренбуржье пока не наблюдается. Количество отъезжающих на родину в связи с новогодними праздниками не носило массового характера. На праздники уезжают те, кто заработал деньги и имеет возможность вернуться обратно, а также те, кто не остается работать зимой. В условиях кризиса одни остаются, чтобы не потерять рабочее место, другие (и таких большинство) – чтобы не тратить заработанные деньги на дорогу. Ведь пересечение границы снова влечет за собой процедуру регистрации, связанной с налоговыми сборами, т.е. достаточно большой для мигранта суммой.

В Оренбуржье иммигранты в условиях финансово-экономического кризиса кардинального влияния на рынок труда не оказывают. На 1 января 2010 года в органах труда и занятости населения области в качестве ищущих работу было

зарегистрировано 18,4 тыс. человек, в том числе 17,1 тыс. безработных. Уровень регистрируемой безработицы составил 1,5% экономического активного населения⁴. Это один из самых низких показателей среди регионов Приволжского федерального округа.

На 2009 год правительством области на основании заявок работодателей были подготовлены предложения о потребности в привлечении иностранных работников в объеме 29600 человек. Однако в связи с экономическим кризисом и напряженной ситуацией на рынке труда для Оренбургской области установлена квота в размере 23216 человек⁵.

Кроме того, областным правительством были приняты меры по стабилизации регионального рынка труда и приоритетному трудоустройству российских граждан. По рекомендации межведомственной трехсторонней комиссии внесены изменения в Соглашение между правительством, профсоюзами и работодателями Оренбургской области «О взаимодействии в сфере социально-трудовых отношений и социальной защиты населения Оренбургской области на 2008–2010 годы» в части установления для всех работодателей при приеме на работу иностранных работников их предельной численности не более 30% от общего количества принимаемых.

В 2009 году было оформлено 10116 разрешений на работу, что составляет 78,4% к аналогичному периоду 2008 года. Наибольшее количество иностранных работников – это граждане Узбекистана (57,6%), Таджикистана (22,6%) и Азербайджана (4,8%). Основными сферами экономики, где используется иностранный труд, являются строительство (73,3%), сельское хозяйство

(11,2%), торговля и общественное питание (5,7%), промышленность (4,9%)⁶.

Реакция местного населения

Прибытие в регион людей другой культуры вызывает неадекватную реакцию местного населения, чувствуется некий социально-культурный дискомфорт между новыми жителями и старожилами. Во многом это происходит потому, что гастарбайтеры не спешат, а зачастую и не хотят интегрироваться в принимающее общество. К старожилам автор относит русских, украинцев, татар, башкир, казахов, чувашей, мордву, немцев и представителей других национальностей, давно проживающих на территории области. Накопленные ими за столетия традиции добрососедства и взаимопонимания способствуют сохранению межкультурного мира и согласия. Что касается представителей новых этнических групп, то можно согласиться со специалистами, которые полагают, что если не принять срочных мер по интеграции и адаптации национальных диаспор, то напряженность в обществе неизбежна.

Социологические опросы, проводимые в последние годы, отражают опасения оренбуржцев, связанные с угрозой террористических актов, усилением наркомании, преступностью, безработицей. При этом 12% опрошенных беспокоит ситуация, создаваемая мигрантами, а 20% – увеличение нерусского населения области. Данные исследований подтверждают, что мифы о якобы имеющемся засилье в Оренбуржье «азиатов» и «кавказцев» по-прежнему характерны для некоторой части населения. В глазах 73% респондентов мигранты представляют большую или некоторую угрозу стабильности в России, 66% считают,

⁴ Социально-экономическое положение Оренбургской области в 2009 году / Федеральная служба государственной статистики. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Оренбургской области. Оренбург, 2009. С. 91.

⁵ Текущий архив Управления Федеральной миграционной службы по Оренбургской области, 2009.

⁶ Там же.

что такая угроза существует и для Оренбуржья⁷. И это при том, что в области по-прежнему превалирует русское население и за межпереписной период, в отличие от ряда регионов, оно увеличилось на 1,6%. Выросла и численность традиционно проживающих в регионе национальностей – татар, казахов⁸.

Помимо определенных предубеждений против новых жителей, имеют место единичные случаи ксенофобии и экстремизма на национальной почве. Антимиграционные настроения в наибольшей степени распространены среди славянского населения: 12% украинцев и 26% русских считают наиболее эффективным средством улучшения межнациональной ситуации в регионе ограничение количества мигрантов⁹. Специалисты полагают, что это вызвано беспокойством вышеназванных этнических групп резким изменением этнокультурного облика региона, поскольку большинство людей не имеют опыта прямого столкновения своих интересов с интересами мигрантов. Тем не менее на вопрос «Есть ли национальность, к представителям которой сами респонденты испытывают недоброжелательное отношение?» в 2005 году утвердительно ответил 41% участников опроса, в 2006 – 34%, в 2009 году – 34,4%. Уровень недоброжелательного отношения к людям другой национальности по своим абсолютным показателям за все годы измерений колеблется в пределах от 33 до 49%. Одной из основных причин существующей напряженности в межнациональных отношениях оренбуржцы считают неуважительное, порой вызывающее поведение приезжих (14,6% оп-

рошенных в 2006 году, 26% – в 2009 году), а также избыточную концентрацию представителей ряда этнических общностей в отдельных сегментах рынка труда, к примеру в сфере торговли. Частично этим, наверное, можно объяснить и то, что 18% оренбуржцев поддерживают утверждение «Россия – для русских», а 23% – полагают, что не следует позволять людям, которые по национальности или расовой принадлежности отличаются от большинства населения России, приезжать и жить в нашей стране. В целом же основная масса населения области (50–60%) сохраняет вполне терпимое отношение к инокультурным группам¹⁰.

Преувеличены слухи среди оренбуржцев и о том, что иммигранты способствуют увеличению преступности. В 2009 году иностранными гражданами совершено лишь 1,5% от общего числа зарегистрированных в Оренбургской области преступлений.

Этнокультурные организации как средство интеграции

Интеграция новых этнических групп в оренбургский социум проходит медленно, нередко наблюдается сегрегация, хотя, как правило, это не относится к тем выходцам с Кавказа или из стран Центральной Азии, которые приехали в регион 30–40 лет назад. Основные проблемы социальной и культурной адаптации связаны с положением в регионе новых жителей.

Если у старожилов преобладающей является гражданская идентичность,

⁷ Отчет «Этноконфессиональные отношения в приграничном регионе» (Оренбургская область, 2006). Выборка квотная, соответствующая генеральной совокупности на территории опроса по признакам: пол, возраст, национальность. Опрошено 500 человек в 5 городах района – май 2006 года. Рук. иссл. Амалин В.В., Шешукова Г.В.

⁸ Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года по Оренбургской области...

⁹ Аналитический отчет «Состояние межнациональных и этноконфессиональных отношений в Оренбуржье в условиях финансово-экономического кризиса». Опрошено 500 человек. Исследованием охвачено 9 административных образований области: 5 городов (Оренбург, Орск, Бугуруслан, Ясный, Соль-Илецк) и 4 сельских района (Красногвардейский, Соль-Илецкий, Асекеевский, Ясенский). В выборку внесены три основные этнические группы Оренбуржья: русские, татары, казахи. Остальные составили группу «другие». Рук. иссл. Амалин В.В., Шешукова Г.В. Оренбург, 2009.

¹⁰ Там же.

то у недавно прибывших – этническая идентичность. Стремление консолидироваться в рамках диаспор, а точнее землячеств, формальных и неформальных сообществ, способствует созданию своей («кавказской», «азиатской») этнокультурной среды, которая частично компенсирует прибывшим дефицит социальных контактов.

Одной из заметных этнических групп в Оренбургской области являются *армяне*. По мнению руководителя армянского общества Г. Саркисяна, в Оренбуржье их проживает 30 тыс., а не 10 тыс., как зафиксировала перепись 2002 года. 80% из них – новые жители, приехавшие в регион в период с 1993 по 1998 год. В основном это беженцы из Нагорного Карабаха и Сумгаита. В настоящее время приток армян в область замедлился и даже наблюдаются, хотя и незначительные, процессы реэмиграции. Парадокс, по мнению Саркисяна, заключается в том, что сегодня в Армении не хватает рабочих рук, и уже из Оренбуржья туда на 2–3 месяца направляются бригады армян-строителей. Они работают по договорам, зарабатывают деньги и возвращаются. По оценкам Саркисяна, до 70% оренбургских армян заняты в строительстве (на частных и государственных фирмах), 20% – в торговле и общепите, 5% – на производстве, 5% – работают юристами, врачами и преподавателями. По его мнению, отношение местных жителей к армянам в последнее время изменилось в лучшую сторону: оренбуржцы «их различают в общей массе кавказцев», и массового негативизма к армянам не наблюдается.

Согласно переписи населения, чуть более 50% армян проживают в городах, прежде всего в Оренбурге (3309 человек), а также в Орске (953 человека) и Бузулуке (491 человек)¹¹. В последние годы наметилась тенденция оттока ар-

мянского населения из городов в сельскую местность. Люди покупают дома, разводят скот. Например, в Оренбургском районе проживают 557 армян, в Тоцком – 410, в Ташлинском – 216 и т.д. До 90% оренбургских армян говорят дома на родном языке. Их дети, родившиеся в Оренбурге, разговорным армянским владеют, но писать на нем не могут. Однако идея открытия воскресной школы по изучению армянского языка не нашла поддержки общины.

В целом армянская община живет достаточно замкнуто. Межэтническое взаимодействие проявляется, как правило, в заключении смешанных браков. Мужчины-армяне женятся на славянках. Вместе с тем редки случаи, когда армянки выходят замуж за мужчин другой национальности.

В Оренбургской области действует Общественный фонд армянской культуры «Терьян». Как и другие подобные организации, он нацелен на содействие в изучении родного языка, сохранение своей этнической культуры, расширение культурных связей с «исторической родиной». Для этого проводятся тематические вечера, научно-практические конференции, например «Армяне в Оренбургском крае». Издана книга с одноименным названием. Фондом выпускалась на русском и армянском языках газета «Арагат». Однако эта работа требует не только финансовых средств, но и подготовленных кадров, хорошо знающих армянский литературный язык. Если с первым проблем не было, то уход бывшего редактора газеты привел к тому, что выпуск ее был прекращен.

Повышению толерантности, укреплению межкультурного диалога способствует открытие Армянского подворья в культурном комплексе «Национальная деревня» г. Оренбурга. В экспозиции, развернутой в этнографическом

¹¹ Национальный состав населения Оренбургской области: статистический сборник // Федеральная служба государственной статистики; Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Оренбургской области. Оренбург, 2004.

музее, представлены предметы быта армян XVII–XX веков, национальные костюмы, музыкальные инструменты, воспроизведены традиционные интерьеры. Есть там и кафе национальной кухни, и винный погребок.

Другой растущей этнической группой, которая постоянно пополняется новыми жителями из числа гастарбайтеров, являются *азербайджанцы*. По оценкам одного из руководителей общества «Азербайджан» З. Аббасова, азербайджанцев в области проживают не 7,8 тыс., как свидетельствуют данные переписи населения 2002 года, а свыше 80 тыс. человек. Оренбургские азербайджанцы в основном работают в торговле и строительстве.

Это наиболее замкнутая диаспора. Ее общение с остальным населением региона ограничивается рамками необходимых деловых и бытовых контактов. В области функционируют пять азербайджанских организаций, созданных за последние пять лет. Между собой они практически не взаимодействуют. Рост численности азербайджанских организаций специалисты связывают с желанием представителей диаспоры получить участок земли в культурном комплексе «Национальная деревня», строительство которой уже закончено. Между тем в г. Орске достаточно активна азербайджанская диаспора, которая вместе с другими национальными организациями получила офис в открывшемся «Доме дружбы народов».

Еще одна группа новых жителей – *корейцы*. По данным переписи 1989 года, корейское население составляло 385 человек¹². В постсоветские годы в результате миграционных процессов оно увеличилось до 1321 человека¹³. Из них 520 человек проживает в городах (в основ-

ном в Оренбурге и Орске), а 801 человек – в селе. Все они граждане России.

По официальным данным, с 1992 по 1997 год в область въехало 276 корейцев¹⁴. Однако эти цифры не отражают действительности, так как не все приезжие регистрируются в миграционной службе. В регионе много сезонных рабочих, которые трудятся по найму в хозяйствах области на выращивании овощной продукции. В летний период их численность достигает 5–6 тыс. человек.

Социальная адаптация и интеграция корейцев в российский социум проходит довольно успешно. В селах они покупают дома и занимаются огородничеством, в городах и районных центрах – работают в здравоохранении, торговле, агропромышленном комплексе.

С 1999 года существует диаспора оренбургских корейцев, созданная с целью сохранения их национальной идентичности, представления интересов и защиты прав членов организации, расширения и укрепления международных связей. Диаспора проводит мероприятия, направленные на поддержание обычаев и традиций российских корейцев (например, отмечает Новый год по Восточному календарю), однако она не имеет тесных контактов с федеральной национально-культурной автономией и не предпринимает усилий в сфере изучения родного языка.

В 2004 году в Оренбурге прошла областная научно-практическая конференция «Проблемы этнической истории и культуры российских корейцев», по итогам которой издан сборник. Для решения проблемы занятости корейского населения была создана ассоциация овощеводов. Руководство общественной корейской организации

¹² Характеристика национального состава населения Оренбургской области. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года // Госкомитет РСФСР. Оренбург, 1990.

¹³ Национальный состав населения Оренбургской области. Статистический отчет. Сборник. Т. I. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Оренбургской области. Оренбург, 2004. С. 21.

¹⁴ *Амелин В.В.* Эмиграция корейцев из Центральной Азии в Россию и иммиграционная политика в Российской Федерации и Оренбуржье. Проблемы этнической истории и культуры российских корейцев. Оренбург, 2005.

подало заявку на участие в строительстве корейского подворья в «Национальной деревне» г. Оренбурга.

Говоря о новых этнических группах, появившихся в Оренбургской области в межпереписной период, нельзя не упомянуть и *турок-месхетинцев*. Их самоназвание связано с местом прежнего проживания – Южной Грузией (частью исторической территории Месхети). В ноябре 1944 года по приказу Сталина они были депортированы в Узбекистан, Казахстан и Киргизию. В советское время турки записывались в паспортах азербайджанцами, носили грузинские фамилии, называли себя «месхетинскими турками», «месхами», «ахалцихскими турками». В 1989 году в Узбекистане их проживало 106 тыс. человек, из них 16 тыс. – в Ферганской области¹⁵. В результате межэтнического конфликта из Узбекистана в регионы России было эвакуировано 16,2 тыс. человек, в том числе и в Оренбургскую область¹⁶. По переписи 2002 года в Оренбуржье проживают 1119 турок, подавляющее большинство из них – в сельской местности. Есть села, где турецкое население преобладает.

Так, например, в Беляевском районе основная масса турок-месхетинцев появилась после трагических ферганских событий 1989 года. В п. Карагач приехало около 40 семей. Власть и местное население встретили их доброжелательно. Им были выделены пустующие дома на одной из улиц поселка, предоставлена работа водителей, механизаторов и растениеводов. Сегодня в поселке проживает 1100 человек, в том числе 280 турок-месхетинцев (остальные жители – 50% русских и 50% казахов). Турки заключают браки только с представителями своей этнической группы. В каждой семье по 3–4 ребенка.

Заведующий сельским домом культуры Собир Амриев говорит, что он не

в обиде на узбеков, по вине которых его семья оказалась в России. Целый народ нельзя обвинять в произошедшем. Собир благодарен русским, которые их приютили, помогли получить образование. Сам он окончил Оренбургское музыкально-педагогическое училище, его трое детей ходят в детский сад и школу. Вместе с односельчанами он несколько раз представлял культуру своего народа на межрегиональных праздниках в райцентре Беляевка.

Говоря об отношении местного населения к туркам, можно утверждать, что оно вполне лояльное. На это есть несколько причин. Турки – такие же граждане России, как и другие односельчане. Вместе они пережили развал СССР, первые постсоветские годы «дикого рынка». По отзыву одного из старожилов, «турки живут не лучше, но и не хуже других односельчан, не пьют и много работают».

Таким образом, на вопрос о том, нужны ли сегодня иммигранты Оренбуржью, можно дать утвердительный ответ. Хотя бы потому, что даже в условиях финансово-экономического кризиса, на фоне увеличивающейся безработицы в регионе по-прежнему остаются незаполненными вакансии рабочих специальностей. Однако необходимо создавать условия для адаптации иммигрантов и их успешной интеграции в российский социум, изменять отношение принимающего населения к новым жителям, преодолевать негативное восприятие культурных различий. В свою очередь, этнические иммигранты не должны превращать свои национально-культурные объединения в замкнутые организации, так как сегрегация, самоизоляция, поддержание собственной «инаковости» лишь усиливают их общественное неприятие.

¹⁵ Амелин В.В. Конфликты через призму местных сообществ. Оренбург, 2007. С. 12.

¹⁶ Хотя формирование турецко-месхетинской диаспоры в Оренбуржье началось раньше: перепись 1989 года, проведенная в январе, т.е. до ферганских событий, зафиксировала в области 26 турок.

Понятие «этническое меньшинство» в латвийской социологии 1991–2009 годов

Понятие «этническое (национальное) меньшинство» принадлежит к тем научным терминам, без которых немыслима латвийская социология в период восстановленной национальной государственности с 1991 года. Такой интерес социологов объясняется этнополитической реальностью: Латвия исторически сложилась как этнически многообразное общество. В 2009 году из 2,3 млн латвийцев на долю латышей приходилось 59,2%, русских – 28%, а других этнических групп (белорусов, украинцев, литовцев, поляков, евреев и др.) – 12,8%.

Некоторые характеристики этнических меньшинств Латвии

Этнические меньшинства – важнейшая составляющая современного латвийского общества. Согласно Закону ЛР «О Всеобщей конвенции по защите национальных меньшинств» (2005) термин «этническое (национальное) меньшинство» относится как к гражданам, так и негражданам Латвии, «поколения которых традиционно жили в Латвии, рассматривающим себя частью латвийского общества и государства, но по культурным, религиозным или языковым особенностям отличающимся от латышей, стремящимся сохранить и развить свою культуру, религию или язык¹.

Владислав Викторович Волков,
доктор социологии, ассоциированный профессор Даугавпилсского Университета (Латвия)

¹ Likums «Par Vispārējo konvenciju par nacionālo minoritāšu aizsardzību» (2005)
[<http://www.politika.lv/index.php?id=4119>].

Понятие «этническое меньшинство» или близкие ему по смыслу термины присутствуют во всех правовых документах Латвии, регулирующих вопросы этнополитики. Это и несколько редакций Закона «О государственном языке» (1989, 1992, 1999, 2001), Закона «О свободном развитии национальных и этнических групп Латвии и праве на культурную автономию» (1991, 1994), и Закон «О гражданстве» (1994), а также Государственная программа интеграции латвийского общества (2001). Причем потребность в правовом оформлении понятия «этническое меньшинство» осознавалась в Латвии еще до восстановления страной независимости: Закон «О свободном развитии национальных и этнических групп Латвии и праве на культурную автономию» был принят еще в марте 1991 года. Мировое сообщество позитивно отнеслось к наличию подобных норм в законодательстве Латвии, когда ставился вопрос о признании ее независимым государством в августе 1991 года.

Несомненно, нормативное содержание понятия «этническое меньшинство» не способно охватить все многообразие поведения, сознания и социальных притязаний не доминирующих этнических групп в национальном государстве. Однако международное законодательство и нормативные документы Латвийской Республики, регулирующие межэтнические отношения, именно это понятие рассматривают как наиболее приемлемую форму легитимации различий тех этнических групп, которые не являются государствообразующими.

Интерес латвийских социологов, а также представителей других гуманитарных и социальных наук к анализу особенностей поведения и сознания этнических меньшинств Латвии закономерен. В ее населении доля нелатышей была весомой и в годы независимости (1918–1940), и в советские времена,

и в восстановленной Латвийской Республике (с 1991 года). Вместе с тем период восстановленной независимости характеризуется следующими особенностями:

- сокращением абсолютной численности и доли крупнейших этнических меньшинств при некотором абсолютном сокращении латышского населения, но увеличении его удельного веса в совокупном населении Латвии;

- выделением в реальном многообразии этнических меньшинств русской этнической группы, численность которой в 2008 году составляла 636,8 тыс. человек, или 28% (эта доля в 2,2 раза превосходит удельный вес всех остальных этнических меньшинств вместе взятых).

В некоторых крупнейших городах страны доля русского населения даже выше, чем в среднем по Латвии. Так, в 2008 году русские составляли 41,7% всех жителей Риги, 53,2% – Даугавпилса, 48,1% – Резекне, 35,7% – Юрмалы и 32,6% – Лиепай. Можно даже утверждать, что этносоциологические исследования в Латвии самым непосредственным образом стимулированы этой особенностью ее структуры этнических меньшинств.

Русские, как и латыши, характеризуются устойчивыми потребностями в воспроизводстве собственной этничности уже на уровне семьи. Как и латыши, они предпочитают заключать этнически однородные браки, в то время как латвийские белорусы, украинцы, поляки, литовцы и евреи в подавляющем большинстве случаев ориентированы на заключение этнически гетерогенных браков².

Почти два десятилетия, приходящихся на период восстановленной независимости Латвии, – это неоднозначный исторический промежуток времени для особенностей динамики идентичности этнических меньшинств, и прежде всего

² Datubāzes 2009 [http://www.csb.lv/csp/content/?cat=355].

русского населения. За это время наблюдались как процессы снижения интереса латвийских русских к актуализации собственной этнической идентичности, так и ее усиления. Можно сказать, что в массовом общественном сознании русского населения с 1991 года до начала 2000-х годов более отчетливо проявлялась тенденция к снижению интереса к собственной идентичности, а в 2000-е годы – к повышению ее роли. Это, в частности, можно продемонстрировать на данных официальной статистики о выборе родителями школ с русским, латышским языком обучения или же смешанных латышско-русских школ для первоклассников. С 1992 по 2001 год количество первоклассников в школах с русским языком обучения постоянно снижалось – с 30503 до 13954. С 2002 года отмечен рост этого показателя, и в 2008 году он составил уже 18448.

Очевидно, что на усиление этой тенденции оказывает влияние не только рост этнического самосознания русского меньшинства, но и общие особенности развития явления, которое нередко называют «русский мир». В частности, русский язык, не будучи официальным, занимает значительное место в общественной жизни Латвии как важнейшее средство неформальной коммуникации и язык преподавания в большой доле частных высших учебных заведений страны. Среди иностранных языков, которые преподаются в латвийских школах, русский – второй по значимости после английского и существенно опережает немецкий язык. В 2008/2009 учебном году английский изучали 208,1 тыс. латвийских школьников, русский – 92,3 тыс., а немецкий – 32,5 тыс. С 2001 года в Латвии стабилизируется количество выпускаемых книг и брошюр на русском языке (в среднем

130 тыс. экземпляров в год). В 1990-е годы этот показатель постоянно снижался – с 6,28 млн экземпляров в 1991 году до 175 тыс. в 2000 году³.

За годы восстановленной Латвийской Республики русские в отличие от других этнических меньшинств смогли создать на основе своего родного языка социально-культурную инфраструктуру. Русский язык, единственный из всех языков этнических меньшинств Латвии, формирует значительную часть коммуникации в публичном пространстве страны. Такая социально-культурная инфраструктура включает в себя широкое распространение русского языка в сфере предпринимательства, частного образования (включая и высшее), развлечений и в средствах массовой информации. На русском языке функционирует и часть профессиональной культуры Латвии (например, старейший за пределами России Рижский русский драматический театр им. М. Чехова), публикуются научные труды и т.д. Русский язык выступает средством ассимиляции значительной части представителей других этнических меньшинств, что и формирует такое явление, как «русскоязычное население». Сохранение социальных функций русского языка в общественной жизни Латвии и даже придание ему официального статуса становится целью политических объединений, таких как «Центр Согласия» и «За права человека в единой Латвии».

На сайте «Русский мир Латвии» дается информация о 88 русских общественных организациях и их филиалах в Латвийской Республике⁴. Почти половина из них ориентирована на просветительскую, культурную деятельность, защиту и пропаганду ценностей гражданского общества. Вторым по степени популярности выступает формирование многопрофильных русских неправительств-

³ Demografija 2008. – Rīga: LR Centralā statistikas pārvalde. 2008. P. 33–34, 38; Datubāzes. [http://www.csb.lv/csp/events/?mode= arh&perio d=01.2009 &cc_cat=256&id=8774 2009].

⁴ Русский мир Латвии [http://www.russkijmir.lv/spisok.html].

венных организаций, координирующих деятельность русского этнического меньшинства в самых разных сферах общественной жизни. Наиболее крупные из них – Русская община Латвии, Русское общество в Латвии, Объединенный конгресс русских общин, Совет общественных организаций Латвии. Эти организации сформировали филиалы во многих латвийских городах. Именно в рамках этих НПО происходит постоянное обсуждение общественно-политической жизни Латвии, а также места в ней русского меньшинства.

Русские неправительственные организации тесно взаимосвязаны с политическими партиями и объединениями, артикулирующими особые интересы русского меньшинства («Центр Согласия» и «За права человека в единой Латвии»). История формирования Сейма (парламента Латвии) с начала восстановления государственной независимости говорит об очень высокой степени политической мобилизации русского меньшинства. Так, если в 1918–1940 годах «русские» партии получали в Сейме 5–6% депутатских мест при удельном весе русского населения примерно 10%, то в 1990–2000-х годах политические объединения и партии, выдвигающие в своих программах лозунги защиты специфических интересов русского и других меньшинств занимают 20–25% мест, что соответствует удельному весу избирателей из групп этнических меньшинств среди всех граждан Латвии⁵.

Часть латышского политического класса прагматично расценила устойчивый процесс политической мобилизации этнических меньшинств, прежде всего русских, как появление возможного политического партнера. Муниципальные выборы мэра Риги в 2009 году привели к власти в столице Н. Ушакова, которого поддержали политические

объединения «Центр согласия» (за него голосуют в основном русскоязычные избиратели) и «Латвийская первая партия – Латвийский путь» (латышские либеральные партии).

Не только русские, но и другие этнические меньшинства Латвии постепенно осознают свою культурную идентичность. Наиболее ярко потребность в ее сохранении проявляется в учреждении национальных школ. Так, в Риге на начало 2010 года кроме школ с латышским языком обучения работало 50 русских школ, а также шесть других национальных школ – средние литовская (320 учеников), польская (280 учеников), эстонская (174 ученика), украинская (221 ученик), еврейская (200 учеников) и основная белорусская (110 учеников)⁶.

Междисциплинарный характер понятия

«ЭТНИЧЕСКОЕ МЕНЬШИНСТВО»

Латвийская социология заимствует понятие «этническое меньшинство» из трудов представителей западной этносоциологической мысли. Это понятие характеризует этнические группы, постоянно проживающие на территории определенной страны и государства, но отличающиеся от этнического большинства населения. При этом для западной социологии характерно наличие двух основных смыслов в использовании понятия «этническое меньшинство».

С одной стороны, социологи подчеркивают отличия между этническим большинством населения страны и этническими меньшинствами как отличия в происхождении, культуре, историческом развитии, языке, религии и поведении. В этом случае понятие «этническое меньшинство» нередко заменяется понятием «этническая группа». Так, оксфордское издание 2005 года «Словаря по социологии» трактует

⁵ *Volkovs V. Krievi Latvijā // Mazākumtautības Latvijā. Vēsture un tagadne. Rīga: LU FSI, 2007. P. 128–131.*

⁶ *Загоровская К. Оставаться собой. Час. 2010. 9 февраля.*

этническую группу как «группу людей, которая характеризует себя или же характеризуется другими как разделяющая общие особенности, что и отличает эту группу от других этнических групп и проявляется в ее поведении»⁷. Из такого определения следует, что культурные и иные характеристики этнических меньшинств (этнических групп) хотя и отличаются от культуры этнического большинства, но при этом не являются менее ценными.

С другой стороны, западная социология справедливо отмечает многочисленные факты неравного распределения социального капитала между этническим большинством и этническими меньшинствами в современных (и постсовременных) обществах. Этнические группы, так же как и социальные классы, формируют сложную систему социальной стратификации и социального неравенства⁸. Поэтому оказывается востребованным и такое понимание социальной сущности этнических меньшинств, как результата притеснения или же стигматизации, в основе которых лежат «расовые, этнические, биологические или иные характеристики»⁹.

Существенное влияние на формирование социологической интерпретации понятия «этническое меньшинство» оказали труды латвийских социолингвистов. Причем именно социолингвистика предложила первое научное определение этого понятия в латвийских гуманитарных науках в начале 1990-х годов. С точки зрения социолингвистики под этническим меньшинством следует понимать «социальную группу, которая в определенный период нахо-

дится в субординированном положении в общественной жизни»¹⁰.

Такое понимание этнических меньшинств связано с тем, что социолингвистика придерживается принципа неравенства (субординации) социальных функций государственного языка и языков этнических меньшинств на территории Латвии в условиях возрождения национального государства. Этот принцип предполагает, что государственный язык и языки этнических меньшинств характеризуются различными социальными функциями в государственной, общественной и частной жизни.

Политология сформировала наиболее распространенный и разработанный дискурс осмысления понятия «этническое меньшинство». Для него характерны научные обобщения, установление взаимосвязей понятия «этническое меньшинство» с такими фундаментальными понятиями, как «латвийская нация», «латышское национальное государство», «мультикультурное общество», «демократия», «права человека», «права меньшинств», «интеграция общества» и т.д.¹¹

Определения понятия «этническое меньшинство» схожи с теми, которые приняты в латвийской социолингвистике. Однако в них в меньшей степени выделяется момент неравенства и субординированного социального положения этнических меньшинств по сравнению с латвийской нацией. В основном отмечают культурные различий между этническим меньшинством и нацией¹². В рамках политологии встречаются представления о Латвии в духе мультикультурализма, как

⁷ Ethnic group // A Dictionary of Sociology. Oxford, 2005. P. 197.

⁸ Смелзер Н. Социология (пер. с англ.). М.: Феникс, 1994. С. 304–327.

⁹ Minority group // A Dictionary of Sociology. Oxford, 2005. P. 415.

¹⁰ Druviete I. Latvijas valodas politika Eiropas Savienības kontekstā. Rīga: LU Latviešu valodas institūts, 1998. P. 47; Skujiņa V. Valsts valodas izpratne Baltijas valstu kontekstā // Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis. 1992. Nr. 1. P. 23.

¹¹ Apine I., Vēbers E. Demokrātija un etnopolitika // Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis. 1992. Nr. 10. P. 1.

¹² Dribins L. Etniskās un nacionālās minoritātes Eiropā. Rīga: Eiropas Padomes informācijas birojs, 2004. P. 11; Apine I. Latvijas minoritātes integrācijas procesa kontekstā // Nacionālā politika Baltijas valstīs (E.Vēbera un R. Kārklīņas red.). Rīga: Zinātne, 1995. P. 66.

о «мультикультурной многообщинной стране, в развитии которой на разных этапах истории доминировали различные общины»¹³. Или же говорится о «политической представительности этнических групп»¹⁴. Правда, эти идеи не получили развернутого освещения в политологических исследованиях 1990–2000-х годов.

Политология опробовала понятие «меняющаяся идентичность» к объяснению особенностей латвийских этнических меньшинств. Причем в таком контексте предложено рассматривать «меньшинство» как ценностную категорию, которая противопоставляется «нормальности», «конформности», «универсальности»¹⁵. Меняющаяся идентичность меньшинств приводит и к коррекции набора этнодифференцирующих признаков. Если в 1990-е годы ученые называли в качестве таковых язык, этническое происхождение, культуру и традиции, то в 2000-е годы все чаще стали говорить о том, что этнические границы между группами в Латвии создает и различная интерпретация истории Латвии и исторической родины этих меньшинств¹⁶.

В рамках *правоведения*, как ни в какой иной научной дисциплине, рассматривающей проблематику этнических меньшинств Латвии, наиболее последовательно проводится либеральный подход в отношении прав представителей этих групп населения. Правоведы считают, что права этнических меньшинств выступают проявлением индивидуаль-

ных прав человека, тем самым косвенно выступают против претензий приверженцев мультикультурализма дополнить либеральную этнополитику «политикой признания»¹⁷.

Латвийская *демографическая* наука использует понятие «этническая группа», не делая различий в правовом статусе ее представителей. Тем самым в рамках этого подхода не показываются различия понятий «этническое меньшинство» и «этническая группа»¹⁸. В этом смысле демографы говорят о наличии в Латвии «двух численно больших национальностей, которые интенсивно ассимилируют меньшинства». Поэтому в демографии встречается иное, чем в политологии и истории, структурирование этнического пространства¹⁹.

Социологическая интерпретация понятия «этническое меньшинство»

Латвийские социологи рассматривают понятие «этническое меньшинство» как частное проявление понятия «этническая группа», отражающее свойства коллективного субъекта этнического сознания, культуры и поведения. Для этого подхода характерно акцентирование внимания именно на различиях в ментальности и поведении латышей и представителей этнических меньшинств по отношению к утвердившимся в обществе латышским национальным ценностям.

Понятие «этническое меньшинство» применительно к ситуации в Латвий-

¹³ Kļockins Ā. Nacionālā politika Latvijā // Nacionālās attiecības un nacionālā politika Latvijā. Domas un vertējumi. Latvijas inteliģences apvienības XIX konference. Rīga: Latvijas inteliģences apvienība, 1998. P. 19–20.

¹⁴ Muižnieks N. (red.) Latvija. Pārskats par tautas attīstību. Rīga: UNDP, 1995. P. 22–23.

¹⁵ Rozenvalds J. Identity Changes and Interaction in Latvia: Europeanization and/or EU-ization // Politikas zinātne. Identitātes maiņa, parkļāšanās un mijiedarbība. Rīga: LU raksti. 680. sējums. 2005. P. 45.

¹⁶ Dribins L. Latvijas vēstures faktors sabiedrības integrācijas procesā // Pretestība sabiedrības integrācijai: cēloņi un sekas. Rakstu krājums. (L. Dribina un A. Špitņikova red.). Rīga: LU Filozofijas un socioloģijas institūts, 2007. P. 45.

¹⁷ Ziemele I. (red.) Mazākumgrupu (minoritāšu) integrācijas aspekti Latvijā. Rīga: LU Juridiskās fakultātes Cilvēktiesību institūts, 2001. P. 33.

¹⁸ Zarina J. Jaundzimušo rīdzinieku pataloģijas biežums saistībā ar māmiņu sociāldemogrāfisko raksturojumu // Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis. 1993. Nr. 1. P. 14–15; Eglīte P. Latvijas izglītības potenciāla paredzamās pārmaiņas iedzīvotāju sastāvā ietekmē // Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis. 1994. Nr. 7/8. P. 6.

¹⁹ Ezera L., Zvidriņš P. Etniskās asimilācijas izpēte Latvijā // Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis. 1994. Nr. 11/12. P. 32–34.

ской Республике связывается с понятием «латвийская нация». Абсолютное большинство публикаций трактует эту связь исходя из либеральных представлений о современной нации как «гражданской общности», которая создает демократическое национальное государство и в свою очередь активно формируется им. Поэтому гражданская нация противопоставляется «этнической, культурной общности», характерной для традиционного типа обществ²⁰. Этническое меньшинство выступает именно такой этнической группой в современной гражданской нации, которая считает общегражданскую идентичность базовой, а «свою» этнокультурную идентичность – дополнительной по отношению к общегражданской идентичности.

В то же время на утверждение либерального прочтения понятия «этническое меньшинство» в латвийской социологии 1991–2009 годов важнейшее влияние оказывает исторический, политический и этнодемографический контекст, в котором происходит восстановление латвийской нации. Сложность этого процесса обусловлена тем, что в условиях инкорпорации Латвии в состав СССР и массовой миграции в основном представителей восточнославянских народов сформировалась большая русскоязычная община. При этом часть ее представителей полагает, что необходимо законодательно

закрепить права латвийских русских (или русскоязычных) как «странообразующей общины»²¹. Однако в латышском сознании в отношении таких политических проектов существует консенсус: подобное признание политических прав русской общины закрепляет общинный раскол Латвии²². Именно поэтому многие латвийские ученые в качестве базового элемента в связке «этническое меньшинство» нередко рассматривают понятие «этническое»²³. В таком случае понятие «этническое меньшинство», которое распространяется на «численно небольшие этнические группы с ярко выраженной идентичностью», вовсе не противопоставлено понятию «латвийская нация»²⁴.

Обращение к трудам латвийских социологов, а также представителей других научных дисциплин, изучающих этнические меньшинства страны, показывает, что в их анализе появляются следующие тенденции:

- наиболее оптимальной моделью латвийской нации выступает вариант «латыши + этнические меньшинства»;
- постепенно признается значимость понятия «этническое меньшинство» не только при анализе политического пространства в Латвии, но и при изучении особенностей экономической жизни, социальной стратификации, информационного пространства и сетей социальной коммуникации.

²⁰ *Levits E.* Valstnācija un kultūrnācija – franču un vācu nācijas vēsturiskie modeļi // *Pilsoniskā apziņa* (E. Vēbera red.). Rīga: LU Filozofijas un socioloģijas institūts, Etnisko pētījumu centrs, 1998. P. 79; *Dribins L.* Nacionālās valsts un minoritātes kā Eiropas un arī Latvijas problēma // *Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis*. 1995. Nr. 5/6. P. 39; *Pabriks A.* Komunitārisma un individuālisma vērtību ietekme uz politiskās nācijas veidošanos Latvijā // *Pilsoniskā apziņa* (E. Vēbera red.). Rīga: LU Filozofijas un socioloģijas institūts, Etnisko pētījumu centrs, 1998. P. 104–105; *Vēbers E.* Latvijas valsts un etniskās minoritātes. Rīga: LZA Filozofijas un socioloģijas institūts, 1997. P. 8.

²¹ *Гущин В.* Русские в Латвии: диаспора, национальное меньшинство или странобразующая община // *Российские вести*. 2008. 9–16 апреля.

²² *Birkavs V.* The Government and Society: the Problem of Legitimicy in the Context of Transition // *Ceļā uz demokrātiju: Latvija un pasaules pieredze* (E. Semaņa red.). Rīga: Latvijas Universitāte, 1994. P. 5.

²³ *Dribins L.* Nacionālās politikas trīs modeļi // *Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis*. 1998. Nr. 1/2. P. 7; *Иванов А.* Выживание этнической идентичности в инациональной среде (теоретический подход и частный пример ситуации в Даугавпилсе) // *Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis*. 1993. Nr. 5. P. 44–45.

²⁴ *Zepa B.* Sabiedriskā doma pārējas periodā Latvijā: latviešu un cittautiešu uzskatu dinamika (1989–1992) // *Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis*. 1992. Nr. 10. P. 26; *Lahis P.* Nacionālās kultūras identitāte un multikultūras sabiedrība // *Integrācija un etnopolitika* (E. Vēbera red.). Rīga: LU Filozofijas un socioloģijas institūts, 2000. P. 387.

В работах латвийских социологов, которые изучали этническое многообразие страны с 1991 года, можно выделить две основные объяснительные модели для интерпретации понятия «этническое меньшинство»:

- этническое меньшинство понимается как субординированная социокультурная группа (явное влияние латвийской социолингвистики). Этот подход выражал нормативные представления о латвийской нации, которым «не соответствует» этническая реальность Латвии, сложившаяся еще во времена СССР. Такое понимание было характерно в основном для 1990-х годов, когда шел активный процесс восстановления национальной государственности. Именно в этот период в Латвии принимается комплекс законов (связанных с институтом гражданства, в языковой и образовательных сферах), направленных на развитие институтов национального государства в мультикультурной среде;

- в 2000-е годы происходит постепенный отход от нормативных представлений 1990-х годов. Сейчас все активнее этнические меньшинства Латвии стали интерпретироваться как этнические группы, выражающие и формирующие мультикультурную специфику общества.

Так, в 1990-е годы основным контекстом раскрытия понятия «этническое меньшинство» были такие темы, как:

- отличия сознания и общественных практик представителей этнических меньшинств от сознания и социального поведения латышей;

- неравномерная степень развитости этнической идентичности у различных этнических меньшинств;

- различия в ценностных ориентациях представителей этнических меньшинств в латышской культурной среде;

- перспективы и проблемы становления политической нации в многоэтнической среде Латвии;

- политическая дистанция между латышами и представителями других этнических групп и т.д.

Для латвийской социологии 1990-х годов характерны исследования, в которых проводится четкая методологическая граница между понятиями «этническое меньшинство» и «этническая группа». Первое оказывается более предпочтительным, так как оно четко очерчивает ожидаемое и социально одобряемое поведение представителей нелатышских групп населения²⁵.

Однако, несмотря на доминирование в латвийской социологии 1990-х годов нормативной модели понятия «этническое меньшинство», встречаются и такие работы, в которых чувствуется заметное дистанцирование от нее. Были попытки рассмотреть латвийское общество как объединение двух этнических общин – латышей и русских. Так, исследование Г. Кениньша (Кинга), Дж. Тэд Барнова и С. Баньковской «Индивидуальные ценности руководящих русскоязычных работников в Латвии» (1992) показывает, что в латвийской предпринимательской культуре ценности латышей и русской этнической группы существуют автономно друг от друга. Его авторы считали важным формирование общих ценностей латвийской предпринимательской культуры на основе сотрудничества руководителей предприятий – как латышей, так и русских (русскоязычных)²⁶. Фактически это исследование реализовывало представление

²⁵ Zepa B., Kārklīņa R. Latvija un Eiropa: konkurējošas un saskanīgas identitātes // Nacionālā politika Baltijas valstīs (E. Vēbera un R. Kārklīņa red.). Rīga: Zinātne, 1995. P. 43; Vilciņš T. Attieksme pret zinātņi un zinātņiekiem Latvijā izmaiņas 1965–1990. gadā // Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis. 1992. Nr. 3. P. 37; Rungule R. Olaines dažādu tautību iedzīvotāju attieksme pret dzīvesveidi savā pilsētā // Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis. 1992. Nr. 10. P. 28.

²⁶ Keņiņš G.J. (Kings), Tēds Bārnovs Dž., Baņkovska S. Krievvalodīgo vadoso darbinieku individuālās vērtības Latvijā // Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis. 1995. Nr. 1/2. P. 15.

о латвийском обществе как многооб- щинном мультикультурном образова- нии.

В 2000-е годы происходят некоторые изменения в социологической интер- претации понятия «этническое мень- шинство». Все чаще звучит идея о том, что сама по себе принадлежность нела- тышей к этническим меньшинствам во- все не гарантирует целостности латвий- ской нации²⁷.

В это время апробируются новые идеи, связанные с более пристальным изучением реального многообразия этнической жизни в Латвии. Напри- мер, в анализе места русского этниче- ского меньшинства все чаще употреб- ляется понятие «большая языковая община», которая, как и латышская языковая общность, формирует свой этнополитический дискурс²⁸. А. Та- бунс и Н. Муйжниекс полагают, что необходимо рассматривать социаль- ное положение этнических мень- шинств в контексте «обеспечения эт- нического равноправия». Ученые считают важным «пересмотреть поня- тие этнической культуры, включив в него также различные проявления современной культуры, а также прин- цип взаимосвязи культур»²⁹.

В условиях относительной переоцен- ки значения понятия «этническое мень- шинство» с целью показать интеграци- онную перспективу латвийской нации социологи все чаще обращаются к более широкому контексту анализа этниче- ской реальности в Латвии – идеологии этнополитики государства, а также

к идейным построениям, которые при- сутствуют в общественном сознании. Наиболее часто рассматриваемые идео- логии – либерализм, мультикультура- лизм, национализм³⁰.

Латвийских социологов привлекают специфические проблемы этнических меньшинств страны. Правда, в основном это касается ученых – представителей самих этнических меньшинств. К такой актуальной проблеме относится значи- тельная доля неграждан Латвийской Ре- спублики. В. Макаров и А. Димитров в 2009 году провели исследование, в ко- тором рассмотрели возможность при- своения этой категории латвийских жи- телей права избирать органы власти в самоуправлениях³¹.

Часть исследователей обратила вни- мание на недопустимость схематизма в понимании латвийского общества. М. Голубева и И. Иябс критически оце- нили популярную установку значитель- ной части общественно-политического сознания, сводящего сложный характер этнического многообразия Латвии ис- ключительно к «латышским» и «рус- ским» интересам и ценностям.

Такой схематизм преодолевается тем, что динамика интересов и поведения эт- нических меньшинств рассматривается как свидетельство усложнения самого гражданского общества. Это прежде всего касается анализа статуса русского языка в Латвии как языка крупнейшего этнического меньшинства. М. Голубева и И. Иябс в своем исследовании как раз и рассматривают русский язык в Лат- вии не как источник фундаментальных

²⁷ Kruks S., Šulmane I. Pilsoniskās sabiedrības attīstība un sabiedrības integrācija. Rīga: LU Komunikācijas studiju nodaļa, 2002. P. 7; Tabuns A. (red.) Kultūras. Jaunieši. Mediji. Rīga: LU Sociālo zinātņu fakultāte, 2006. P. 56; Šņitņikovs A. Ievads. Valsts, etnicitātes un pilsoniskās sabiedrības mijiedarbība integrācijas procesā // Pretestība sabiedrības integrācijai: cēloņi un sekas. Rakstu krājums. (L. Dribina un A. Šņitņikova red.). Rīga: LU Filozofijas un socioloģijas institūts, 2007. P. 10.

²⁸ Kļāve E. Kritiska diskursa analīzes lietojums etnopolitisko diskursu izpētē // Latvijas Universitātes raksti. 714. sējums. Socioloģija, 2007.

²⁹ Muiznieks N., Tabuns A. (red.) Nacionālo minoritāšu konvencija – diskriminācijas novēršana un identitātes saglabāšana Latvijā. Rīga: LU Akadēmiskais apgads, 2007. P. 17, 51–52.

³⁰ Zepa B. «Nacionālisma» konstruēšana Latvijas integrācijas politikā // Latvijas Universitātes raksti. 714. sējums. Socioloģija. 2007. P. 44.

³¹ Makarovs V., Dimitrovs A. Latvijas nepilsoņi un balsstiesības: kompromisi un risinājumi (2009) [http://www.politika.lv/temas/sabiedrības_integrācija/17591/].

угроз латышскому языку, а как средство общения русского меньшинства, использование которого также способствует актуализации демократических ценностей, увеличивает возможности политического участия³².

Латвийские социологи все чаще полагают, что сам по себе статус этнического меньшинства в демократическом государстве вовсе не предполагает различий в социальных возможностях представителей меньшинств по сравнению с титульной нацией. Так в исследовании 2008–2009 годов «Разделенное образование – разделенные граждане», проведенном в рамках международного проекта Сети центров образовательной политики (Network of Education Policy Centers), Л. Цурика показывает уровень неудовлетворенности содержанием школьной программы по гуманитарным дисциплинам среди преподавателей и учащихся школ с русским языком обучения. В этом исследовании ярко выражен мультикультурный подход к интерпретации понятия «этническое меньшинство». Этнические группы понимаются как равноправные участники межэтнического диалога. Л. Цурика, касаясь различий в интерпретации истории русскими и латышскими учителями и школьниками, делает вывод о необходимости стимулировать «дискуссию по спорным вопросам истории, чтобы совместно прийти к такой интерпретации, которую воспринимали бы как справедливую обе этнические группы»³³.

Мультикультурный подход, рассматривающий применение категории «этническое меньшинство» как признание равноправия этнических групп в многоэтническом национальном государстве, характерен для исследования 2008 года «Вызов гражданскому участию». Его авторы считают, что для гражданского общества крайне важно создать условия в публичном пространстве для такого диалога, который учитывал бы интересы различных групп общества, в том числе меньшинств³⁴.

В целом для современного этапа этносоциологических исследований в Латвии все более характерны мультикультурные представления. Однако только в настоящее время разворачиваются дискуссии о приемлемости мультикультурных моделей для общественно-политического устройства латвийского национального государства. Пока и в общественном сознании, и в гуманитарных научных исследованиях доминирует идея «интеграции латвийского общества», которая оказывает значительное влияние на понимание характера взаимоотношений латвийской нации и этнических меньшинств. Однако в латвийском социологическом сообществе все заметнее проявляется стремление дополнить этот «интеграционный» подход в понимании этнических меньшинств идеями, представленными в разных вариантах западного либерализма и мультикультурализма.

³² Golubeva M., Ijabs I. Konsolidējot pilsoniskās sabiedrības dienaskārtību (2009) [http://www.politika.lv/temas/sabiedrības_integrācija/17682/]. P. 1–2, 6, 13.

³³ Curika L. Dalīta izglītība – dalīti pilsoņi? Sabiedriskās politikas centrs PROVIDUS (2009) [http://www.politika.lv/temas/sabiedrības_integrācija/17312/]. P. 18–19.

³⁴ Golubeva M., Rožukalne A., Kazoka I., Curika L., Ārnesta I., Herca M., Buševa T., Jermaks M., Mardaņa Ī. Izaicinājums pilsoniskajai līdzdalībai. 2008. gada gala ziņojums (2009) [http://www.politika.lv/temas/pilsoniska_sabiedriba/17058/]. P. 3–4, 34.

Идеология «особого пути» в России и Германии

20 ноября 2009 года в рамках Дней толерантности в Санкт-Петербурге состоялись Шестые Старовойтовские чтения. На этот раз они прошли в формате российско-германской конференции на тему: «Идеология “особого пути” в России и Германии: истоки, содержание, последствия». Чтения были организованы московским офисом Института Кеннана совместно с московским бюро Фонда Фридриха Науманна, Всероссийской государственной библиотекой иностранной литературы им. М.И. Рудомино и Благотворительным фондом «Институт толерантности».

Все предыдущие Старовойтовские чтения были посвящены одной из двух тем, которые разрабатывала Г.В. Старовойтова, – межэтническим отношениям или правам человека. На сей раз участники конференции сосредоточились на анализе причин устойчивости тоталитарных традиций в российском обществе и путей их преодоления. Основой же для такого анализа послужило сравнение двух тоталитарных идеологий – национал-социализма и сталинизма. Эта тематика в полной мере отражала пафос деятельности Галины Васильевны Старовойтовой как ученого и политика.

Впрочем, сравнение двух тоталитарных идеологий – это важный, но не единственный аспект конференции, теме которой ее организаторы трактовали шире, как по историческим рамкам, так и по предмету анализа. Идеология «особого пути» зародилась задолго до появления тоталитарных режимов в Германии и России и, как показывает практика двух тоталитарных идеологий, может сохраниться в той или иной мере после падения таких режимов.

Основными на конференции были следующие сюжеты:

- социально-культурные и политические предпосылки зарождения, воспроизводства и заимствования идеи «осо-

бого пути» в разные исторические периоды (XIX–XXI века);

- взаимосвязь этой идеологии с различными разновидностями персоналистских политических режимов;

- общие и национально-особенные черты этой идеологии в России и Германии в разные эпохи;

- проявления идеологии «особого пути» в социальной, экономической и внешнеполитической практике России и Германии;

- социально-политический смысл и природа идеологии «особого пути».

В заключение участники конференции приняли участие в общей дискуссии по вопросу: «Почему Германия преодолела, а Россия возрождает идеологию “особого пути”?»

Первая сессия, которую вел известный публицист *А. Архангельский*, была посвящена историческим аспектам поставленных проблем.

В докладе *М. Майофис* (журнал «Новое литературное обозрение», г. Москва) на конкретном историческом материале было убедительно показано, что исторические метания России от идеи интеграции к идее особого пути обусловлены вовсе не мистической предрасположенностью России к автаркии, а вполне рациональными исторически-

ми обстоятельствами. На примере изменений взглядов графа С.С. Уварова, выдвинувшего известную доктрину российской специфики «Православие, самодержавие, народность» хорошо видны обстоятельства, побуждавшие русских «западников», «интеграционистов», к которым поначалу примыкал С. Уваров, повернуть к идее замкнутости страны. Это было связано с начавшимся в 1819–1821 годах в Европе, и в частности в Германии, новым подъемом революционного движения, испугавшим российскую элиту, которая попыталась, не без успеха, заслониться от европейских веяний, грозящих политической нестабильностью, разнообразными версиями доктрины «особого пути», заимствованными отсюда же – из Европы, из Германии.

Сходные сюжеты анализировал в своем докладе А. Дмитриев (Институт гуманитарных историко-теоретических исследований ГУ – ВШЭ, г. Москва), показавший на материалах иного исторического периода (1920–1930-х годов) причудливые переливы и взаимосвязи идей универсализма и, казалось бы, противоположной им доктрины «особого пути». Из доклада вытекало, что «евразийцы», идеологическое течение русской иммиграции, противников большевизма с его лозунгами универсализма, воспринимали большевистскую политику как осуществляемую на практике «евразийскую» идею об «особом пути», понимаемую ими как возрождение империи, в условиях, когда Европа двигалась в противоположном направлении, переходя от имперской системы к национальным государствам.

Глубоким развитием темы конференции стало выступление Л. Люкса (Католический университет, Институт по изучению Центральной и Восточной Европы, г. Айхштетт). Именно этот докладчик на примере двух идеологических течений – русского «евразийства» и немецкой «консервативной революции» 1920–1930-х годов – отразил глубокое сходство причин, порождающих

идеологию «особого пути», и прежде всего тех из них, которые связаны с психологическим оправданием провала «национального проекта». Этот же докладчик выдвинул весьма любопытные версии причин того, что Германия, в конечном счете, «переболела» идеей «особого пути». Он выдвинул три основные причины. Первая. В 1918 году существовал миф, что Германия, в сущности, не была побеждена, что победа была кем-то в последнюю секунду украдена. В 1945 году крах нацистской системы был так самоочевиден, что эта идея не могла появиться. Вторая. В 1918 году те, кто проиграл войну, утверждали, что оппозиционные партии в последний момент ударом ножом в спину военное наступление немецкой нации уничтожили, и это одна из причин поражения. В 1945 году никаких оппозиционных партий не было. И наконец, третья. В 1918 году существовало представление, что Германия совершенно невиновна в войне. Что касается 1945 года, никто не сомневался в том, что Гитлер и нацистский режим – главные виновники проигранной и страшной войны. В Германии после Второй мировой войны возникли предпосылки преодоления мифов, которые отравляли ее политическую культуру, а в России такие предпосылки пока не сложились или сложились в меньшей мере.

Два докладчика из Германии построили свои выступления на сравнении советского и немецкого вариантов тоталитаризма. А. Макушинский (Рыбаков) (Католический университет, Институт по изучению Центральной и Восточной Европы, г. Айхштетт) проанализировал роль особого литературного жанра – «романа воспитания», популярного в СССР и Германии в эпоху тоталитаризма, в утверждении в массовом сознании идей «особого пути». Ю. Заруски (Институт новейшей истории, г. Мюнхен) выделил этапы эрозии правового сознания населения под воздействием идеологии «особого пути», закрепленной в правовом дискурсе двух диктатур:

национал-социализма и сталинизма. Сравнительный характер имел и доклад *Р. Вульфович* (Северо-Западная академия государственной службы, г. Санкт-Петербург), рассмотревшей влияние идеологии «особого пути» на судьбы этнических меньшинств – евреев в России и Германии.

Заключительная часть первой сессии была посвящена истории проявлений идеологии «особого пути» во внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности России. *А. Кубышкин* (Санкт-Петербургский государственный университет) проанализировал историю метаний постсоветской внешней политики России от идеи интеграции в Европу к идее «особого пути». При этом он указал на разные версии реализации этой идеи во внешнеполитических концепциях политиков, от умеренных державников до более жестких, современных последователей «евразийцев». Большой интерес вызвала гипотеза докладчика о некотором изменении внешнеполитического вектора России в период администрации Д. Медведева, который, по мнению А. Кубышкина, больше тяготеет к интеграционизму, чем его предшественник.

Так получилось, что следующий докладчик в чем-то подхватил и развил идеи внешнеполитической динамики. *М. Гутброд* (Германская бизнес-ассоциация) своим выступлением как бы перебросил мост от истории к настоящему и будущему, анализируя возможное влияние идеологии «особого пути» на включенность России в глобальные экономические и внешнеполитические процессы. Этим он отчасти обозначил тематику второй сессии конференции, на которой обсуждалось современное бытование идеологии «особого пути» в России 2000-х годов.

В нескольких докладах получила развитие идея писателя из Санкт-Петербурга *А. Мелихова*, высказанная в самом начале конференции, о том, что идеология «особого пути» – это форма психологического утешения для тех, кто стре-

мился к амбициозным целям, но потерпел поражение. Эту идею на примере экономических мифов развил в своем докладе *Д. Травин* (Европейский университет в Санкт-Петербурге). *М. Соколов* (Европейский университет в Санкт-Петербурге) сделал попытку найти ключ к загадке «особого пути» с позиций теории миросистем. Его доклад был построен в форме элегантного эссе, но, по сути, во многом соответствовал пессимистическим ноткам идеологии «особого пути», поскольку исходил из невозможности России выйти из того положения, в котором она зажата своим полупериферийным местом в современной мировой системе, и хозяйственной, и геополитической.

Чрезвычайно информативным оказался доклад *Б. Дубина* (Левада-Центр, г. Москва), который охарактеризовал динамику российского общественного мнения по поводу отношения к «особому пути» России; проанализировал причины маятникообразных колебаний массового сознания как под влиянием элит, так и под воздействием традиционных массовых стереотипов российского общества; и наконец, выделил несколько уровней стереотипного сознания. Основной вывод Б. Дубина состоял в том, что в российском общественном мнении идея «особого пути» ныне хоть и популярна, но воспринимается вовсе не как особое направление движения, а как запрет на движение в сторону западного образа жизни. Доклад Б. Дубина в чем-то был дополнен выступлением социолога старшего поколения *Б. Фирсова* (Европейский университет в Санкт-Петербурге), который представил взгляд иностранцев на особую российскую ментальность. *А. Умланд* (Католический университет, Институт по изучению Центральной и Восточной Европы, г. Айхштетт) охарактеризовал современные разновидности идеологии «особого пути» в постсоветской России: реставрационный и революционный русский империализм.

Э. Паин (московский офис Института Кеннана) проанализировал одну из причин популярности у части российских либералов идеи «особого пути». Дело в том, что она внешне похожа на уважаемую идею культурного разнообразия, одобренную Советом Европы и кодифицированную в «Белой книге» по межкультурному диалогу (Страсбург, 2008). Однако в действительности доктрина «особого пути» ближе к советской идее тоталитарного универсализма, чем к культурному плюрализму. Европейская «Белая книга» исходит из идеи свободного выбора пути развития, а доктрина «особого пути» настаивает на его предопределенности. Присмотревшись к ней, можно увидеть, что речь идет все о том же советском паровозе, который якобы «вперед летит» по строго обозначенному пути («иного нет у нас пути»). Раньше конечная станция называлась «коммунизм», а сейчас ее просто переименовали.

Конференция может считаться успешной, если на ней была представлена новая научная информация и подняты новые проблемы. Все это было и на данной конференции. Однако в дополнение к этому ее участники общими усилиями нарисовали целостный портрет идеологии «особого пути». Оказалось, что в ней нет ничего особого: в России она

появилась как заимствование из германской традиции, похожая идея возникла во многих странах в период поражения национального проекта. Она не дает представления об определенном пути, а выступает как запрет на движение в сторону Запада. Она чаще всего используется для легитимации тоталитарных или авторитарных режимов. Никогда ранее эта проблема не рассматривалась столь разнопланово усилиями экспертов, представляющих разные научные дисциплины.

Помимо основных докладчиков в дискуссии «об особом пути» приняли участие представители Санкт-Петербургской общественности и гости, прибывшие в город на Дни толерантности. Так, с ремарками выступили А. Даниэль (Международное историко-просветительское правозащитное и благотворительное общество «Мемориал», г. Москва), философ Н. Розов (Новосибирский государственный университет), члены семьи Г. Старовойтовой и др. Итоги конференции планируется опубликовать в сборнике статей. Они освещались и по ходу конференции на радиостанции «Свобода» и в ряде интернет-изданий.

Эмиль Паин,
научный руководитель московского
офиса Института Кеннана

Социально-политические процессы в Украине: национальная и региональные идентичности

Проблематика, связанная с развитием Украины и российско-украинскими отношениями, является в настоящее время одной из приоритетных для Института Кеннана. Помимо большого количества дискуссий, которые проводятся по этим темам в Вашингтоне, в последние годы регулярными стали встречи российских и украинских исследователей, организуемые московским и киевским офисами Института. Очередная встреча состоялась в Москве 18 февраля 2010 года, всего через несколько дней после подведения окончательных итогов президентских выборов в Украине. В связи с этим избранная для обсуждения научная тема – «Социально-политические процессы в Украине: национальная и региональные идентичности» – оказалась вдвойне актуальной. Важно и то, что в семинаре приняли участие не только маститые ученые и эксперты из двух стран, но и студенты факультета прикладной политологии Государственного университета – Высшей школы экономики: семинар стал частью учебного процесса по курсу «Этнополитология» для будущего поколения исследователей.

В своем вступительном слове научный руководитель московского офиса Института Кеннана и одновременно руководитель курса «Этнополитология» в ГУ – ВШЭ Э.А. Паин отметил, что такого рода встречи полезны хотя бы потому, что способствуют разрушению стереотипов во взаимном восприятии двух стран. «Ведь для России сегодня Украина – это страна, стонущая под игом “цветных революций”, а для Украины Россия – либо “остров стабильности”, либо “оплот тоталитаризма”». Между тем подобные упрощенные представления плохо отражают реальность. «Мы пришли к выводу о том, что нам нужно изучать друг друга не только для того, чтобы совершенствовать межгосударственные отношения между двумя странами, но и для самопонимания. Ничто так полно не отражает специфику постсоветских стран, как сравнительный анализ. Он дает возможность понять, что устойчиво общее в двух странах, потому что это не только славянские, но и постсоветские государст-

ва. И “советскость” долго еще будет определять особенности нашего развития», – подчеркнул Э. Паин.

На семинаре было заслушано пять докладов, два из которых касались общих вопросов национальной и региональных идентичностей в Украине, а три были посвящены конкретному анализу ситуации в стране после выборов.

С.А. Простаков (студент 4 курса факультета прикладной политологии ГУ – ВШЭ) в своем докладе, посвященном юго-восточным регионам Украины, указал на то, что их политическая роль неадекватно оценивается как российской, так и украинской аналитикой и прессой. В российских СМИ, особенно тех, которые конструируют и проводят в жизнь идеи великодержавия, с юго-восточным регионом связывают надежды на раскол Украины и присоединение по крайней мере части ее к России. Подозрения в раскольнической роли этого региона проскальзывают и в ведущих изданиях Украины. Ни в России, ни в Украине не предпринималось попыток рассмотреть

позитивную роль указанного региона в формировании украинской политической нации. Такую попытку впервые сделал докладчик. На основании проведенного им исследования он пришел к выводу о том, что жители юго-восточных регионов вносят уникальный вклад в процесс национальной консолидации, поскольку именно они «в наибольшей мере заинтересованы в развитии политической нации на основе преобладания гражданской, а не этнической идентификации». Статья С.А. Простакова на данную тему опубликована в этом номере «Вестника».

Доклад *О.Д. Волкогоновой* (доктор философских наук, заведующая кафедрой естественных факультетов философского факультета МГУ) был посвящен положению русской диаспоры в Крыму. Как отметила О. Волкогонова, при сопоставлении итогов первой Всеукраинской переписи населения (2001) и статистических данных 1989 года выяснилось, что на фоне сокращения общей численности населения страны более чем на 3 млн человек доля украинцев увеличилась примерно на 5%, а количество русских резко сократилось. Исследователи предлагали три варианта объяснения данной ситуации: фальсификация итогов переписи, миграционные процессы (хотя массового оттока русских из Украины не было) и смена самоидентификации. По мнению докладчицы, наиболее вероятной причиной является именно смена самоидентификации. Поскольку в последние годы русских обвиняли и в геноциде, и в разграблении Украины, и в политике насильственной русификации, часть из них предпочла изменить свою национальность. «В Украине, которая переживает острый период социокультурного кризиса, происходит усиление роли этнической идентичности. Если раньше она находилась на периферии мотивации личности, то теперь становится реальным социальным ресурсом и одним из полей стратификации», – подчеркнула О. Волкогонова.

Были выделены следующие причины повышения роли этнической идентичности: (1) затянувшийся переход к другому типу социальной организации; (2) ответ на политику русификации в советское время; (3) направленное идеологическое воздействие. Главный тезис О. Волкогоновой состоял в том, что в современной Украине, к сожалению, происходит политизация этничности со стороны самых разных сил.

В докладе были подробно представлены данные социологических исследований этнонациональной ситуации в Крыму, проведенных Черноморским филиалом МГУ в 2003, 2007 и 2009 годах. Одной из главных целей проекта было проследить взаимосвязь между этнической идентичностью и политическими пристрастиями. Многолетние исследования позволили сделать ряд фундаментальных выводов:

- происходит смещение интересов русской диаспоры в процессе национальной идентификации из культурной сферы в политическую. Во многом такая политизация этничности является следствием влияния политических элит;

- русская общность, которая сложилась в Крыму, по многим параметрам не вписывается в рамки определения классической диаспоры;

- этническая ситуация в Крыму пока характеризуется определенным балансом интересов представителей разных этнических групп (русских, украинцев и крымских татар), а также формированием здесь особой крымской идентичности. Эти факторы гармонизируют межнациональные отношения. Однако они могут стать недостаточными (а) при дальнейшем ухудшении экономической ситуации в стране; (б) в случае, если не будет решен чрезвычайно острый для региона вопрос о двуязычии; (в) в ситуации резкого прироста численности татарского населения. В настоящее время татары составляют около 10% населения Крыма, однако их приток продолжается;

- противостояние украинских и русских жителей полуострова искусственно подогревается и политизируется элитой, поэтому при определенных обстоятельствах и целенаправленных усилиях влиятельных групп может быть трансформировано в сторону поиска диалога и согласия. Интересы же крымских татар в меньшей мере поддаются целенаправленной трансформации, поскольку в их формировании существенную роль играют также религиозные и этнокультурные факторы;

- в отличие от русских и украинцев, для которых главной является крымская идентичность, более 60% опрошенных крымских татар ощущают себя прежде всего представителями определенной этнической группы. В связи с этим, отметила О. Волгогонова, встает вопрос о необходимости стимулирования развития у них региональной идентичности, хотя эта задача трудно реализуема именно в крымскотатарской среде.

А.А. Фисун (профессор кафедры политологии философского факультета Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина) в своем выступлении попытался осмыслить итоги последних президентских выборов. Прежде всего он обратил внимание на то, что Украина демонстрирует специфическую траекторию политического развития: процессы формирования нации и государства, а также регионально-бюрократической трансформации здесь происходят после формальной electoralной демократизации политической системы в ходе преобразований 90-х годов. В то время как в Западной Европе и в большинстве восточноевропейских стран сначала происходила формальная бюрократизация государственного аппарата, его рационализация, формирование нации и лишь потом, в рамках этой общности, которая возникала на основе территориальной идентичности и определенной лояльности политическому центру, – демократизация систе-

мы. Обратная динамика украинского политического развития приводит к ряду парадоксов и дилемм, которые проявляются в зигзагах украинской политики последнего двадцатилетия.

В классической западноевропейской модели политики во власти чередуются правые и левые, которые проводят разные экономические курсы, и этот раскол является осевым. В Украине классификация политических сил по шкале правых и левых существует, но не является господствующей. К этой шкале добавляется еще одно расхождение – между западом и востоком. Точнее говоря, это расхождение геополитических и геосторических ориентаций. Это создает своеобразную систему, когда вместо двух основных участников существует по крайней мере четыре сегмента (правые и левые, ориентация на запад или на восток), которые конкурируют и вступают между собой в сложные комбинации. Это затрудняет построение монопольного центра власти в Украине. Ни одному из ее президентов не удалось построить формальную или неформальную «партию власти», которая включала бы основные сегменты бюрократических, экономических, региональных, культурных и этнических элит.

Последние президентские выборы продемонстрировали, по мнению Фисуна, ряд интересных тенденций. Впервые в истории президентских выборов в Украине победитель получил менее 50% голосов. Разрыв между кандидатами оказался очень маленьким (около 3,5%). В. Янукович проиграл Ю. Тимошенко в территориальном плане, то есть по количеству областей и регионов, где он получил большинство. При этом в столице в обоих турах победила Тимошенко. Все это говорит о том, что украинские выборы воспроизвели ситуацию, которая является господствующим трендом после 2004 года, – примерного равновесия сил между основными участниками.

Такое равновесие, считает докладчик, создает определенный баланс, который

блокирует попытки любой стороны захватить монопольное положение в органах государственного управления, экономике и политике. Режим, который сложился в Украине после «оранжевой революции» 2004 года, А. Фисун определяет как неопатримониальную демократию в отличие от режима президента Кучмы, пытавшегося построить авторитарную неопатримониальную модель, монополизируя экономические, политические и региональные ресурсы в руках государственной бюрократии и подавляя тех, кого можно назвать рентоориентированными предпринимателями. В этом смысле «оранжевая революция» 2004 года была попыткой восстания рентоориентированных и политических игроков против бюрократической вертикали, которую выстраивал президент.

Тот пакт, которым являлась «оранжевая революция», закрепил снижение роли президента как безусловного лидера украинского политического поля. Далее, указал докладчик, произошло два важных раскола. Первый – это раскол вертикали президента и вертикали премьера. Конституционная реформа в Украине, отметил Фисун, привела к возможности построения альтернативного патронажного премьерства. Итогом раскола между Ющенко и Тимошенко в 2005 году стало формирование двух конкурирующих центров влияния и смещение патронажной сети от президента к премьеру. Вокруг фигуры премьера начали выстраиваться экономические элиты, так как именно от нее зависели экономические преференции, контракты и т.д. Это объясняет, почему президенту Ющенко не удалось построить партию власти и он не обладал большинством в Верховной Раде.

Второй раскол был связан с тем, что в свою очередь Ю. Тимошенко на основе премьерской патронажной вертикали также не удалось построить партию власти, включив в нее основные политические сегменты запада и востока страны, и «монополизировать дивиденды политического поля».

В каком направлении будет происходить дальнейшее политическое развитие Украины?

А. Фисун выдвинул гипотезу о том, что институциональный формат украинской политической системы создает определенную цикличность, которая зависит от того, может ли президент сформировать большинство в парламенте. Если нынешнему победителю выборов удастся создать свою устойчивую коалицию в парламенте, то тогда произойдет мягкая авторитаризация режима и свертывание конкуренции. В противном случае возможности первого лица останутся весьма ограниченными. Он будет вынужден идти на компромиссы со своими противниками, и сохранится предпосылка возможности демократии, которая вытекает из баланса сил, ресурсов и баз поддержки основных политических игроков. «То, что происходит сейчас в Украине, является нормальным с точки зрения исторического опыта демократизации», – заключил А. Фисун.

Тему продолжил А.Н. Круглашов (заведующий кафедрой политологии Черновицкого национального университета им. Юрия Федьковича), подчеркнув, что последние выборы отличались от предыдущих большей открытостью, гражданским спокойствием и умеренностью игроков. По его мнению, «электоральная демократия оказалась гораздо более институционализированной, стабильной и обеспеченной. Демократия по форме в Украине выглядит наиболее состоявшейся на постсоветском пространстве. Хотя по содержанию украинский процесс далек от демократичности».

Докладчик выделил несколько тенденций, которые продемонстрировали прошедшие выборы:

- в Украине по-прежнему тасуется колода политических игроков, сформированная еще президентом Л. Кучмой. В этом смысле никакого прорыва не произошло. Более того, и по своему происхождению, и по менталитету оба глав-

ных кандидата представляли один и тот же регион – юго-восток Украины;

- по сути между собой соревновались две неоавторитарные модели. Победил кандидат, олицетворяющий модель «корпоративистского вождизма» (зависимый от своего окружения, не самостоятельный в принятии решений);

- регионализация Украины сохраняется, но постепенно «ее жесткая бинарность размывается»;

- если выборы 2004–2005 годов преподносились как апокалиптический выбор (либо спасение Украины, либо ее полный крах; либо запад, либо восток) и вопросы геополитики доминировали, то в данном случае геополитика яркой роли не играла. Фавориты президентской гонки стремились отвести географическую составляющую в тень. Европейский выбор Украины никем из них не ставился под сомнение;

- несмотря на то, что во втором туре голоса избирателей распределились практически поровну, по сути в Украине существует три группы электората: первую и вторую составляют те, кто поддержал В. Януковича и Ю. Тимошенко, а третью – те, кто не пришел ни на первый, ни на второй тур, испортил бюллетени или поставил отметку в графе «против всех». Таким образом, третья фракция (а это почти треть населения) заявила о том, что существующая политическая элита и сценарий развития событий в стране их не устраивают. Поэтому, говоря об апатии и усталости украинского избирателя, нельзя забывать о том, что существует огромный ресурс, который может быть использован на грядущих парламентских и президентских выборах «третьей силой»;

- в Украине, по мнению А. Круглашова, побеждает модель «элитистского корпоративизма» при сохранении всех тенденций к электоральной демократии. Решающей победы ни у кого нет, отсюда необходимость вести переговоры, периодически запугивая, обвиняя друг друга и используя механизм коррупции, значение которой в этих процессах возрастает.

«Ни администрации бывших президентов, ни личности и штабы конкурирующих сегодня между собой политиков не чужды использованию не только риторики демагогии и популизма, но и коррупционных инструментов как в борьбе за достижение своих экономических, социальных и политических целей, так и для нейтрализации лагеря политических противников».

В заключение докладчик отметил, что «украинские процессы отличаются динамикой, украинская нация далеко не консолидирована, но уровень конфликтности, взаимного восприятия как врагов, как это разными путями достигалось в 2004 и 2005 годах, на этих выборах был низким как на западе, так и на востоке страны. И это очень хороший симптом».

Выступления А. Фисуна и А. Круглашова были дополнены сообщением С.О. Киселева (Национальный университет «Киево-Могилянская академия»), который рассмотрел вопрос об идентичности электората победителя второго тура президентских выборов в Украине. По мнению С. Киселева, самыми серьезными различиями между избирателями Януковича и Тимошенко являются различия региональные, в то время как этническая идентичность и другие характеристики электората слабо проявились в электоральном процессе. Выборы еще раз показали, что переговоры и компромиссы необходимы, поскольку ни одна из элит не в состоянии распространить свои ценности на все регионы Украины.

Столь насыщенные с информационной и аналитической точек зрения доклады, безусловно, породили больше вопросов, чем ответов, и вызвали оживленную дискуссию. Как заметил в своем заключительном слове Э. Паин, главный интерес для исследовательского сообщества представляют некие общие тенденции, а не конкретное распределение голосов за тех или иных кандидатов. «Вопрос о соотношении ранней демократии и формирования го-

сударственности, а также политической нации, отчетливо проявившийся на последних выборах, стоит сейчас весьма остро и в России. Вдумчивым исследователям несложно понять, что постсоветские страны развиваются иначе, чем это описывается классической, скажем веберовской, моделью развития общества, становления государства-нации и демократии. Однако современная теория пока не дает ответа на то, как же должны развиваться политические процессы в странах постсоветского пространства? Является ли только благом постоянное противоречие региональных кланов в Украине? Украинские коллеги постоянно акцентируют внимание на том, что конфликт региональных элит сдерживает проявление авторитаризма. Но они меньше обращают внимания на то, что одновременно такое противостояние сдерживает и развитие полноценной демократии как реального участия населения в управлении и как процесса формирования правового государства, гражданской нации. Исследования Эрнандо де Сото

в Латинской Америке и Роберта Патнэма в Италии показывают, что расколотое общество, не важно по каким признакам, кланово-родовым, этническим или региональным, плохо воспринимает универсальные правовые нормы, а без этого полноценная демократия не устанавливается, как бы хороши ни были электоральные процедуры. Вне закона, вне независимых судов, вне системы социального доверия, уровень которого, кстати, по оценкам международных исследований, в нашем пространстве один из самых низких на всем европейском пространстве, не может быть полноценной демократией».

Как в этих условиях будут развиваться наши страны? Дальнейшие регулярные встречи представителей научного сообщества России и Украины, без сомнения, должны способствовать поиску ответов на этот сложнейший вопрос.

*Екатерина Алексеева,
ответственный секретарь
редколлегии «Вестника Института
Кеннана в России»*

Политическая наука и политические практики: как соединить идеи и принятие решений

Продолжая традицию организации российско-украинских научных мероприятий, московский офис Института Кеннана совместно с Ярославским государственным университетом им. П.Г. Демидова (ЯрГУ) провели в Ярославле 19 февраля 2010 года круглый стол «Политическая наука и политические практики: как соединить идеи и принятие решений».

Открывая круглый стол, ректор ЯрГУ *А.И. Русаков* с удовлетворением отметил, что, благодаря импульсу, приданному сентябрьской международной конференцией «Современное государство и глобальная безопасность», в которой участвовали ведущие российские и иностранные политики, Ярославль становится одной из крупных политических дискуссионных площадок, местом диалога политиков и ученых. Поэтому обсуждение проблемы сопряжения науки и практики здесь особенно уместно. Как верно подметил соорганизатор кеннановского круглого стола, зав. кафедрой социологии ЯрГУ *И.Ю. Киселев*, в политических профессиях разделение на тех, кто занимается политической деятельностью, и тех, кто ее наблюдает и анализирует, остается фундаментальным. И сколько бы блестящих идей ни генерировали ученые, только политики обладают ресурсами, необходимыми для того, чтобы придать им авторитет и влияние. Возможно ли организовать на этой улице двустороннее движение? Что политологи могут предложить практикующим политикам? И сформировался ли у политиков спрос на академическое экспертное знание? Этими и другими вопросами и задавались участники круглого стола.

Открыло дискуссию выступление депутата Областной думы *И.В. Осипова*,

констатировавшего, что политическая наука политике «нужна, но не востребована». Точнее, востребованы лишь специфические аспекты политического знания, связанные с технологиями воздействия на электорат. Как признался профессиональный политик, «до того, как меня пригласили сюда, я даже не задумывался, нужны ли мне политологи в межвыборный период». Хотя было бы правильно при формировании политических программ иметь в виду не только сегодняшние предпочтения избирателей, но и более отдаленную перспективу для своей страны и своей партии. И здесь помощь ученых была бы кстати.

Выступление *А.Ю. Сунгурова* (санкт-петербургский филиал ГУ – ВШЭ) было посвящено анализу опыта фабрик мысли и центров публичной политики в соединении политической теории и практики. По определению докладчика, несмотря на сходство функций фабрик мысли и центров публичной политики, между этими двумя типами организаций есть важные отличия. Фабрики мысли – это объединения интеллектуалов и экспертов, по заказу или по собственной инициативе выполняющие анализ или разработки, предназначенные для внедрения в общественную практику. Такие объединения, как правило, более или менее автономны от правительства и групп интересов, частных фирм и политических

партий и могут работать по заказу властных структур, бизнеса, политических партий или крупных СМИ. Центрами же публичной политики Сунгуров предлагает считать лишь такие объединения экспертов, которые действуют достаточно самостоятельно, при поддержке различных фондов и связывают свою миссию с развитием открытой ответственной власти и гражданского общества. Выступавший выделил основные функции фабрик мысли и центров публичной политики, выделил их типы, сравнил зарубежный и отечественный опыт 1990-х и 2000-х годов.

О.Ю. Малинова (ИНИОН РАН) обратила внимание на значение структур и практик социальной коммуникации для развития диалога политических практиков и аналитиков. В частности, она сосредоточила внимание на том, каким образом происходившая в 1990–2000-х годах трансформация публичной сферы воздействовала на состав и стратегии участников дискуссий, формирующих общественную повестку дня. По заключению Малиновой, в результате политических и экономических реформ 1990-х годов в России сложилась особая конфигурация публичного пространства: в нем выделяется «ядро», представленное центральными телеканалами и в значительно меньшей степени – немногими периодическими изданиями, имеющими относительно высокие тиражи, и «периферия», образуемая СМИ, ориентированными на более локальные и специализированные аудитории. Данное обстоятельство влечет за собой два важных следствия: во-первых, шансы того или иного дискурса на «популярность» зависят от того, насколько он представлен в «ядре» публичного пространства; во-вторых, для того, чтобы эффективно управлять общественной «повесткой дня», достаточно контролировать «ядро»: арены, образующие «периферию» публичной сферы, слишком малочисленны и изолированы друг от друга, чтобы оказывать значимое влияние. В 1990-х годах власти не предпринимали серьезных попыток воспользоваться та-

кой ситуацией, чтобы исключить из «ядра» публичной сферы «неудобные» для нее дискурсы. В 2000-х годах ситуация изменилась: заметно сократилось и количество площадок, на которых могут публично обсуждаться и оспариваться альтернативные политические проекты, и содержание самих проектов, представленных в «ядре» публичной сферы. При этом идеи, альтернативные позиции власти, не запрещены, но вытеснены на «периферию», представленную многочисленной, но разрозненной публикой единомышленников. К сожалению, такая конфигурация публичного пространства создает ограничения для развития диалога по поводу реально существующих различий, подменяя его ложной демонстрацией единства.

А.А. Фисун (Харьковский национальный университет) размышлял над вопросом о возможностях политологии в осмыслении противоречий современного мира. Проследив траекторию развития политической науки в XX веке, он предположил, что в новом хаотическом мире, возникающем в результате глобализации и переоценки универсалистских перспектив, политология должна задавать новые концептуальные рамки. Фисун высоко оценил значение неовеберинской социологии (работы М. Манна, Ч. Тилли, Р. Коллинза и др.) и отметил ограниченную применимость подходов, связанных с рационально-электоральной интерпретацией, для посткоммунистических государств. Фокусом постсоветской политики является борьба за публичные ресурсы, контролируемые государством. Ее стержень – система обмена поддержкой и ее распределение через формальную и неформальную партию власти. Главная задача политика – вхождение в сеть и участие в распределении ресурсов. Причем эта конфигурация политики сохраняется несмотря на изменение политических институтов (например, в Украине она осталась неизменной несмотря на перераспределение функции контроля над ресурсами от президента к премьеру).

А.Н. Круглашов (Черновицкий национальный университет) сосредоточил внимание на особенностях институционализации социальных наук в Украине и критике складывающихся форм и практик. В частности, он отметил проблемы «острой эмпирической недостаточности» и плагиата, а также снижения уровня научной критики. Эти тенденции особенно тревожны ввиду стремления государства сузить преподавание политологии: в прошлом году политология и социология были исключены из обязательных программ университетов. Круглашов отметил также слабую самоорганизацию профессионального сообщества украинских политологов.

А. Богданова, руководитель благотворительного фонда «Медialog» рассказала о деятельности возглавляемой ею организации, которая ставит своей целью расширение пространства публичности. Усилиями фонда создана еженедельная дискуссионная площадка, на которой встречаются действующие политики и молодые ученые; функционирует социокультурная лаборатория.

Предметом выступления С.О. Киселева (Национальный университет «Киево-Могилянская академия») стало развитие политической системы Украины в свете концепций демократического элитизма. По оценке выступавшего, в Украине произошла поляризация общества между двумя элитами, что дает населению возможность выбора между ними, пусть даже «обе хуже». Есть и возможность замены одной из элит какой-то третьей. Политическая конкуренция в значительной мере привязана к региональным интересам. Киселев также отметил, что термин «посткоммунистический» постепенно утрачивает смысл, ибо страны бывшего коммунистического блока развиваются по разным траекториям.

Н.Е. Покровский (ГУ – ВШЭ) рассказал о проекте, посвященном изучению проявлений больших матриц глобализации на микроуровнях повседневных практик российской глубинки. По мысли

Покровского, глобализационная матрица проявляет себя очагами, отчасти импортированными, отчасти вырастающими снизу. Он полагает, что наблюдения, сделанные в естественной лаборатории на базе одного из населенных пунктов Мантуровского района Костромской области, сигнализируют о новых социальных тенденциях. Большие города подходят к черте исчерпания развития, прежде всего – по уровню качества жизни, и это приводит к выходу за пределы мегаполисов определенных групп, занятых интеллектуальным трудом (прежде всего – связанных с IT-технологиями). Возникают новые социальные сети, в которые включается и местное население.

Выступление Л.М. Дробижевой (Институт социологии РАН) было посвящено судьбе идеологии российской нации: сформулированная в академических кругах, она во второй половине 2000-х годов оказалась востребована властью. Однако с ее политико-юридическим закреплением возникает пробуксовка, которую выступавшая объясняет несоответствием формулы «российская нация» тексту Конституции. Л.М. Дробижева выделила также некоторые структурные проблемы, препятствующие эффективной трансляции идей из научной среды до уровня власти.

Н.Л. Иванова (ГУ – ВШЭ) проинформировала о некоторых результатах сравнительного кросскультурного исследования, проведенного в России, Украине и Канаде и посвященного выявлению особенностей гражданского самосознания и самоидентификации с государством.

В заключение круглого стола состоялось обсуждение итогов завершившихся недавно президентских выборов в Украине и дальнейших перспектив коалиционной политики.

Ольга Малинова,
доктор философских наук, ведущий
научный сотрудник ИНИОН РАН,
Former Kennan Institute Short Term
Scholar

Американские культурные мифы и перспективы восприятия литературы США

20–21 октября 2009 года в Институте филологии и истории РГГУ состоялась международная научная конференция, посвященная памяти профессора Алексея Матвеевича Зверева (1939–2003) – выдающегося литературоведа, филолога, автора множества работ по американской литературе, компаративному аспекту ее изучения и ее восприятию в инонациональном сознании. А.М. Зверева в полной мере можно считать одним из основателей российской американистики.

Перед организаторами конференции стояла достаточно сложная задача: отталкиваясь от тех вопросов, которые разрабатывал А.М. Зверев, максимально полно отразить их современное состояние и перспективы изучения не только в отечественной, но и в зарубежной гуманитарной науке. Поэтому акцент сознательно был сделан на междисциплинарности и компаративистике, что могло бы способствовать выявлению магистральных путей в процессе познания американской литературы и культуры в целом.

Такая установка нашла отражение в структуре конференции. На пленарное заседание были вынесены доклады, определявшие вклад А.М. Зверева в отечественную филологическую науку, и доклады, затрагивавшие актуальные проблемы литературной теории и американистики. Теме «Литература США в свете проблем современной компаративистики» был посвящен круглый стол. Три секционных заседания рассматривали злободневные вопросы изучения литературы и культуры США.

На открытии конференции выступили проректор по научной работе РГГУ Д.П. Бак, директор Института филологии и истории П.П. Шкаренков, руко-

водитель делегации Университета Центральной Флориды (г. Орlando, США) декан Колледжа искусств и гуманитарных наук Х. Фернандес. С приветственными словами к участникам конференции, более половины из которых являлись выпускниками американских академических программ, обратились научный руководитель московского офиса Института Кеннана Э.А. Паин, заместитель директора Программы Фулбрайта в России Н. Смирнова и представитель отдела культуры Посольства США в Москве Н. Митусова.

Пленарное заседание состояло из двух частей. В первой, мемориальной, – были показаны отрывки двух выпусков передачи «Александр Гордон» за 2002 год, в которых А.М. Зверев с присущей ему глубиной аналитического подхода и необычайно широкой эрудицией рассуждал о феномене постмодернистской литературы. Затем были зачитаны воспоминания Т.Н. Денисовой (Институт литературы им. Т.Г. Шевченко НАН Украины, г. Киев) об А.М. Звереве, в которых особо отмечался его вклад в подготовку «черкасской» школы американистов. *О.О. Несмелова* (Казанский государственный университет) в своем докладе подчеркнула, что критические

работы Зверева наглядно демонстрируют переход от советской идеологии к плюрализму перестроечных времен и выработку новых приоритетов. *Г.В. Коваленко* (Санкт-Петербургская государственная академия театрального искусства) отметила наименее известные широкому кругу американистов грани талантливого исследователя: А.М. Зверев обладал театральным мышлением, его рецензии отличаются точностью и великолепным литературным слогом и теперь принадлежат истории, а его личные контакты с театром рождали новые творческие импульсы у режиссеров и актеров.

Вторая часть пленарного заседания, посвященная актуальным вопросам изучения американской литературы, открылась докладом *Т.Д. Венедиктовой* (МГУ), в котором российская академическая американистика (ее филологический компонент) рассматривалась как развивающаяся форма знания, выявлялись ее возможности, открывающиеся в контексте новой теории.

Х. Фернандес на материале д лящегося в течение десяти лет проекта, спонсируемого Фондом Рокфеллера, продемонстрировал стратегию сохранения испано-американского литературного наследия, в частности публикаций важных литературных памятников, написанных на испанском языке на территории нынешних США от колониальных времен до конца XX столетия.

Завершил заседание доклад *О.Е. Осовского* (Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, г. Саранск) о Норманне Мейлере как одном из самых влиятельных мифотворцев современной Америки, создавшем в своей художественной и нехудожественной прозе собственный вариант «современной американской мифологии» с набором «мифических героев» и системой мифов и антимифов.

В рамках круглого стола «Литература США в свете проблем современной компаративистики», работу которого возглавили *И.О. Шайтанов* (РГГУ)

и *Т.Д. Венедиктова*, состоялась плодотворная дискуссия о судьбах сравнительного литературоведения в разных национальных контекстах.

Как отметил в своем выступлении *И.О. Шайтанов*, для русской филологической школы соотношение понятий «компаративистика» и «поэтика» было предопределено А.Н. Веселовским, сказавшим, что метод новой поэтики будет сравнительным: то сближаясь, то отдаляясь, эти понятия позволяют судить о теоретическом климате в науке о литературе. Вопрос их соотношения и перспективы развития сравнительного метода в свете исторической поэтики, подчеркнул Шайтанов, приобретают особую актуальность сегодня, когда курс сравнительного изучения литератур возвращается в российские университеты.

Н.А. Высоцкая (Киевский национальный лингвистический университет) одной из важнейших проблем считает выделение критериев для сравнения, поскольку в украинской компаративистике наблюдается тенденция к сравнению несопоставимых литературных объектов с целью вывести украинскую литературу на мировой уровень. Это заметно и в американистике, когда без особых оснований проводятся параллели между известными американскими писателями и гораздо менее известными украинскими. Докладчица обратила внимание и на формальные проблемы с отнесением того или иного исследования к определенной специальности. Это касается как историко-литературных работ, где часто есть элементы сравнения, так и популярных ныне работ по интермедальности, которые нередко помещают в компаративистику.

П. Джуордано (Университет Центральной Флориды) и *Х. Фернандес* посвятили свои выступления актуальному ныне вопросу о соотношении разных этнических литератур США друг с другом, их взаимовлиянии и связи с общими тенденциями развития американской литературы.

Основные приемы, формы и методы сравнительно-литературного и сравнительно-культурного исследования, по мнению участников круглого стола, не утрачивают своей продуктивности. Однако новые культурные реалии и методологии вызывают целый ряд дискуссионных проблем, таких как параметры компаративных исследований, их этническая и расовая составляющие, интермедийные взаимодействия, механизмы рецепции иноязычной литературы, сходство и различие американского, украинского и российского опыта компаративистики.

Секционные заседания продемонстрировали плодотворность междисциплинарного подхода к изучению текстов литературы, культуры и истории. Доклады составили следующий ряд основных смысловых блоков: явления мультикультурализма и пересмотр литературного канона в литературе США; компаративные исследования американской, русской и западноевропейской литературы; имагологические штудии и их перспективы в изучении американской литературы и культуры. Секциями руководили международные группы ведущих, поэтому работа была основана на диалоге культур не только в привычном для российских «зарубежников» компаративистском смысле, но и в самом прямом – подразумевающем непосредственную коммуникацию между людьми разных культур и научных традиций.

Секция «Американские социокультурные концепты и литература» (ведущие – Л.П. Башмакова, Р. Крепо, Н.А. Высоцкая¹) открылась выступлением Л.П. Башмаковой (Кубанский государственный университет, г. Краснодар) «Миф о Лаокооне и поэтика когнитивного диссонанса в романе Джона Барта “Конец дороги”». Используя мифологему Лаокоона как важный смыслообразующий элемент поэтики романа американского постмодерниста

и опираясь на философскую концепцию «когнитивного диссонанса», она убедительно аргументировала свой тезис о травестийной природе бартовского романа, где мифу о Лаокооне отведена такая же роль, как мифу об Улиссе в произведении модерниста Джойса.

Два доклада американских коллег из Университета Центральной Флориды продемонстрировали потенциал обращения к литературе в междисциплинарном пространстве, недостаточно используемый в отечественном преподавании. Так, в докладе Д. Янг «Изображение смерти, умирания и старения в современной американской литературе и массовой культуре» был сделан акцент на антропологическом измерении литературы, которая в данном случае выступает в качестве источника информации о восприятии культурой жизненных циклов. В свою очередь, Р. Крепо рассмотрел возможность прочтения на занятиях по истории США «Американской пасторали» Ф. Рота как исторического свидетельства о тенденциях в национальной культуре определенного периода.

«Ротовскую» тему продолжила О.Б. Карасик (Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Казань), выступление которой касалось одной из сквозных тем в работе секции – соотношения фактического и фикционального в (авто)биографической прозе. Эта проблема была рассмотрена ею на примере сознательной «мифологизации» собственного образа в художественных и биографических произведениях известного писателя. В ином ракурсе данная проблема оказалась в центре внимания К. Волкова (РГГУ), поднявшего в своем докладе о биографии В. Набокова, созданной А.М. Зверевым, вопрос о ее «вписанности» в традицию русской/советской биографистики, отличной от англоязычных моделей. В определенной степени к близкому кругу вопросов обратилась

¹ Отчет о работе секции составлен д.филол.н. Н.А. Высоцкой.

Н.А. Высоцкая в докладе об автобиографии З.Н. Херстон «Следы в дорожной пыли». Исходя как из современных взглядов на жанр автобиографии, так и из понимания творческой и человеческой природы писательницы, был сделан вывод о том, что нарушение фактической «истины» в ее рассказе о себе не лишает его аутентичности.

Последний доклад примыкал и к «афроамериканскому» блоку, представленному презентациями И.М. Удлер (Челябинский государственный университет) и О.Ю. Пановой (МГУ). В первом из них была показана основополагающая роль «невольничьих повествований» как дожанровой формы литературы черных в США, давшей этой последней ее структуру и элементы поэтики. Во втором же автор подверг сомнению непреложность популярных в (афро)американском (да и в нашем) литературоведении концепций Г.Л. Гейтса, Х. Бейкера и Р. Степто, доказывая, что их афроцентрические модели негритянской литературы идеологически ангажированы и не отражают явления в его целостности.

Проблему эпического и его принципиальной (не)возможности в новое время на примере «Кантос» Э. Паунда рассмотрел исследователь его творчества А.М. Ён (Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко).

Завершило работу секции выступление А.А. Хвостовой (Дальневосточный государственный университет, г. Владивосток) об эволюции женских образов в романе южной писательницы Ли Смит «Последние женщины». Анализ группового женского портрета, созданного в этом произведении, позволил проследить определенные этапы и закономерности феминистического движения США во второй половине XX столетия.

В секции «Американское литература и инациональное культурное сознание» (руководители – П. Джи-

ордано, О.О. Несмелова, О. Ю. Анцыферова²) доклады естественным образом разделились на три смысловых блока, определившихся еще во время пленарного заседания. Это, во-первых, явления мультикультурализма в литературе США; во-вторых, компаративные исследования американской и русской литературы; в-третьих, доклады, вдохновленные пафосом сопоставлений самой разной природы.

П. Джиордано познакомил слушателей с творчеством италоамериканцев – писателей культурной границы (cultural-boarder writers), среди которых особое внимание уделил Джузеппе Тузиани. Ключевым для доклада стал концепт «изгнания», трагически резонирующий в итальянской литературе со времен Данте.

Выступление еще одного профессора из Университета Центральной Флориды Х. Маунес-Куадро о пуэрториканской литературе и влиянии на нее американской оккупации Пуэрто-Рико значительно расширило представления присутствующих о границах американской литературы и ее взаимосвязях с литературой Латинской Америки.

Три доклада, посвященные российско-американским литературным связям, различались по методологии, что позволило избежать «хрестоматийного глянца» в этой, казалось бы, привычной для российских конференций тематике. В основу своего выступления Г.В. Алексеева (Государственный музей – усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», г. Тула) положила концепт «путешествия», который позволил ей сблизить военную прозу Л.Н. Толстого и произведения Уолта Уитмена. Докладчица настаивала на близости позиций обоих авторов по отношению к феномену войны. Пафос сближения не ослабил очевидно разный характер войн, свидетелями которых стали художники слова, и разное содержание категории «простой народ» для обоих авторов.

² Отчет о работе секции составлен д.филол.н. О.Ю. Анцыферовой.

М.К. Бронич (Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова) представила фрагмент своего фундаментального исследования, посвященного рецепции русской литературы в творчестве Сола Беллоу. Содержательное и методологически выверенное выступление было посвящено влиянию Достоевского на «интеллектуальные комедии» Беллоу, чьи жанровые истоки были прослежены от античной мениппеи.

О.Ю. Анцыферова (Ивановский государственный университет) раскрыла в своем докладе ранее никогда не исследовавшиеся сходжения в творчестве Генри Джеймса и И.С. Тургенева. «Недостатки» русского Мастера, о которых Джеймс предупреждал в своих статьях американских читателей, рассматриваются ею как осознанные стратегии Джеймса по воспитанию собственной читательской аудитории. Особый акцент был поставлен на саморефлексивности реалистической прозы, проявления которой докладчица обнаружила не только у Джеймса, но и у Тургенева, предложив новое прочтение романа «Рудин» как романа о герое, ставшего жертвой своей безграничной веры в силу слова.

А.В. Логутов (МГУ) сопоставил творческие стратегии общения с читателем двух англоязычных поэтов – американки Эмили Дикинсон и британца Джеральда Мэнли Хопкинса. Убедительно представленное сходство в формировании своей читательской аудитории и несомненная близость обоих авторов в понимании природы творчества вызвала заинтересованные вопросы аудитории о возможных истоках этого духовного «средства».

Д.В. Харитонов (МГУ) предложил слушателям поразмышлять над сходством «литературы факта» (под которой подразумевалась позиция «лефовцев») в СССР 1920-х годов с «новым журнализмом» в США. Докладчику удалось нащупать некоторые основания для сопоставлений, причем одним из самых

убедительных показалось сходное представление об истории в стране победившего социализма и в США 1960-х годов.

К.С. Соколов (Владимирский государственный гуманитарный университет) исследовал в своем выступлении американские парадигмы поэзии Иосифа Бродского, которые для него во многом восходят к поэзии Уоллеса Стивенса. Доклад был основан на методике сравнительного поэтологического анализа и сделан в традициях «метафизических семинаров», получивших в последние годы широкую популярность в литературоведческих кругах России.

Н.Л. Иткина (РГГУ) осветила в своем выступлении линию американской новеллистики, восходящую к Марку Твену. Отправной точкой для нее стала миниатюра Твена «How to Tell a Story», в которой докладчица правомерно усмотрела проявление самосознания жанра новеллы.

Н.В. Котова (Удмуртский государственный университет, г. Ижевск) проанализировала американские лекции и интервью О. Уайльда как один из подступов к формированию его эстетической теории, которая была представлена в контексте западной философской традиции.

Е.В. Юшкова (Столичная финансово-гуманитарная академия), филиал в г. Вологде) достойно завершила работу секции докладом о феномене Айседоры Дункан, чье творчество оказалось полем не только взаимовлияния разномациональных культур, но и их интермедийных взаимодействий.

Работа секции «Имагологические аспекты изучения литературы и культуры США» (руководители – В. И. Журавлева, Х. Фернандес, И.В. Морозова) началась с выступления *Ф. Гордон* (Университет Центральной Флориды), в котором были представлены мемуары композитора шевалье де Сен-Жоржа, родившегося в середине XVIII столетия в африканской колонии Франции, в качестве объекта анализа

экономических, социальных и культурных источников общей истории Атлантики.

Французскую тему в разговоре об имагологической картине мира продолжила *С.Н. Любарец* (Удмуртский государственный университет, г. Ижевск). На обширном литературном материале она убедительно доказала, что интерес французов к США на рубеже XVIII–XIX веков был во многом обусловлен событиями Великой Французской революции, когда в глазах европейцев США обрели статус цивилизованного государства, сумевшего наиболее полно реализовать принципы демократии. Как подчеркнула докладчица, именно в этот период начинает формироваться литературный образ США в сочинениях французских просветителей и романтиков.

Проблеме гендерного построения имагологических структур посвятила свое выступление *И.В. Морозова* (РГГУ). На примере дневников и мемуаров американок XIX века она продемонстрировала одну из стратегий их самоидентификации в период, предшествовавший Гражданской войне: построение Я-концепции в зависимости от восприятия «Другого», в качестве которого выступают как собственные регионы (Юг, Север), так и европейские страны, в частности Россия.

М.П. Кизима (МГИМО) также обратилась к периоду, когда по сути закладывались основы имагологических картин России и США. По ее мнению, образ США занимает важное место в публицистике А.И. Герцена. Это связано с его попыткой оценить положение Европы в середине XIX века и место России в мировом культурном процессе, поэтому анализ Герцена учитывает в определенной мере также восприятие России в Америке.

В.И. Журавлева (РГГУ) в определенном смысле подвела итоги взаимных русско-американских рецептивных практик в XIX веке, продемонстрировав на примере американского романа-утопии рубежа XIX–XX веков процесс пре-

вращения русского «Другого» в значимого для американской идентичности и доказав, что жанр утопического романа связан с кризисом Я-концепции, который американское общество претерпевало в тот период.

В докладе *У.А. Савельевой* (Астраханский государственный университет) были выделены наиболее важные для понимания имагологических стратегий понятия – миф, архетип и архетипический концепт – и показаны способы реализации архетипического единства «свой – чужой» на примере знаменитого романа Харпер Ли «Убить пересмешника», где наблюдается эволюция осмысления этого противопоставления в сознании героини, а сама оппозиция «свой – чужой» реализуется в историко-культурном, этическом, философском аспектах.

Завершила секцию дискуссия об имагологии индейцев в американской и русской литературах. *А.И. Лаврентьев* (Удмуртский государственный университет, г. Ижевск) на богатом литературном материале показал, как складывался и эволюционировал образ индейца в юмористической литературе США. В качестве примера изменения образа индейца докладчик избрал роман Т. Бергера «Маленький большой человек», в котором используются стереотипы взаимного восприятия для разоблачения мифов о Диком Западе и сатирического изображения западной цивилизации.

Заключительное выступление писателя и режиссера *А.Ю. Нефедова* (Ветра) (г. Москва) не укладывалось в привычные рамки научного доклада, что обусловило особый интерес аудитории. Он рассуждал об индейской теме и образе индейца с точки зрения глубинного проникновения в сущность их цивилизации, принципиально отличающейся от цивилизации белых людей.

Таким образом, работа конференции как по кругу обсуждавшихся вопросов, так и по географическому охвату, а также с точки зрения участия представите-

лей разных научных поколений и школ, оказалась весьма репрезентативной. Доклады были выполнены на высоком научном уровне, затрагивали актуальные проблемы современной литературной теории и американистики и, безусловно, будут способствовать их дальнейшей разработке совместными усилиями ученых разных стран.

Оценивая конференцию, ее американские участники подчеркнули свежесть методологических подходов, продемонстрированных в докладах, что, несомненно, расширило их представления о российской науке в целом и о российской американистике в частности. При этом гости отметили глубоко различные культурные и научные смыслы, которые порой вкладывают ученые двух стран в созвучные термины (например, технологии, метод, компаративистика и т.д.), что в известной

степени осложняло научный диалог. Думается, специфика бытования сходных терминов в разных научных парадигмах могла бы стать предметом специальных исследований и обсуждений в дальнейшем.

Во многом успех конференции был обусловлен тем, что ее участников можно считать единомышленниками А.М. Зверева – ученого, обладавшего редким даром объединять в своих исследованиях разные гуманитарные области знания. На церемонии закрытия было единодушно одобрено предложение оргкомитета проводить Зверевскую конференцию каждые два года.

Ирина Морозова,
*доктор филологических наук,
профессор кафедры сравнительной
истории литератур Института
филологии и истории РГГУ*

Календарь событий осени – зимы 2009/2010 года

Семинар

22 октября, г. Москва
ГУ – ВШЭ

Демографический переход и культурное разнообразие

Докладчик – *Анатолий Вишнеvский*, директор Института демографии ГУ – ВШЭ. Оппонент – *Эмиль Паин*, профессор ГУ – ВШЭ, научный руководитель московского офиса Института Кеннана

Совместно с Институтом демографии ГУ – ВШЭ

VI Старовойтовские чтения

20 ноября, г. Санкт-Петербург
Межрайонная централизованная
библиотечная система им. М.Ю. Лермонтова

Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия

Открытие конференции. Приветствия организаторов и *О. Старовойтовой*

Первое пленарное заседание. Ведущий – Александр Архангельский, публицист, автор и ведущий телепрограммы «Тем временем»

«Особый путь – агрессия и самооборона», *Александр Мелихов*, писатель, г. Санкт-Петербург; «От идеи “единой Европы” к идее “особого пути”»: С.С. Уваров в 1819–1821 годах», *Мария Майофис*, «Новое литературное обозрение», г. Москва; «Антизападные идеологические течения в России и Германии на примере “евразийства” и “консервативной революции”», *Леонид Люкс*, Католический университет, Институт по изучению Центральной и Восточной Европы, г. Айхштетт, Германия; «Элементы идеологии “особого пути” в правовом дискурсе двух диктатур: национал-социализма и сталинизма», *Юрген Заруски*, Институт новейшей истории, г. Мюнхен, Германия; «Большевизм и российская самобытность: к истории сменовеховских диагнозов», *Александр Дмитриев*, Институт гуманитарных историко-теоретических исследований ГУ – ВШЭ, г. Москва; «Роман воспитания» в советской и немецкой литературе», *Алексей Макушинский (Рыбаков)*, Католический университет, Институт по изучению Центральной и Восточной Европы, г. Айхштетт; «Попутчики на особом пути: российские и немецкие евреи в XIX – начале XX века», *Ревекка Вульфович*, Северо-Западная академия государственной службы, г. Санкт-Петербург; «Проблема “особого пути” во внешней политике России (90-е годы XX века – начало XXI века)», *Александр Кубышкин*, Санкт-Петербургский государственный университет; «Идея “особого пути” и будущее глобализации», *Макс Гутброд*, Германская бизнес-ассоциация

Второе пленарное заседание. Ведущий – Эмиль Паин, научный руководитель московского офиса Института Кеннана

«Особый путь России в современном экономическом мышлении», *Дмитрий Травин*, Европейский университет в Санкт-Петербурге; «Российское общественное мнение об идее “особого пути” России», *Борис Дубин*, Левада-Центр, г. Москва; «О конкуренции идеологий “особого пути” в постсоветской России: реставрационный и революционный русский империализм», *Андреас Уmland*, Католический университет, Институт по изучению Центральной и Восточной Европы, г. Айхштетт; «“Особый путь” и тоталитарный универсализм: о миросистемной укорененности авторитарных идеологий», *Михаил Соколов*, Европейский университет в Санкт-Петербурге; «Апология “особого пути” и ментальность россиян: взгляд извне», *Борис Фирсов*, Европейский университет в Санкт-Петербурге; «Идеология “особого пути” и реальное разнообразие путей исторического развития», *Эмиль Паин*

Общая дискуссия на тему: «Почему Германия преодолела, а Россия возрождает идеологию “особого пути”?»

Совместно с московским бюро Фонда Ф. Науманна,
Всероссийской государственной библиотекой иностранной литературы
им. М.И. Рудомино и Благотворительным фондом «Институт толерантности»

Семинар

18 февраля, г. Москва
ГУ – ВШЭ

Социально-политические процессы в Украине: национальная и региональные идентичности

«Формирование политической нации в Украине: проблема юго-восточных регионов», *Сергей Простаков*, ГУ – ВШЭ; «Русская диаспора в Крыму: политизация этничности», *Ольга Волкогонова*, МГУ; «Региональные особенности выборов в Украине», *Александр Фисун*, Харьковский национальный университет; «Хождение по турам – региональная специфика президентской избирательной кампании в Украине», *Анатолий Круглашов*, Черновицкий национальный университет; «Идентичность электората победителя второго тура президентских выборов в Украине», *Сергей Киселев*, Национальный университет «Киево-Могилянская академия»

Ведущий – Эмиль Паин

Совместно с ГУ – ВШЭ

Круглый стол

19 февраля, г. Ярославль
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Политическая наука и политические практики: как соединить идеи и принятие решений

Приветственное слово, *Александр Русаков*, ректор ЯрГУ; постановка проблемы круглого стола, *Игорь Киселев*, ЯрГУ; «Нужна ли политике наука?», *Илья Осипов*,

депутат Ярославской областной думы; «Фабрики мысли и центры публичной политики как институты соединения политической теории и практики», *Александр Сунгуров*, Санкт-Петербургский филиал ГУ – ВШЭ; «Функция производства смыслов и трансформация публичной сферы в постсоветской России: от 1990-х к 2000-м», *Ольга Малинова*, ИНИОН РАН; «Может ли политология осмыслить противоречия современного мира?», *Александр Фисун*, Харьковский национальный университет; «Социальные науки в Украине: между формальной институционализацией и энтропией творческой энергии», *Анатолий Круглашов*, Черновицкий национальный университет; «Развитие политической системы Украины в свете концепций демократического элитизма», *Сергей Киселев*, Национальный университет «Киево-Могилянская академия»; «Клеточная глобализация в столицах и на периферии: теоретические и практические аспекты», *Никита Покровский*, ГУ – ВШЭ; «Новые подходы в теории нации и политика государства в отношении национальностей в центре и регионах», *Леокадия Дробижева*, Институт социологии РАН; «Гражданское самосознание и государственная политика», *Наталья Иванова*, ГУ – ВШЭ

Совместно ЯрГУ им. П.Г. Демидова

Совет Товарищества

Журавлева Виктория Ивановна

*к.и.н., доцент кафедры мировой политики и международных отношений
Российского государственного гуманитарного университета
г. Москва*

Красиков Анатолий Андреевич

*председатель, д.и.н., профессор, главный научный сотрудник
Института Европы РАН,
руководитель Центра социально-религиозных исследований
г. Москва*

Курилла Иван Иванович

*д.и.н., заведующий кафедрой зарубежной истории и мировой политики
Волгоградского государственного университета
г. Волгоград*

Макарычев Андрей Станиславович

*д.и.н., профессор,
начальник научного отдела
Волго-Вятской академии государственной службы
г. Нижний Новгород*

Малинова Ольга Юрьевна

*д.филос.н., ведущий научный сотрудник отдела политической науки
Института научной информации по общественным наукам РАН
г. Москва*

*Образы
постсоветской России
в репрезентациях
экспертно-
академического
сообщества США*

Книга Э.Я. Баталова, подготовленная в соавторстве с двумя исследовательницами – В.Ю. Журавлевой и К.В. Хозинской¹, стала первой в отечественной историографии работой, претендующей на комплексный анализ образов современной России в США, на объяснение того, почему для внутриполитической игры в самих Соединенных Штатах по-прежнему столь активно используется «российская карта», на разноплановую характеристику факторов, формирующих представления о постсоветской России и определяющих их иерархию. В более широком плане авторы задаются вопросом, могут ли американцы, проникнутые духом строителей «Града на Холме», в принципе создавать позитивный образ более слабой, строптивой страны, желающей идти собственным путем, как это делает Россия в начале XXI века.

По своему замыслу и методологической конструкции, прописанных Э.Я. Баталовым во введении, первой и последней главах, коллективная монография тяготеет к научному направлению, получившему название «имагология международных отношений» и ориентированному на изучение ментальной (воображаемой) географии, транснациональных образов, стереотипов восприятия и мифов, на сопоставление «Своего» и «Чужого» и на понимание роли

Э.Я. Баталов, В.Ю. Журавлева, К.В. Хозинская.
Рычащий медведь на «Диком Востоке» (образы современной России в работах американских авторов: 1992–2007 гг.). М.; РОССПЭН, 2009. 384 с.

«Других» в выстраивании национальной идентичности. Имагологическая работа предполагает не только изучение процесса взаимовосприятия с позиции того, насколько совокупность представлений отличалась от реальности. Основное внимание исследователей занимает поиск ответов на вопросы: почему реальность воображалась так, а не иначе; за счет каких дискурсивных практик создавался образ другой страны и другого народа, и насколько он был подвижен; какова логика вербального и визуального письма, использованного для его конструирования. Таким образом, объектом

¹ Э.Я. Баталов – доктор политических наук, главный научный сотрудник Института США и Канады РАН (ИСКРАН), руководитель проекта, автор вступления, глав 1, 2, 4, 6, 11 и заключения; В.Ю. Журавлева – кандидат политических наук, научный сотрудник ИСКРАН, автор глав 3, 5, 7, 10; К.В. Хозинская – аспирантка ИСКРАН, автор глав 8, 9.

анализа становится не только рефлексия, но и саморефлексия, ибо ответ на вопрос «почему» кроется в социокультурном контексте, порождающем интонационный образ, который трактуется сквозь призму базовых культурных ценностей и менталитета общества, его проецирующего, а также с учетом национальной внутри- и внешнеполитической «повестки дня».

Применительно к имагологии российско-американских отношений «Свое», американское, становится точкой отсчета для восприятия «Другого»/«Иного», русского. Следовательно, изучение образа России в США связано прежде всего с пониманием матрицы национальных культурных символов американцев, их гражданской религии как совокупности национальных мифов, с анализом процесса формирования идентичности посредством использования русского «Другого» в качестве конституирующего, с рассмотрением внешней политики Соединенных Штатов как поля конструирования Я-концепции. Это не значит, что реалии развития Российской империи / СССР / постсоветской России не влияли на эволюцию ее образов и поддержание долгосрочных трендов ее восприятия по другую сторону Атлантики. Несомненно, влияли. Ни один устойчивый миф не может возникнуть и регенерироваться без опоры на реальные события и явления, а образ, каким бы стереотипизированным он ни был, в той или иной мере отражает реальность, вбирая ее отдельные черты. Однако в контексте изучения имагологии российско-американских отношений на первый план выходит вопрос о мотивациях, стоявших за интерпретациями этой реальности и определявших актуализацию одних ее характеристик и маргинализацию других. В США формировались в прошлом и продолжают формироваться в настоящем такие обра-

зы России, которые связаны с требованиями внутренней и внешней политики американцев, что определяет иерархию этих образов, превращая одни из них в доминирующие, а другие – в периферийные².

Согласно заявлениям авторов объектом их анализа стали материалы, которые связаны с деятельностью американских «имиджмейкеров» постсоветской России: государственных структур, бывших и действующих государственных деятелей, средств массовой информации, «фабрик мысли». Соответственно, можно было предположить, что речь пойдет об официальном, медийном и экспертно-академическом дискурсах. Однако на деле все внимание исследователей оказалось сосредоточено на реконструкции образов России в восприятии представителей американского экспертно-академического сообщества.

В качестве объекта изучения исследователи выделяют следующие образы: политического режима, внутренней, правовой, социальной и экономической политики России (авторы считают корректным именно такое разграничение), а также ее внешней политики в «ельцинский» и «путинский» периоды развития, президента и простого россиянина, наконец, России в контексте проблемы международной безопасности. Удачно подобранные названия глав, в которых воспроизводятся высказывания американских экспертов по «русскому вопросу», вводят читателя в пространство доминирующих образов и метафор: «От “ущербной демократии” к “новому сталинизму”», «Бессильный парламент», «слабые партии», «формальный федерализм», «“Олигархический капитализм” на “нефтяной игле”», «Богатые и бедные в “вымирающей стране”», «“Без бога в душе”, “без любви к свободе”», «“Революционер” и “полковник” в Кремле», «“Бледная тень” “со-

² Характеристику данного направления в контексте исследования взаимных репрезентаций русских и американцев см.: Журавлева В.И. Изучение имагологии российско-американских отношений по обе стороны Атлантики: итоги и перспективы // Американский ежегодник, 2009. М., 2010 (в печати).

ветского монстра», «“Враг” сдается, “угроза” остается», «“Имперские амбиции” “региональной державы”».

Анализ образов предваряет подготовленная Э.Я. Баталовым глава, создающая теоретико-методологический каркас коллективного исследования, раскрывающая его понятийный аппарат и акцентирующая внимание на долгосрочных трендах позиционирования образа России в США начиная с XIX века. На мой взгляд, объяснительная схема, предложенная в этом насыщенном плодотворными идеями разделе, могла быть усилена и получить более законченный вид в том случае, если бы автор попытался проследить корреляцию между идеологическими пристрастиями американских аналитиков и образом России, обозначить те устоявшиеся, пусть и достаточно условные, дискурсы о России, в рамках которых в США начиная с рубежа XIX–XX веков формируются ее различные образы и которые связаны с американским социокультурным контекстом и американской же «повесткой дня». Их можно обозначить как либеральный / универсалистский / оптимистический; консервативный / пессимистический / русофобский, радикальный, русофильский. Образы, конструировавшиеся представителями этих дискурсов, выстраивались на основе различного видения русского национального характера и природы русской цивилизации, исторического прошлого России и перспектив ее модернизации, правителя/правительства и народа, роли США/Запада в процессе обновления России посредством революций или реформ, наконец, с учетом признания/непризнания ее права на собственный путь развития с учетом национальных интересов самих Соединенных Штатов. Эта задача вполне решаема за счет привлечения более широкого круга публикаций российских и американских ис-

следователей. В качестве примера можно сослаться на монографии двух историков – Д. Энгермана и Д. Фоглесонга³.

Реконструкция образов России, вписанных в различные дискурсы о ней, на мой взгляд, позволяет выделить долгосрочные тренды восприятия с выходом на рубеж XX–XXI веков, понять разницу в критике либералов и консерваторов, русофилов и русофобов, радикалов и реалистов, рассмотреть те циклы надежд (в связи с очередным этапом модернизации России) и разочарований (по поводу его итогов), которые американское общество неоднократно переживало в прошлом в связи с обновлением Российской империи / СССР / постсоветской России и, уверена, будет переживать в будущем. Именно в рамках этих циклов наблюдалось колебание от романтического образа страны, готовой следовать западной модели развития и ожидающей помощь из-за океана, к демоническому образу правителя, а на последней фазе спада – и народа, к мифу об «извечной Руси». Как представляется, реализм американских наблюдателей как раз и рождался тогда, когда им удавалось увидеть многоликость России, отказаться от ее манихейского, дихотомического видения, от прогнозирования ее заранее известного будущего. Кстати, в предложенную схему анализа дискурсов прекрасно вписывается давний академический спор между Р. Пайпсом, многократно цитируемым на страницах коллективной монографии, и М. Малиа, ни разу авторами не упомянутым. В этом споре консервативной пессимистической идее об «азиатской» природе русской цивилизации и о неизбежном авторитаризме политического строя России, который определяется особенностями национального характера русских, противостояла идея Европы как совокупности «особых путей» развития (в том числе «русского

³ Engerman D.C. *Modernization from the Other Shore. American Intellectuals and the Romance of Russian Development*. Cambridge, 2003; Foglesong D.S. *The American Mission and the «Evil Empire». The Crusade for a «Free Russia» since 1881*. Cambridge, 2007.

пути»), образующих ступенчатый склон от Атлантики до Урала, тезис о бесконечном движении отставшей России вдогонку за ушедшими вперед лидерами прогресса. С одной стороны, это становилось основным фактором, детерминировавшим ее развитие, а с другой – подпитывало либеральный оптимизм по поводу перспектив ее модернизации. Впрочем, любой исследователь вправе выбирать собственную объяснительную схему, и та, что предложена авторами коллективной монографии, позволяет решить поставленную задачу и высветить различные грани образов постсоветской России в репрезентациях экспертно-академического сообщества США.

Каждая из глав посвящена анализу представлений американцев об одном из аспектов развития России на рубеже XX–XXI веков, из чего складывается настоящий калейдоскоп ее образов. Имеет смысл рассмотреть их последовательно, вступая в диалог с авторами, подчеркивая их творческие находки и акцентируя внимание на трендах позиционирования образа России в США в длительном временном диапазоне.

Обращаясь к сравнительному анализу американских образов политического режима в период деятельности двух первых российских президентов, Э.Я. Баталов выделяет в качестве основных факторов, оказавших влияние на эволюцию представлений в сторону демонизации: отказ от восприятия Запада в качестве модели для подражания (нежелание России выполнять роль прилежного ученика США, если воспользоваться метафорой И. Нойманна) и изменение отношения к демократии внутри самой России. Как верно замечает Баталов, по мнению американских экспертов, она не просто провалила экзамен на способность стать демократической страной, но и превратилась в угрозу для самой демократии (образы путинского правления, сводимые к мифологизируемому прошлому, – режим с элементами фашизма, сталинизма,

традиционалистский режим («извечная Русь»), режим с элементами позднесоветского общества или самый распространенный образ – режим авторитарный). Объясняя повышенный интерес американских наблюдателей к политическому режиму России тем, что именно с его природой они связывают российскую политику по отношению к США и Западу (с. 30), автор, на мой взгляд, актуализирует один из долгосрочных трендов восприятия России американцами, обьявлявшими источником ее внешней политики не национальные интересы, а природу ее политического режима. В данном случае мы наблюдаем типичный пример проекции вовне одного из основополагающих представлений Соединенных Штатов о самих себе – о том, что они действуют на мировой арене прежде всего исходя из демократического характера собственного политического строя. В итоге внешняя политика превращалась в поле конструирования национальной идентичности, а русский «Другой» выполнял роль конституирующего. Впервые это произошло в период первого кризиса в российско-американских отношениях в 1902–1905 годах.

Рассматривая взгляды американских экспертов на «ельцинское правление», Баталов делит их на оптимистов и пессимистов (и это деление сохраняется на протяжении всего текста книги в качестве преобладающего). Однако среди пессимистов оказывались, к примеру, и Р. Пайпс, и С. Коэн. Причем за их скепсисом стояла разная мотивация, что вновь возвращает нас к разговору о дискурсах. Если первый явно тяготел к консервативно-пессимистическому дискурсу с характерным для него видением неизменного национального характера русских и «азиатской» природы их цивилизации, то последний скорее был реалистом со всеми вытекающими последствиями. В то же время стремление Баталова объяснить иерархию образов, исходя не только из реалий развития России, но и из особенностей американ-

ского менталитета и политической культуры, а также с учетом решения определенной идеологической и политической задачи, выводит исследование на уровень комплексного анализа. Автор приходит к выводу, что для позитивизации образа России по другую сторону Атлантики необходимо повторение ситуации 1990-х годов с характерным внутривнутриполитическим вектором развития и отношением к опыту США (с. 71). Однако, как свидетельствует история двусторонних отношений, конструирование «романтического» образа России было во многом связано с завышенными ожиданиями самих американцев, в результате чего очередной виток их надежд заканчивался в прошлом и завершился в начале 2000-х годов разочарованием, замкнув очередное колебание от эйфории универсализма к прогорклой русофобии. Так, может быть, дело не в позитивизации образа *a la* 1990-е (читай – романтизации), а в необходимости учитывать происходящие в России разнонаправленные процессы, несводимые к заранее известным схемам?

На конструирование представлений о внутренней политике России, по мнению В.Ю. Журавлевой, оказывали влияние состояние и эволюция политических институтов, приоритетность сфер внутривнутриполитического развития и восприятие американской государственной и партийной системы как эталона (с. 81). Исследовательница рассматривает дискуссии, развернувшиеся в американском экспертно-академическом сообществе по вопросам о постимперской идентичности России, о вероятности «веймарского синдрома» и смещении баланса в системе властных полномочий в сторону Кремля и федерального центра в президентство В.В. Путина, о его практике партийного строительства и о подрыве основ демократии в «путинское правление» в целом. Автор акцентирует внимание на особой роли «чеченского вопроса», который, по ее справедливому замечанию, является

своеобразным барометром климата в российско-американских отношениях (с. 104). Остается лишь выразить сожаление по поводу того, что, во-первых, интересные для имагологического исследования параллели между «чеченским вопросом» в России и «иракским вопросом» в США остались лишь на уровне констатации (с. 104), а во-вторых, что ни В.Ю. Журавлева в данной главе, ни К.В. Хозинская в разделе, посвященном анализу представлений о военной политике России, не сделали объектом анализа многочисленные публикации в ведущих периодических изданиях США, посвященные действиям российского правительства в Чечне. «Чеченская проблема» лишь вскользь упомянута на страницах монографии, в то время как для реконструкции образов современной России, стереотипов и мифов восприятия, бытующих в американском обществе, комплекс медийных источников (заметим, не только вербальных, но и графических) оказался бы в высшей степени полезным.

Изучение представлений американских экспертов об экономической и социальной политике в президентство Б.Н. Ельцина и В.В. Путина приводит авторов к выводу о достаточной адекватности образов, возникших в США.

В главе, посвященной экономическому развитию России, следует обратить особое внимание на предложенный Э.Я. Баталовым компаративистский подход при рассмотрении американских образов «ельцинских» 1990-х с их критической ситуацией, ошибочными методами и правильным курсом на построение либерального капиталистического общества и «путинских» 2000-х с их благоприятной ситуацией, но порочным курсом и методами. Эти периоды, как справедливо замечает автор, объединяет появление «олигархического капитализма». Однако, соглашаясь в данном аспекте с заокеанскими экспертами, он подчеркивает нежелание последних учитывать фактор политической и социально-экономической стабилизации

в России. Рассматривая доминирующие и периферийные интерпретации российского капитализма, Баталов делает, на мой взгляд, важное наблюдение, связанное с перспективой эволюции образа России в США в целом: избежать демонизации представлений о ней при сохранении критического настроя становится возможно лишь при условии отказа от противопоставления Ельцина и Путина, от рассмотрения эволюции экономических отношений в России с учетом того, станет ли она подобна Соединенным Штатам Америки хотя бы по некоторым параметрам (с. 151, 161). В свою очередь, В.Ю. Журавлева делает интересное наблюдение по поводу того, что и в 1990-е, и в 2000-е годы социальные образы России (структура российского общества и его социальные недуги) использовались в качестве эмоционального фона при создании ее негативного имиджа (с. 163, 184).

Демонизации образа России по другую сторону Атлантики также способствовали представления о национальном характере россиян. Реконструируя их политический, социокультурный и этнографический собирательный образ, бытующий в США, Э.Я. Баталов предпринимает попытку выявить преемственность в репрезентациях русского, советского и «постсоветского» человека. Однако то, что касается коллективного портрета жителя Российской империи (с. 187–192), на мой взгляд, нуждается в значительных уточнениях. Обобщения применительно к периоду XIX – начала XX веков сделаны автором в основном на основе цитат из источников, включенных в текст монографии И.И. Куриллы. Но ведь она посвящена российско-американским отношениям в 1830–1850-х годах, в то время как на рубеже XIX–XX веков происходило новое открытие России и русских американцами, а в дискуссию о природе русской цивилизации и особенностях национального характера включились дипломаты, журналисты, бизнесмены, государственные и политические деяте-

ли, протестантские священники, преподаватели колледжей и университетов, переводчики и литераторы, оставившие массу публикаций на страницах прессы, тома публицистических работ, воспоминаний и переписки. Наконец, свою лепту внесли карикатуристы, способствовавшие подлинной визуализации образа России и населявших ее людей. Кстати, тогда же происходило и становление русистики в США. Поэтому сложно согласиться с выводом Э.Я. Баталова, будто в это время не сформировались устойчивые и во многом мифологизированные американские представления о России и ее народе (с. 187). Не просто сформировались, но и вписались в определенные дискурсы, в рамках которых один и тот же достаточно устойчивый набор стереотипизированных социально-психологических черт русских мог оцениваться по-разному, исходя из общего видения путей модернизации России. Параллельно Баталов обращает внимание на принципиально значимый для понимания мотиваций американцев фактор: как из их завышенных ожиданий рождался затем пессимизм по поводу национального характера жителей постсоветской России (с. 197–204). Действительно, сначала демонизировали образ В.В. Путина, подавлявшего внутреннее стремление граждан к свободе и демократии, а затем и образ россиянина (привычное окончание «цикла надежд и разочарований», впервые пережитого американцами в период Русской революции 1905–1907 годов).

Именно поэтому на фазе спада цикла в американском обществе меняется иерархия образов и оказываются не в чести те, кто склонен говорить о тяге русских к свободе и демократии – не меньшей, чем у других наций. Причем в ряды консерваторов-пессимистов на время вливаются и либералы-универсалы, и радикалы, раздосадованные очередным неудачным, с их точки зрения, экспериментом русских. Особо хочется отметить великолепную по замыслу

лу и исполнению концовку данной главы: «Придет ли к нам Эраст Фандорин?». Э.Я. Баталов со ссылкой на Л. Арона, использующего специфический литературный дискурс, пишет о том, что возникновение в России человека нового типа невозможно без формирования современного массового среднего класса, который разрушит многовековую ориентацию индивида на государство. Именно об этом, по мнению автора, говорят многие современные американские эксперты по «русскому вопросу», а от себя добавим – говорят еще с конца XIX века.

Глава, посвященная образу президента России, развивает тему «правитель и народ», издавна привлекающую внимание американцев. В.Ю. Журавлева осуществляет реконструкцию образов Ельцина и Путина и акцентирует внимание на стремлении представителей экспертно-академического сообщества США поначалу проводить параллели между В.В. Путиным и Ф.Д. Рузвельтом (образ сильного, либерального лидера – реформатора). И если американские наблюдатели от этой идеи быстро откажутся, имиджмейкеры Владимира Владимировича возьмут ее на вооружение и начнут активно эксплуатировать, говоря на языке образов, понятных американцам. Предпринятая попытка, на мой взгляд, свидетельствует о начавшемся процессе самоимиджирования, о чем Э.Я. Баталов будет писать в заключительном разделе монографии как о механизме улучшения представлений о России в США.

Рассмотренные исследовательницей образы свидетельствуют о том, сколь прочным является стремление экспертов по «русскому вопросу» связывать успехи и неудачи России с одним лицом – царем ли, генеральным секретарем,

президентом, сколь устойчивым трендом восприятия остается своеобразная «персонификация» происходящих в ней процессов. Как справедливо заметил И. Нойманн, политика Запада всегда направлена на поддержку конкретного российского руководителя, а не перестраивающейся системы. В итоге, когда эта конкретная политическая позиция оспаривается, то речь идет не об осмыслении самих перемен, а о том, каким образом они происходят и какова роль Запада в целом в их проведении⁴. Если, скажем, обратиться к американской политической карикатуре XX века, то можно обнаружить удивительную преемственность в позиционировании образов правителей России, начиная с Николая II и заканчивая В.В. Путиным⁵.

Автор данной главы мог найти дополнительные идеи и аргументы для своих рассуждений в тех многочисленных комментариях, которые появились в прессе США в связи с избранием журналом Time Путина человеком 2007 года. Увы, они остались вне поля зрения исследовательницы.

Интересные для изучения имагологии российско-американских отношений выводы сделаны в разделах К.В. Хозинской, посвященных анализу представлений о военно-оборонной политике российского правительства и реконструкции образа России в контексте проблемы международной безопасности. В первом случае исследовательница особо выделяет социальный аспект, связанный с нарушением прав человека в армии в 2000-е годы. По ее мнению, он не только добавляет изрядную долю негативных красок в палитру представлений о России в США, но и начинает играть роль одного из доминирующих, ибо саму армию представляют как сосредото-

⁴ Нойманн И.Б. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004. С. 14–15, 150–151, 154.

⁵ Об этом подробнее см.: Журавлева В.И., Фоглесонг Д.С. Конструирование образа России в американской политической карикатуре XX века // Мифы и реалии американской истории в периодике XVIII–XX вв. М., 2008. С. 189–262.

точение всех болезней российского общества и государства, а положение в ней – в качестве важного критерия успешности демократических реформ в России в целом (с. 259, 261). К долгосрочным трендам восприятия относятся рассуждения К.В. Хозинской по поводу той роли, которую оказывает на формирование представлений о российской армии образ главы государства (а впервые мы это наблюдаем еще в начале XX века), а также по поводу стремления американских экспертов трактовать борьбу за отмену призыва как крестовый поход российского народа против произвола государства» (давняя коммуникативная стратегия – народ vs. власть).

Рассуждая о проблеме международной безопасности в оценках представителей экспертно-академического сообщества, автор рассматривает переход от страха перед силой (СССР) сначала к страху перед слабостью («ельцинская Россия»), а потом к страху перед новыми имперскими амбициями «путинской России». Исследовательница обращает особое внимание на тот факт, что американцы рассматривают демократизацию России в увязке со своими национальными интересами и проблемой национальной безопасности, зачастую подменяя понятия «национальная безопасность» и «международная безопасность», а также выдавая американские национальные интересы за общечеловеческие (с. 281, 303). Обозначенный ракурс восприятия имеет давние традиции в позиционировании образа России в США, о чем речь уже шла выше. Здесь лишь добавим, что в период первого кризиса в российско-американских отношениях вопрос о том, насколько национальным интересам Соединенных Штатов угрожает реализация русскими особого пути развития, стал одним из значимых в общем дискурсе о России.

В.Ю. Журавлева в своем разделе, посвященном американскому образу внешней политики России, продолжает начатый К.В. Хозинской разговор о той

общей международной «повестке дня» двух стран, которая, по мнению американских экспертов, будет способствовать смягчению образа России в США. Причем анализу обеих исследовательниц явно не достает американского контекста, связанного с характеристикой внешнеполитических программ администраций Клинтона и Буша и их идеологического обоснования (это и есть внешнеполитическая «повестка дня» общества, позиционирующего инациональный образ). Автор рассматривает, как от поиска в 1990-е годы ответа на эмоционально окрашенный вопрос: «Россия – друг или враг США?», который, по справедливому замечанию исследовательницы, выстраивался посредством концептуальной пары «Запад vs. не-Запад», в начале 2000-х годов большинство американских аналитиков пришло к заключению: «она – никто», «Россия действует сама по себе» (с. 325). На мой взгляд, в определенной степени это является обнадеживающим симптомом деидеологизации объяснительной схемы, так как за подобными утверждениями скрывается признание того факта, что внешняя политика России выстраивается исходя из ее национальных интересов.

Написанная Э.Я. Баталовым заключительная глава коллективной монографии, где он пытается ответить на вопрос, насколько реальна перспектива трансформации факторов, от которых зависит формирование образа России в США, вносит важный вклад в осмысление имагологии российско-американских отношений в целом. К первой группе факторов, связанных с США как страной-имиджмейкером, автор относит различные измерения Я-концепции, особенности цивилизации, культуры и менталитета (в американском уравнении образа России это величины постоянные), а также видение перспектив собственного развития и национальных интересов, исходя из «повестки дня» американского общества в каждый конкретный период развития (величины

переменные). Ко второй группе факторов, связанных с Россией как страной-прообразом, относится ее внутреннее состояние и ее место в системе международных отношений. И то и другое может изменяться. Вопрос состоит в том, каким должен быть вектор этих изменений, чтобы происходила позитивизация образа России. Очевидно, таким, полагает Баталов, каким он был в 1990-е годы. А это невозможно. К третьей группе факторов, зависящих от характера связей между странами, автор относит культурно-цивилизационные различия, исторический опыт взаимодействия, традиции взаимовосприятия, наконец, заинтересованность США в сотрудничестве с Россией. Как справедливо пишет Баталов, с первыми тремя мы ничего поделать не сможем, с этим придется жить. Однако от себя добавлю, что даже опыт исторического взаимодействия интерпретируется со смещением акцентов на те или иные периоды истории в зависимости от климата российско-американских отношений. То же самое можно сказать и об интерпретации традиций взаимовосприятия. Причем и первое, и второе оказывает определенное влияние на историописание двусторонних отношений по обе стороны Атлантики. Что же касается заинтересованности США в сотрудничестве с Россией, здесь, на мой взгляд, есть определенные перспективы, хотя Э.Я. Баталов и прав в том, что этот вектор американской внешней политики несопоставим с китайским. Речь может идти о совместных действиях двух стран в области ограничения ядерных вооружений, нераспространения оружия массового уничтожения, энергетики, борьбы с терроризмом, экологии и даже торговли.

Глава, завершающая коллективную монографию, парадоксальным образом подчеркивает ее главный недостаток: разрыв между теоретической схемой и реальным содержанием большинства глав. Это особенно заметно в разделах В.Ю. Журавлевой и К.В. Хозинской. Причем во всех главах отсутствует кон-

текст, связанный с «повесткой дня» американского общества, т.е. актуальной для конкретного периода конфигурацией внутри- и внешнеполитических проблем, с учетом которых разыгрывается упоминаемая авторами «русская карта». Именно на этом уровне усиливается действие концептуальной пары «Я – Другой» и происходит приурочение «Другого». В данном случае нас интересует ответ на вопрос, как работал «русский экран», проецируя проблемы, возникавшие в «американском доме», какая метафора выходила на первый план – «стеклянного дома» или «мальчика для битья» и «темного двойника».

Правда, авторы могут возразить мне, что задача последней главы заключалась в осмыслении перспектив эволюции образа России, а не в формировании теоретической схемы для коллективной монографии в целом. Поэтому-де она и последняя. Но все то, о чем с таким мастерством и знанием дела пишет Э.Я. Баталов в данном разделе, как раз и дает возможность комплексного анализа представлений о России и русских в Соединенных Штатах. А разве не это было заявлено в качестве основной цели данного проекта?

Отчасти вышеназванный недостаток компенсируется в заключении, выстроенном на основе концептов «Враг» – «Чужой» – «Свой» – «Друг». Здесь происходит соединение результатов коллективного исследования, представленных Баталовым в обобщенном виде, и теоретической схемы.

Впрочем, эту книгу стоит оценивать по принципу «что удалось сделать». А удалось выявить и проанализировать обширный комплекс источников и создать первую в историографии обобщающую работу об образах постсоветской России в репрезентациях представителей экспертно-академического сообщества США, работу, вызывающую плодотворную дискуссию и здоровую интеллектуальную рефлексию, привлекающую гражданской позицией

авторов и их попыткой разобраться в чувствах самих россиян. Соглашусь с честным и отражающим реальное положение вещей утверждением Э.Я. Баталова о сложном отношении к Соединенным Штатам в российском обществе, которое В.О. Печатнов очень точно назвал чувством любви-ненависти: «Мы тянулись к Америке, нам всегда хотелось, чтобы Америка нас полюбила, пусть мы и не говорили об этом открыто. И не любили Америку нередко не за то, что она не похожа на нас, а за то, что она не любит нас, за отсутствие взаимности» (с. 360).

Коллективная монография, несомненно, вызовет интерес исследователей, преподавателей и студентов-международников. Четко структурированный текст, обобщающие аналитические разделы в конце глав, теоретические положения и методологические выкладки будут способствовать ее интеграции в учебный процесс, что стимулирует подготовку студенческих работ по импологии российско-американских отношений. Знакомство с этой книгой окажется полезным политикам и политтехнологам по обе стороны Атлантики. С одной стороны, она нацелена на понимание того, что не только от России зависит изменение ее образа в США, на выявление символов и смыслов современной прикладной русофобии на Западе. А это, на мой взгляд, помогает понять одну простую вещь: вопрос состоит не только в том, будет ли русский «Другой» и дальше выступать в роли одного из конституирующих и участвовать в формировании американской идентичности (в конце концов, есть мусульманский «Другой», процесс создания которого активизировался после 11 сентября 2001 года), но и в том, как это будет делаться. С другой стороны, созданные в США образы современной России полезны для самих россиян, так как в это «американское зеркало» при всей его кривизне имеет смысл периодически всматриваться, дабы понять, как нас воспринимает Запад и за что он

нас так не любит, каким образом выстраивать международный имидж России и ее лидера. Другое дело, что антиамериканизм очень удобен для конструирования национальной идентичности в самой России, и американский «Другой», полагаю, сохранит свою определенную роль в процессе формирования русской Я-концепции.

Э.Я. Баталов приходит к пессимистическому выводу по поводу того, что кардинального изменения образа России в ближайшее время ждать нечего. В этом выводе есть изрядная доля истины. Однако, на мой взгляд, существуют и обнадеживающие симптомы. Во-первых, и в США, и в России как на официальном, так и на общественном уровне все громче звучат голоса тех, кто ратует за выработку общей международной «повестки дня», причем выходящей за рамки российско-американских отношений. История XIX–XX веков подпитывает эти надежды. Во-вторых, в США постепенно расширяется группа экспертов-реалистов, подобно Г. Киссинджеру, призывающих американцев правильно расставлять приоритеты и не усложнять свою внешнюю политику по отношению к России стремлением к предписанию схемы ее исторического развития или, подобно С. Коэну, обвиняющих в развязывании «новой холодной войны» и в провоцировании России сами Соединенные Штаты. В-третьих, обнадеживает и (на что указывает Баталов в заключении) объективная заинтересованность в улучшении международного имиджа России не только Москвы, но и Вашингтона, так как американский остракизм вызывает ответную реакцию в российском обществе, способствует росту антиамериканизма и, добавлю, используется для усиления властной вертикали. И наконец, меня обнадеживают отдельные наблюдения самих авторов коллективной монографии, например, связанные с наметившейся тенденцией отказаться от схемы «Запад – не-Запад» при рассмотрении внешней политики России и даже с готовностью считать ее «Чу-

жим», но не «Врагом». Позитивизация образа *a la* 1990-е невозможна, тут Баталов прав. Но, может быть, дело не только в этом или вообще не в этом. В конце концов, возникший тогда романтический образ вписывался в общее дихотомическое видение России в США. И обязательно «Враг» должен превратиться в «Своего», как считает Баталов. Он может остаться «Чужим», но многоликим, что, на мой взгляд, оставляет простор для корректировки образов.

И вот здесь, соглашусь с Эдуардом Яковлевичем, Россия должна работать над своим международным имиджем посредством создания собственных новостных каналов, использования русского этнического сообщества в США, налаживания более тесных контактов с западными СМИ и расширения возможностей для непосредственного знакомства американцев с Россией – многоликой, не укладывающейся в жесткие схемы развития. Правда, опыт российско-американских отношений (да и не только) свидетельствует о том, что расширение информации о России в США не обязательно приводит к корректировке представлений о ней в лучшую сторону. Однако в любом случае оно приводит к созданию конкурирующих образов и к отказу от упрощенного, манихейского (свет – тьма, белое – черное) восприятия. А это уже шаг вперед. Что же касается опыта самоимиджирования, то здесь, как справедливо заметил Баталов, есть чему поучиться у американцев, хотя бы в том, как конструируются представления о символах, воплотивших дух народа и страны.

Можно, конечно, отмахнуться и сказать: «Очень надо, пусть что хотят, то и думают о нас». Однако вся история XX века показывает, как самоимиджирование оказывало реальное влияние не только на позиционирование образа в инациональной среде, но и на двусторонние отношения в целом (вспомним хотя бы в высшей степени успешную пропагандистскую кампанию Японии, развернутую в США и Великобритании накануне и в ходе Русско-японской войны).

Книга завершается рассуждениями Э.Я. Баталова о необходимости признания многообразия мира. От себя лишь добавлю. Если России предстоит идти путем реформ и консолидации гражданского общества, а также укрепления международного авторитета, с чем, безусловно, связан ее образ по другую сторону Атлантики, то идеологам и деятелям политики в США после упоения триумфализмом и мечтаний о гегемонии предстоит научиться толерантности, предполагающей право других стран и народов на инаковость. Ведь в многообразии мирового сообщества состоит прелесть его бытия. Сможет ли администрация Б. Обамы продвинуться в данном направлении, усилив реалистическую составляющую внешней политики, покажет время.

Виктория Журавлева,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры мировой политики
и международных отношений РГГУ,
Former Kennan Institute Short Term
Scholar

Summaries

George F. Kennan

News About the Victory...

Appearing as it does in May 2010, the present issue of our journal cannot not help but touch on the 65th Anniversary of the Great Victory. We decided to focus our readers' attention on a tiny fragment from the reminiscences of George F. Kennan. In May 1945 George Kennan, founder of the Kennan Institute, was serving in Moscow as the U.S. Charge d'Affaires to the USSR. We feel that this episode captures very well the atmosphere of those days – felt by Soviet citizens and Americans alike – the common happiness of two peoples about a common victory over a common enemy. Today, when relations between Russia and the United States can hardly be described as those of allies, and are sometimes not even friendly, it is especially important to recall that moment in history. If our parents and grandparents were capable of friendly feelings, then we probably are too.

Boris Shpotov

Lessons Learned by Russia from American Big Business

In the 1880s US industry welcomed the emergence of Big Business – giant companies unique in the scale of their production and marketing activities. These companies emerged in industries with all the necessary conditions for mass production and sale of goods. Demand increased due to the rapid growth in both population and immigration.

In the 1920s–1930s the Soviet Union regarded US industry as a model of rapid technical development and a key to modernization of the national economy. The country sought Western know-how and designs for factories and plants, and organized the training of Soviet specialists and workers under the supervision of American instructors. In Western Europe, American methods of management and organization of industry were beginning to spread in much the same way. The USSR entered the «Americanization zone» but, despite certain industrial similarities, avoided becoming a «second America», though in the 1930s it was already ranked among the industrially developed countries. As far as post-Soviet Big Business is concerned, this time the Russian export and raw-materials monopolies, as well as other large companies, have chosen not to follow the American model.

Oleg Reut

Anti-Americanism in the Russian Segment of the Blogosphere

Why is it that the age of globalization has been accompanied by a no less global spread of Anti-Americanism? Is America a Relevant Other for today's Russia? Is Anti-Americanism really just a common term for declaring opposition to American foreign policy, or does it go deeper? What makes Russian Anti-Americanism different? How is

Anti-Americanism constructed in the Russian segment of the blogosphere? How could it be studied? And what kind of practical results could be gained from such research?

In this paper, the contemporary discourse of Anti-Americanism is analyzed as a combination of texts created for political communication in order to verify the limits of American exceptionalism in the Russian state's foreign and domestic policies. The paper argues that an approach based on observing how bloggers use the term «Anti-Americanism» is now unsound. In blogs, the term is becoming less comprehensive and valuable. «Anti-Americanism» is becoming a marker in which the communicative sense is strictly dependent on the context.

Emil Pain

The Cyclical Nature of the «Special Path» of Development in Post-Soviet Russia

Cyclical processes have only recently attracted the attention of international sociological and political studies. For this reason, whenever any country temporarily pulls back from democracy it arouses in some people a feeling of almost mystical horror, and leads others to believe that some nations are simply not receptive to democracy. According to the author's hypothesis, since the beginning of the 2000s Russia has demonstrated a temporary withdrawal from democracy that is absolutely typical of many countries. Obviously in Russia, as in any other individual country, this universal process of undulating fluctuation has its national specifics. Nevertheless, it should not be regarded as a «special path», interpreted by its ideologists as a mystical predetermination of Russian authoritarianism.

Włodzimierz Marciniak

The Concept of «Space» in Russian Political Discussions of the 1990s–2000s

The author draws readers' attention to the role of the term «space» in Russian political discourse. The term often refers to phenomena that are not readily susceptible to spatial measurement and that are most often interpreted in other countries as «system», «structure» or «social logic».

According to W. Marciniak, several symbolic forms from the past that are familiar and dear to many people (such concepts as *great country*, *special path*, *post-Soviet space*, *Soviet nostalgia*) are being invoked in the mass media in the absence of adequate alternative means of describing and explaining the new reality. Intricate schemes for manipulating «old concepts» have become part and parcel of Russian symbolic policy. The concept of «space» has become very important, because post-Soviet nostalgia is connected to a greater degree with the loss of territory, than with the passage of time. The concept «space» helps to remove «rationalistic» ideas about the objective reasons for and consequences of the collapse of the Soviet Union, and brings to the forefront the sense of depression and oppression aroused in people by the loss of space.

Sergei Prostakov

Forming a Political Nation in Ukraine: the Problem of the South-Eastern Regions

The Russian mass media, especially those involved in constructing and implementing Great Power ideas, cherish a hope that a breakup of the country – and its at least partial annexation by Russia – will start in the South-Eastern regions of Ukraine. Suspicions about the possible role of these regions in splitting the country find their way from time to time into some of Ukraine's leading publications too. Neither Russia, nor Ukraine has

attempted to consider the positive role of these regions in forming the Ukrainian political nation. The author is the first person to make this attempt. His research leads him to conclude that the contribution of residents of the South-Eastern regions to the process of consolidation has been quite unique, because more than anyone else they are interested in the development of a political nation based in the first place on civil, not ethnic identification. According to Prostakov, under such ideological conditions the growing political role of these regions can be regarded not as a sign of an approaching split in the country, but rather as an indicator of the potential stable development of Ukrainian statehood and society.

Olga Vendina

Ukraine In Between Russia and Poland: Contradictions of Transborder Cooperation

The author regards the development of transborder cooperation as a tool for building a better understanding between neighbor states that have been united historically, yet divided by mutual claims and offences. According to the author, the major advantage of transborder cooperation is the creation of new forms of local and national identities based on bilateral recognition and confidence. While reflecting the development of Ukrainian–Polish transborder cooperation, the comparative analysis contributes to a better understanding of the prospects for Russian-Ukrainian partnership in the border regions.

Venaly Amelin

New Ethnic Groups on the Russian Borders: Integration or Segregation

The author analyses migration processes in the Orenburg oblast' that are leading to changes in the ethnic structure of the population and growth of ethnic communities. The author describes the attitude of the local population to an influx of new residents, highlights the present status of immigrants within the context of the financial and economic crisis, and reviews the activities of ethno-cultural organizations aimed at promoting further integration.

According to Mr. Amelin, the Orenburg region does need immigrants. Despite the financial and economic crisis and against a backdrop of growing unemployment, the region still has job vacancies for skilled workers. At the same time, it is necessary to facilitate the adaptation and successful integration of migrants into Russian society, to change the attitude of the host community towards new residents, and to overcome negative feelings towards cultural differences. On the other hand, ethnic migrants should not allow their national and cultural associations to become closed organizations, because segregation, self-isolation, and adherence to their «otherness» will lead only to an increase in social hostility.

Vladimir Volkov

The Concept «Ethnic Minority» in Latvian Sociology in the Period 1991–2009

The concept «ethnic minority» (or «national minority») belongs to that group of scientific terms, without which it is impossible to imagine Latvian sociology in the period since 1991, when the national state system was restored. This interest on the part of Latvian sociologists can be explained by the ethno-political reality: Latvia, both historically and especially in the second half of the 20th century, as well as at the beginning of the present century, stands out as an ethnically diverse society. In general it can be noted that at the

modern stage of Latvian ethnosociological research, particularly in the content analysis of the concept «ethnic minority», the multicultural ideas of Latvian sociologists about multi-ethnic Latvian society are taking on greater significance. Scrutinising the concept of «ethnic minority» in Latvian sociology during the period of the restored Latvian state system is also important in order to clarify a concrete issue: in what way is the Russian ethnic minority «built in» to the civil community and the national state? The logic of «ethnic minority» content development in Latvian sociology is connected with the gradual orientation on multicultural ideas about Latvia's ethnic minorities.

ПРИГЛАШАЕМ АВТОРОВ К СОТРУДНИЧЕСТВУ

Редакция будет признательна авторам, которые пришлют статьи для следующего выпуска «Вестника» (№ 18, осень 2010) до 1 сентября 2010 года.

Принимаются материалы объемом не более 40 тыс. знаков (с пробелами) в электронной версии формата Word for Windows. Комплект статьи включает справку об авторе, в которой указывается фамилия, имя и отчество, место работы, ученая степень, ученое звание, адрес, телефон, факс, адрес электронной почты. Автор должен указать источники всех приводимых в статье цитат, цифр и иной информации. Аббревиатуры поясняются.

Ссылки должны быть оформлены в соответствии с государственным стандартом и расположены в конце текста в порядке следования. Примеры:

1. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Academia-Центр, 1995. С. 281.
2. *Шахов М.О.* Проблемы взаимоотношений старообрядчества с современным миром // Старообрядчество. История. Культура. Современность. М., 1998. С. 10.
3. *Hamilton G.H.* The Art and Architecture of Russia. Baltimore: Penguin Books, 1975. P. 180–182; *Brumfield W.C.* Gold in Azur: One Thousand Years of Russian Architecture. Boston: David R. Godine, 1983. P. 227–333.
4. *Найман А.* Русская поэма: четыре опыта // Октябрь. 1996. № 8. С. 131.

Решение об опубликовании материалов принимается редколлегией.
Редакция оставляет за собой право на литературную правку
и изменение заглавия статей.

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА КЕННАНА В РОССИИ
№ 17 / 2010

Сдано в набор 23.04.2010 Подписано в печать 26.04.2010 Формат 70x108/16 Объем 9 п.л.
Тираж 750 экз. Печать офсетная Заказ № 68
Отпечатано на Государственном предприятии Калужской области «Облиздат»
248680, Россия, пл. Старый торг, 5